

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИИ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

На правах рукописи
УДК:323.1:327

МАМЫТОВ ЭМИЛЬ АБАКИРОВИЧ

**ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ (НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ)
ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЦЕССА**

23.00.02 - политические институты, процессы и технологии

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Научный руководитель: член –корреспондент НАН КР,
доктор философских наук, профессор Тогусаков О.А.

Бишкек – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теория идентичностей в современном мире	
1.1. Типология идентичностей	14
1.2. Базовые ценности европейской идентичности.....	30
Глава 2. Механизмы и инструменты конструирования современной европейской идентичности	
2.1. Принцип наднациональности в теории и практике евроинтеграции.....	43
2.2. Институт европейского гражданства как инструмент консолидации наднациональной идентичности	69
Глава 3. Политические концепты идентичности и реалии	
3.1. Европейская идентичность в контексте противоречий	93
3.2. Интеграция в постсоветском формате: уроки Евросоюза....	116
Заключение.....	139
Библиография	145
Приложение.....	162

Введение

Актуальность темы исследования. Большинство современных государств из-за интенсивного международного миграционного движения все чаще рассматриваются в гетерогенной парадигме, принципиальное содержание которой заключается в проблеме самоидентификации различных народов и этносов, а также наличия конфликтного потенциала в этнокультурной и политической сферах. Эта проблема приобрела общепланетарное значение, так как сегодня этнически гомогенными являются менее 10% стран мира. Вопреки политическим интересам многонациональных государств, национальные меньшинства, преимущественно иммигранты, выстраивают свою самоидентификацию не на политической основе, прочно связывающей граждан и государство, но и на этнокультурной, религиозной. Возникает конфликт идентичностей, что приводит к отчужденности между мигрантами и принимающим обществом, что подрывает внутреннюю стабильность государства, стимулирует политический сепаратизм.

Аналогичные процессы проявляются также в международных интеграционных объединениях. Евросоюз (ЕС) в этом смысле является хорошим примером. Опираясь на общие ценности государств-членов, ЕС пытается выковать общеевропейское сознание, европейскую идентичность. В углублении евроинтеграции ей отводится ведущая роль. ЕС разработал и реализовал различные программы и проекты по консолидации наднациональной идентичности европейцев. Назовем, в частности, введение института европейского гражданства, меры по созданию общего политического, правового и образовательного пространств.

Тем не менее, задача консолидации наднациональной идентичности до сих пор не решена. Более того, процесс носит противоречивый, и даже попятный характер. Эта ситуация вызвана различными причинами, включая растущую культурно-языковую и религиозную гетерогенность Сообщества, конфликты идентичностей на уровне отдельных стран ЕС и

самого сообщества, просчеты в строительстве единой Европы. К тому же серьезная коллизия идентичностей вызвана нежеланием иммигрантов, преимущественно мусульманского происхождения, воспринимать европейские ценности, европейский образ жизни.

Анализ концепта наднациональной идентичности и реальной ситуации в этой сфере важен не только с прогностической точки зрения. Важный аспект проблемы — экстраполяция опыта ЕС на политические реалии в постсоветское пространство в контексте расширения Евро-Азиатского Экономического Сотрудничества. Запуск Таможенного Союза и Единого экономического пространства, в которое вступает в ближайшее время Кыргызстан, поставил в политическую повестку государств-членов применение принципа наднациональности. Сегодня в формате экономической интеграции Российской Федерации, Казахстана и Беларуси уже функционируют наднациональные структуры, а в качестве регулятора общественных отношений используются нормы наднационального права. Вместе с тем, как показывает опыт ЕС, государства-члены не могут ограничиваться исключительно сферой экономики: интеграция постепенно будет охватывать и другие области, включая межнациональные отношения, образование и т.д. Таким образом, в перспективе интеграция постсоветских государств станет мощным фактором развития их экономики, обеспечения безопасности общего пространства, укрепления взаимодоверия народов.

Важным инструментом углубления постсоветской интеграции может стать формирование наднациональной идентичности. Этому процессу следует придавать не элитарный характер в смысле приверженности наднациональным ценностям только заинтересованных слоев истеблишмента государств-членов, но и массовое движение в пользу интеграции и формирования союза народов. Успеха можно добиться, если в одном направлении и согласовано будут задействованы инициативы, проекты и программы, проводимые «сверху» и потенциал широкой общественности (поддержка «снизу»). Излишняя бюрократизация

процесса интеграции и формирования наднациональной идентичности в рамках евразийского проекта могут дискредитировать его базовые идеи. Анализируя потенциал формирования наднациональной идентичности, важно отметить, что стартовые позиции постсоветских государств по сравнению с ЕС более благоприятны. Поэтому задача интегрирующихся стран, наднациональных структур и общественности постсоветских государств заключается в том, чтобы приумножить имеющийся потенциал сотрудничества, поставить его на службу общему развитию.

Степень разработанности проблемы. С точки зрения понимания теорий интеграции (федерализма, функционализма, неофункционализма, интергавементализма), предпосылок, форм, закономерностей и этапов региональной экономической интеграции очень полезными оказались труды западных и российских политологов, специалистов по международным отношениям и экономистов, в том числе Д. Митрани, А. Моравчика Е. Хааса, А. Этциони [1,2,3], О. Буториной, Ю. Борко, В. Шемятенкова А. Либермана, Б. Хейфица и других [4,5,6]. Для нас принципиально важным было выяснить соотношение теорий и практик в процессе евростроительства, причины и объективную политическую обусловленность смены теоретических подходов при решении конкретных проблем евроинтеграции.

Анализ институционально-правовой архитектуры Европейских сообществ и Европейского союза, содержащийся в работах С. Хикса, К.Брэдли, В. Весселя, А. Маурера [7,8] и ряда российских ученых, в частности, Ю. Кавешникова и С. Кашкина [9,10], позволил проанализировать роль институтов и органов ЕС в процессе углубления и расширения Сообщества, соотношения межправительственного и коммунитарного методов управления.

Исследованию проблемы европейской наднациональной идентичности предшествовало тщательное изучение теоретических

аспектов, в том числе типологии идентичностей в современном мире, их множественности и конкуренций на уровне индивидов, общественных групп, этносов и народов, условий неконфликтного сосуществования различных идентичностей и т.д. Данным вопросам посвящены работы западных ученых Ю. Хабермаса, С. Хикса, Р. Дарендорфа и др. [11, 12,13]. Из российских публикаций назовем работы О. Буховца, Е. Крестининой, Б.Маркова, Л. Фадеевой, Ф. Флиера[14, 15, 16, 17, 18]. Также следует отметить труды исследователей, которые являются основополагающими в развитии отечественной политологии: М.Т. Артыкбаева, Ж.Ж. Жоробекова, Ж.С.Сааданбекова, М.Ш. Шеримкулова, А.Дононбаева, А. Акунова и др.[19, 20, 21, 22, 23, 24].

Историко-культурные основания общеевропейской идентичности раскрыты в исследованиях Ю. Борко, Е. Водопьяновой, а также в работах отечественных политологов: А. Омурбековой и Д. Аpezовой. [25, 26, 27,28]

Политика и практика Евросоюза по развитию общеевропейской идентичности и института европейского гражданства проанализированы российским учеными Г. Вайнштейном, И. Семененко, У. Смирновой и др. [29, 30, 31]. В западной политологии эти проблемы осветили Р. Дарендорф, С. Клоз, Ф. Райсс, М. Сассателли, Ю. Хабермас и др. [32, 33, 34, 11]

В целях компаративистского анализа институционально-правовой структуры Таможенного союза/Единого экономического пространства и Европейского союза использовались работы ученых постсоветских стран: Н. Кавешникова, И. Иванова, Э.Чулановой, Н. Максимчука, М. Головина, А. Якушева и др. [35, 36, 37, 38]. Нарботки этих ученых позволили выявить как особенности, так и общие элементы институционального устройства вышеназванных региональных объединений.

Отсутствие в российской и отечественной политологии научной работы, в которой на основе междисциплинарного подхода и междисциплинарной методологии были бы исследованы проблемы

идентичностей в современном мире, включая конфликт идентичностей на основе этнокультурных и религиозных критериев, альтернативы эволюции общеевропейской идентичности, а также использования соответствующего опыта Евросоюза в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, обусловили наш исследовательский интерес к данным проблемам.

Источниковедческая база исследования. В процессе работы над диссертацией нами был использован широкий круг документов, которые позволили определить политику региональных экономических интеграционных объединений (Евросоюза и Таможенного союза) по различным вопросам интеграции. Прежде всего, важнейшее значение мы придавали учредительным договорам Европейских сообществ и Европейского союза, включая договоры об учреждении ЕОУС, ЕЭС, Евратома, Евросоюза, а также Единый Европейский акт, Амстердамский, Ниццкий и Лиссабонский договоры [39, 40, 41]. Рассмотрена также роль Хартии ЕС об основных правах, которая в соответствии с Лиссабонским договором, получила обязательную юридическую силу в контексте защиты прав и свобод человека и гражданина [42]. Политические подходы Евросоюза по проблемам формирования наднациональной идентичности и европейского гражданства содержатся в документах Европейской комиссии [43]. Правовая база Евросоюза в области расширения прав граждан ЕС и конструирования европейской идентичности представлена базовыми нормативно-правовыми актами Совета ЕС и Европарламента [44].

Нами проанализированы также инициативы и проекты Евросоюза по консолидации европейской идентичности, в частности, в области культуры, а также по защите культурных ценностей Сообщества [45, 46]. Деятельность европейского омбудсмена по защите интересов граждан Евросоюза нашла отражение в его ежегодных официальных отчетах [47]. Политически значимые данные, касающиеся отношения граждан стран

Евросоюза к наднациональной (общеевропейской) идентичности, политике «вропеизации» содержатся в публикациях Евробарометра[48]. Привлечены также документы Евросоюза, освещающие организацию и функционирование публичной службы Сообщества, что позволило нам провести сравнительный анализ принципов формирования наднациональных структур Таможенного союза и Единого экономического пространства [49, 50]. В качестве важных источников использованы результаты различных научных исследований [51].

Важное источниковедческое и научно-познавательное значение придается нормативно-правовым актам и документам Таможенного союза и Единого экономического пространства [52, 53,54, 55, 56, 57].

Цели и задачи исследования. Основная цель состоит в междисциплинарном анализе общеевропейской (наднациональной) идентичности в современных условиях и возможности применения соответствующего опыта Евросоюза странами Таможенного союза и Единого экономического пространства.

В достижении поставленной цели необходимо было решение следующих **задач:**

1. Рассмотреть типологию современных идентичностей индивидов и социальных групп, влияние социализации человека на выбор конкретных идентичностей, а также способы и технологии неконфликтного сосуществования различных идентичностей;

2. Охарактеризовать базовые элементы европейской идентичности, их объективно-историческую обусловленность;

3. Выявить фундаментальную роль принципа наднациональности в процессе евростроительства; доказать корреляцию европейского интеграционного проекта с формированием наднациональной идентичности;

4. Описать основные инструменты и механизмы ЕС, в том числе

политико-правовые, направленные на консолидацию европейской идентичности (проекты в сфере культуры, региональная политика, институт гражданства ЕС и т.д.);

5. Выявить противоречия и негативные установки, оказывающим тормозящее и даже попятное воздействие на процесс консолидации «европеизма»;

6. Исходя из опыта Евросоюза, проанализировать возможность формирования наднациональной идентичности как фактора развития интеграционных процессов в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Методология исследования. В процессе работы над диссертацией нами применялись различные научные методы. При анализе проблемы идентичностей использовался, в частности, конструктивистский метод сравнительной политологии. Благодаря ему идентичность рассматривается как многоуровневый, многоаспектный феномен, формируемый целенаправленно изначально. В этом процессе исследована также роль социальных (семья, род, и т.д.) и политических институтов (например, государства). Особенно полезным конструктивистский метод оказался при анализе и исследовании европейской идентичности. Структурно-функциональный метод позволил проанализировать особенности статуса и роль отдельных институтов и органов Евросоюза в политической системе Сообщества. Для рассмотрения этапов институционально-правового развития ЕС использовался историко-хронологический подход. Этот же метод оказался эффективным инструментарием при анализе этапов интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Компаративистский метод применялся при анализе институционально-правовой архитектуры Евросоюза и Таможенного союза, благодаря чему удалось выявить общее и особенное. Использовались также формально-юридический и количественный методы (контент-анализ и ивент-анализ).

Научная новизна исследования заключается в том, что обобщены

научные результаты западной, российской и отечественной политологии; выявлены корреляции процесса евроинтеграции с формированием общеевропейской идентичности, в том числе с помощью политико-правового конструкта; сделаны выводы о соотношении политического концепта «европеизма» с реальной ситуацией в Сообществе; доказана возможность использования европейского опыта (позитивного и негативного) по формированию наднациональной идентичности в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Научная новизна исследования заключается в том, что обобщены научные результаты западной, российской и отечественной политологии; выявлены корреляции процесса евроинтеграции с формированием общеевропейской идентичности, в том числе с помощью политико-правового конструкта; сделаны выводы о соотношении политического концепта «европеизма» с реальной ситуацией в Сообществе; доказана возможность использования европейского опыта (позитивного и негативного) по формированию наднациональной идентичности в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Процесс глобализации актуализировал проблему идентичности индивидов и общественных групп. Для них появилась возможность диверсификации самоидентификации в новой парадигме взаимоотношений с окружающим миром. Вместе с тем, интересы внутренней стабильности государств, особенно полиэтнических, обострили проблему укрепления общегражданской идентичности. Новым типом идентичности является формирование наднациональной идентичности в рамках интеграционных объединений.

2. Ряд элементов европейской идентичности имеют исторические корни, в том числе в сфере культуры, искусства, права, демократии, психологии и менталитета. Вместе с тем в период евростроительства появились факторы, оказывающие влияние на развитие европейской

идентичности.

3. Принцип наднациональности является фактором, определяющим эффективность процесса европейской интеграции и формирования общеевропейской идентичности. В первую очередь ее носителями выступает евробюрократия, а также часть политической и деловой элиты государств-членов. На массовом уровне государства-члены и ЕС реализуют различные проекты и программы, конструирующие у европейцев чувство «европеизма».

4. Институт гражданства Евросоюза представляет собой важнейший политико-правовой инструмент консолидации общеевропейской идентичности, повышения уровня защиты прав и свобод граждан ЕС.

5. Реализация политического концепта Евросоюза по усилению общеевропейской идентичности сталкивается с серьезными противоречиями и даже элементами эрозии. Деструктивную роль играют такие обстоятельства, как просчеты в процессе евростроительства, реализации программ интеграции мигрантов, особенно мусульманского происхождения, растущая этнокультурная и языковая гетерогенность европейского общества и т.д. Сложившаяся ситуация затрудняет прогнозирование относительно будущего общеевропейской идентичности.

6. Интеграция на постсоветском пространстве в формате Таможенного союза и Единого экономического пространства ставит перед странами-участницами задачу консолидации союза народов. Политическим инструментарием ее реализации должно стать формирование и последующая консолидация наднациональной идентичности. В этом смысле следует использовать опыт Евросоюза.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные выводы и рекомендации могут быть использованы в образовательном процессе в ВУЗах республики при преподавании курсов общей и сравнительной политологии, права Евросоюза, истории европейской интеграции и культурологии. Представляется, что основное

содержание диссертации, тщательный учет позитивного и негативного опыта ЕС по консолидации европейской идентичности могут быть востребованы рабочими и экспертными группами стран-участниц Таможенного союза и Единого экономического пространства при разработке и планировании стратегии укрепления солидарности народов на территории интеграционного объединения с помощью формирования наднациональной идентичности.

Личный вклад соискателя состоит в самостоятельном анализе основных теоретических подходов исследования проблем идентичности в современном мире, наиболее характерных атрибутов европейской идентичности, в установлении базовых ценностей европейской идентичности, в обосновании приверженности европейцев к демократическим ценностям, приводившим к формированию демократических институтов, в характеристике институциональных, наднациональных структур и механизмов ее становления и в раскрытии сущности возникающих на этом пути противоречий процесса. Установленные положения позволили оценить и позитивный, и негативный опыт ЕС по укреплению наднациональной идентичности с точки зрения политической целесообразности его использования на постсоветском пространстве в процессе иницируемой в последнее время экономической интеграции стран СНГ. Вышеизложенное, позволило соискателю лично сформулировать и обосновать новые научные положения, опубликовать научные статьи, в том числе одну монографию, а также внедрить результаты исследований в практику деятельности высшего учебного заведения.

Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе обсуждения на заседаниях в отделе политологии Института философии и политико-правовых исследований НАН Кыргызской Республики и на кафедре политологии Кыргызского Национального университета им. Ж.Баласагына.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. По теме диссертации опубликовано 1 монография и 7 научных статей, в том числе 2 статьи за рубежом в изданиях, рекомендованных ВАК КР.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (шесть параграфов), заключения, библиографического списка и одного приложения. Общий объем диссертации составляет 161 страниц.

Глава 1 Теория идентичностей в современном мире

1.1. Типология идентичностей.

Сегодня понятие «идентичность» широко артикулируется в научных исследованиях политологов, культурологов, социологов, психологов, этнографов и историков различных многих стран мира. Это понятие сравнительно поздно вошло в научный оборот: благодаря З. Фрейду это случилось только в XX веке. В социологии понятие «идентификация» означает, прежде всего, механизмы, практики и способы интеграции человека в социальную среду, социальное окружение, что позволяет ему освоить определенные виды социальной деятельности, успешно адаптироваться к принятым нормам и ценностям, выполнять ту или иную общественно значимую роль. Общепринятая в научном мире дефиниция понятия «психосоциальная идентичность» означает отождествление отдельного индивида с какой-либо социокультурной группой в целях упорядоченности своей жизнедеятельности. Как отмечал К. Ясперс: «человек — существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть» [58, с. 289]. Идентичность основывается на противопоставлении «я — другой», «мы — они». «Я» выступает в качестве некоей противоположности «другому» по самым различным идентификационным признакам. Точно такие же отношения складываются при рассмотрении дихотомии «мы — они». То есть определенная общность, самоопределяясь, очерчивает вокруг себя более или менее жесткие границы, за которыми находятся «другие». Значимость образа «другого» и «внешних» границ усиливается при сформированной негативной идентичности, т.е. сплочении группы против чего-либо «Но «другой», - как отмечала Е. Крестинина, - далеко не всегда означает «враг» или «недоброжелатель», он может восприниматься как партнер, иногда даже как образец для подражания и объект для сравнения. В целом же роль образа «другого» заключается в маркировании

и поддержании внешних границ идентичности сообщества» [11, с. 17].

Следует отметить, что образ «другого» может мутировать, принимать диаметрально противоположное значение, адаптироваться к изменяющимся политическим, экономическим и культурным условиям. Например, для России длительное время в практической политике и общественно-политическом дискурсе приоритетным объектом конфронтации и противопоставления служил Запад. Но в 90-е гг. его негативный образ быстро сменился на позитивный. Более того, Запад, который по-прежнему имел образ «другого», стал объектом для подражания. Интересные метаморфозы образа «другого» на постсоветском пространстве. Если страны Балтии (Эстония, Латвия и Литва) уже в начале 90-х гг. являлись для россиян «другими», то представления о гражданах других постсоветских республик напоминают мозаику. Они для россиян уже не «свои», но и не совсем «чужие».

Объяснение феномену идентичности, его поиску следует искать в особенностях устройства социума, теснейшей связи отдельного индивида с каким-либо конкретным сегментом и даже разнородными сегментами человеческого общества. Важнейшая задача социума — социализация человека, «прививка» ему норм, традиций и обычаев какой-либо общественной группы. В этом смысле наиболее существенным свойством отдельного индивида является его самоидентификация, то есть отнесение себя к какой-либо общности людей. Тесную связь идентичности с социализацией подчеркивают все аналитики. В частности, это корреляция отмечена В. Гельманом и Т. Хопфом: «...нечто, данное индивиду от рождения, или, по крайней мере, формирующееся в ходе первичной социализации» [59, с. 10].

Человеческое общество представляет собой не математическую сумму отдельных индивидов («атомов»), но их сцепление в интересах удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей. Человек имманентно в силу природных инстинктов ищет защиту в коллективе, где к

тому же он может реализовать себя, то есть выразить свою индивидуальность, отличаться от других членов общества. С. Франк, говоря об индивидуальности людей, писал, «что «мы» есть не множественное число первого лица, не «многие я», а множественное число как единство первого и второго лица, как единство «я» и «ты («вы»)» [60, с. 51].

Важная сторона общественной, коллективной жизни индивида выражается в эмоционально-чувственной сфере. Индивид стремится найти одобрение своего «я» со стороны других членов коллектива, получить одобрение своим поступкам и намерениям, получить морально-этическую или правовую санкцию на то или иное действие. Любой коллектив, любое человеческое сообщество располагает присущими ему ценностями, правилами поведения и прочее, что в совокупности составляет культуру сообщества или социальной группы. Поэтому идентификация отдельного индивида с какой-либо общественной группой является культурной идентификацией, самоощущением индивида внутри конкретной культуры. Определяющим моментом этнокультурной локализации и соответствующей ей идентичности является постоянное подтверждение индивидами лояльности к своей нации, этносу в качестве обязательного условия полноценности членства в этой общности. Поэтому базовой задачей любой культуры является объединение людей в устойчивый коллектив лояльных, социально адекватных, культурно компетентных членов сообщества. Роль коллектива определяется не только его функцией сохранения и приумножения культурных традиций, обрядов, культурного наследия какого-либо этноса или народа. Нельзя не сказать также об огромном влиянии коллектива на эмоционально-чувственный мир индивидов, преодоления им тревоги касательно его судьбы и смерти, смысла жизни. П. Тиллих писал: «Не раз отмечалось, что тревога смерти возрастает по мере развития индивидуализации и что члены коллективистских культур менее подвержены этому типу тревоги. Это

верное наблюдение, однако неверно на его основании делать вывод об отсутствии в коллективистских культурах основополагающей тревоги смерти. Отличие коллективизма от более индивидуализированных цивилизаций обусловлено особым типом мужества, который свойствен устойчивому коллективизму и который сметает тревогу смерти» [61, с. 34-35].

Особенностью статуса, положения индивида в любом социуме является плюрализм идентичностей, то есть одномоментная его принадлежность к различным общественным группам: профессиональной, социальной, этнической, национальной, региональной, психологической, политической и культурной. Действительно, любой человек идентифицирует себя с представителями какой-либо определенной профессии (например, с учительством), социальным слоем (предприниматели, рабочие, государственные служащие и прочие), с каким-либо народом или нацией, конкретной культурой и т.д. Отсутствие жестких социальных перегородок в каком-либо государстве, развитые институты демократии и межличностной коммуникации предоставляют индивидам любой идентичности возможность вступать в контакт с носителями другой идентичности, в том числе этнонациональной, этнокультурной и даже религиозной. Множественность индивидуальной или групповой идентичности способствует установлению многообразных связей ее субъектов с внешним миром, внешней средой. Таким образом, схемы и типологии взаимодействия индивидов различной идентичности имеют тенденцию к расширению.

В зависимости от конкретных условий некоторые формы идентичности могут носить латентный (скрытый) характер. Например, в атеистических государствах верующие вынуждены, как правило, скрывать свои религиозные убеждения, свою конфессиональную принадлежность. В тоже время история западной и восточной цивилизаций знает множество примеров демонстративной религиозной экзальтации, намеренного

выпячивания своей религиозной веры в качестве альтернативы другим верованиям. Различные формы самоидентификации индивида или общественной группы могут быть связаны теснейшим образом. М. Вебер прекрасно проиллюстрировал аналогичную ситуацию на примере протестантов Европы. Он доказал, что протестантская этика с ее императивом добросовестного исполнения своих трудовых обязанностей стала важнейшим импульсом быстрого развития капитализма в ряде стран Западной Европы [62]. Таким образом, религиозная идентичность (протестантство) обусловила высокие профессиональные качества его адептов.

Человек, являясь носителем различных форм самоидентификации, в тех или иных условиях предпочитает выбирать доминирующую. Так, граждане СССР в своих зарубежных поездках идентифицировали себя как «советские». В тоже время в обычных условиях они идентифицировали себя либо по национальному признаку (например, русский, узбек, киргиз и т.д.), либо по социальному, либо по региональному и т.д. Следовательно, если советская наднациональная идентичность сплачивала людей, то другие ее формы противопоставляли людей, на основе принципа «мы — они». В США представители различных наций и этносов во взаимоотношениях с гражданами третьих стран идентифицируют себя преимущественно в качестве американцев. В наднациональной форме самоидентификации, например, «канадцы», «австралийцы», «новозеландцы» определяют себя по отношению к внешнему миру представители различных этносов и народов Канады (например, франкоканадцы, инуиты и прочие), Австралии (немцы, англичане и другие) и Новой Зеландии (англичане, маори и прочие).

Для нашего исследования наиболее значимыми формами идентичности являются этнокультурная и национально-государственная (политическая), а также их корреляция. Этнокультурная идентичность выражает принадлежность индивида к определенному этносу, его

материальной и духовной культуре. Этот тип идентичности является формой социальной идентичности, основанной на самоидентификации (этническом самосознания), которая отличает этнические общности. Этнос обладает самоидентификацией своей этнической общности, включающей любые самоидентификации и связанные с ними самоописания, основанных на культурных особенностях. Общеизвестно, что этноидентифицирующие элементы включают так называемый этноним (то есть самоназвание этноса), этногенез и этническую историю, этническую территорию, образ жизни и этноэкономику, этническую культуру и антропологические и психологические особенности носителей этой формы самоидентификации (менталитет). Важное место в этнокультурной идентификации занимают религиозные верования, конфессиональная принадлежность. Во многих случаях религия может стать даже причиной разрушения такой важной формы идентификации как этноязыковая. Наглядный пример — разделение сербохорватской этноязыковой общности на самостоятельные этносы: два православных — сербы и черногорцы, католический — хорваты и мусульманский — боснийцы.

Этнокультурная самоидентификация обязательно предполагает принятие индивидом или группой людей установленных культурных форм, норм поведения, ценностей, обрядов, традиций и языка, а также осознание собственного «я» или «мы». Групповая самоидентификация означает объединение и осознание этого единства (тождества) группой людей по вполне конкретным признакам. Например, на основании кровно-родственных связей, общего языка общения, территории, типа хозяйства, конфессии, традиций и прочее. «Эмпирически «мы» всегда ограничено: всякому «мы», будь то семья, сословие, нация, государство, церковь, противостоит нечто иное, в него не включенное и ему противостоящее, - какие-то «вы» и «они» [63, с. 51]. Кровно-родственные связи в свое время были ведущей формой идентификации, фундаментом, на котором держалось все общество, в том числе отношения между членами рода,

клана, брачно-семейные узы (например, запрет эндогамии), имущественные отношения, а также взаимодействие с другими родами и кланами. Таким образом, конституирование группового «Мы» «...осуществляется на уровне традиции при наличии развитого самосознания с помощью доминирующей в сообществе определенной ценностно-идеологической системы» [14, с. 202].

Необходимо отметить, что мировоззренческие установки этнического сообщества обуславливаются отнюдь не только благодаря «jussoli» и «jussanguinis», но преимущественно из-за наличия целого ряда символов-атрибутов, таких, например, как мифотворчество, легенды, табу, знаковые события, достижения и т.д. Эти атрибуты способны цементировать общность людей. Дж. Фрэзер в своем знаменитом труде «Золотая ветвь» отмечал, что еще в древние времена появились различные табу, призванные охранять индивидуальность, неповторимость сообщества. В частности, табу на общение с иноплеменниками, которые «...не ограничиваются одним народом или одной страной; в различных вариантах они встречаются по всему свету, а их пережитки сохраняются в современной Европе» [64, с. 188]. Кроме того, существовали и другие табу, например, на предметы, на запретные слова и прочее.

Символы-атрибуты играют охранительную функцию даже в неблагоприятных условиях, например, рассеяние или изгнание народа, вынужденное переселение. Яркий пример сохранение своей этнокультурной принадлежности евреями в условиях рассеяния народа с древнейших времен и образование во многих странах мира европейских диаспор. При определенных условиях, например, насильственная ассимиляция, этнокультурная идентичность может исчезнуть в относительно короткий исторический период. Она может исчезнуть и, как правило, исчезает в результате восприятия индивидом космополитических идей, то есть политической философии принадлежности ко всему человечеству, что приводит к утрате индивидом связей с родиной,

выхолащивает патриотизм, отрывает его от «...корней и традиций, от источника вдохновения и творчества» [12, с. 227-230].

Процесс глобализации, стирающий границы между государствами в интересах развития мировой торговли, экономики, мировых финансовых рынков, унифицирующий формы поведения людей, их стиль и образ жизни и культурные предпочтения, затрагивает и даже трансформирует этнокультурную идентичность. Под воздействием различных причин в ней возникают культурные субгруппы, появляются субкультуры, отличающиеся от традиционной культуры общественной группы, например, этноса или народа. Сегодня во многих странах мира существуют различные молодежные субкультуры (рокеры, футбольные фанаты и прочие). Их представителей отличают *поведенческие* установки (во многих случаях эпатажные), мировоззренческие установки, образ и стиль жизни. Можно отметить и такую закономерность существования субкультур, в том числе в политической жизни общества: их переплетение, а во многих случаях антагонизм, конфликтность, агрессивность.

Важно отметить, что сам феномен идентификации этнокультурного размежевания и консолидации как способ и принцип реализации глубинных потребностей человека будет сохраняться. В контексте глобализации, смены эпох, интеграции разных традиций, появления новых культурных объектов, форм и конфигураций расширится спектр адаптационно-преобразующих, конструктивных возможностей человека, идет поиск современной общечеловеческой, этнокультурной и национально-культурной идентичности. В этом смысле заслуживают интереса некоторые возможности идентификации в условиях глобализации. Интенсивный процесс глобализации сказывается на идентификационных предпочтениях индивида: для него открывается больше возможностей выбора самоидентификации. Человек и даже общество могут, конечно, в крайнем случае, утратить свою культурную идентичность, то есть коренные ценности того или иного этноса или

народа. Возникает вопрос: возможно ли существование людей и всего общества без культурной идентичности? Ответ отрицательный: во-первых, в любом случае этот тип самоидентификации людей выполняет функцию отличия одних субъектов от других по этнокультурному признаку, во-вторых, он является инструментом сплочения, консолидации определенных групп социума. Отрицание этой функции этнокультурной идентичности означало бы «атомизацию» общественных групп, раскол ее на «биологические единицы», практически ничем не связанные с себе подобными. Повторимся: глобализация открывает новые возможности самоидентификации, которая может выходить за пределы этнокультурной и национально-культурной принадлежности. Этому способствует осознание общеродового и становление общего пространства культурного опыта человечества. Одной из новых форм самоидентификации является общечеловеческая ее модель. «Появление целостной идентификационной мировой модели, - писала российская исследовательница Е. Суркова, - под которой подразумевается персоналистская личность, демонстрирует беспрецедентную в истории культуры целостность человечества посредством создания единой коммуникативной среды... Изменение форм фиксации опыта и их влияние на идентификационную позицию индивида дает возможность максимально использовать творческие потенции, адаптироваться в любой культурной среде, менять отношение к целому ряду ценностных позиций, среди которых наибольшее значение обретают принципы новизны, свободы и творчества» [65, с. 12].

Феноменом в контексте разнообразия идентичностей в современном мире, заслуживающим пристального научного анализа, является усиление идентичности по географическому (региональному) признаку. Собственно, это явление зародилось отнюдь не в современную эпоху. Во многих странах мира на протяжении веков существовали региональные особенности, в том числе языковые (различные диалекты, говоры, лексические отличия), этнографические (например, типы жилья, отличия в

одежде, пище и т.д.), хозяйственные (типы экономической деятельности), экономические и т.д. Регионализм проявляется также в политической сфере. Российский политолог Р. Туровский отмечал, что «...государство при всей его важности - это не единственный тип и уровень территориального политического сообщества. Оно является частью формирующейся глобальной системы, но внутри государства можно определить региональный и локальный уровни политических сообществ, обладающих своими интересами и автономией. На каждом территориальном уровне в результате социальных коммуникаций происходит выработка общих политических интересов, которые могут влиять, пусть и в небольшой степени, на внешнюю политику государства и глобальные процессы» [66, с. 99].

Регионализм существует в странах с различной формой правления и государственного устройства: монархиях, парламентских и президентских республиках, унитарных и федерациях. Субъекты региональной идентичности, даже оставаясь в рамках общегражданской, государственной идентичности, ощущали свою «особость», «самость». Например, поморы в России, баварцы в Германии, кастильцы, каталонцы, андалузцы и баски в Испании, франкофоны в Канаде и т.д. Регионализм может проявляться также в интеграционных объединениях. Так, в Евросоюзе регионализм проявляется в различных сферах: в экономической, в языковой, в территориальной и т.д. Например, в Италии промышленный Север и сельскохозяйственный Юг. В целях презентации интересов регионов Евросоюза Маастрихтский договор учредил консультативный орган Европейских сообществ — Комитет регионов [34, с. 188]. В его состав входят представители субъектов федерации и других крупнейших территориальных образований государств-членов, так и муниципалитетов. Например, в Брюсселе представлены правительства субъектов федерации Германии, Австрии и Бельгии; региональные советы и другие официальные органы децентрализованной системы унитарных

государств Италии, Франции и Испании; местные органы управления таких унитарных государств, как Великобритания, Ирландия, Дания, Нидерланды, Швеция, Греция, Португалия и Финляндия. Свое представительство в Брюсселе имеют также муниципалитеты, города, регионы и субнациональные структуры [12, с. 220]. Регионализм также отчетливо проявляет себя в Российской Федерации.

Регионализм и соответствующая ему идентичность могут вступать в конфликт с общенациональной и не совпадать полностью с ней. Например, в России доля населения, готового признать себя не только русскими, башкирами, татарами и т.д., но и «россиянами», существенно различается в различных республиках и регионах — от 35% в Чечне, примерно 50% - в других республиках Северного Кавказа и до 80% в Якутии. Это говорит о дробности, недостаточной консолидации российского общества. Таким образом, в стране существует достаточно обширное пространство для вызревания и укоренения сепаратистских, националистических настроений и тех или иных проявлений регионального сепаратизма [67, с. 144].

В настоящее время особое значение приобретает поиск новых форм идентичности в результате процессов региональной экономической интеграции.

Известно, что эти процессы носят объективный характер и направлены на взаимное переплетение экономики интегрирующихся государств, развитие международной торговли, достижение синергетического эффекта. «Закономерным результатом чего должно стать формирование целостного хозяйственного комплекса на региональной основе» [68, с. 377]. При успехе интеграционного проекта появляются предпосылки включения наций государств-членов в более крупное образование, функционирующее по единым правилам и нормам в общих интересах. Сегодня региональные экономические связи охватили десятки стран мира, в том числе в западном и восточном полушариях. На американском континенте функционируют такие крупные объединения,

как НАФТА, МЕРКОСУР и др. Успеху зоны свободной торговли между США, Канадой и Мексикой (НАФТА) способствует сближение национальных культур. МЕРКОСУР также базируется на общей культурной основе. Косвенно в пользу вышеприведенного теоретического посыла свидетельствует неудача с созданием в рамках регионального экономического объединения островов Карибского бассейна и стран Центральной Америки: слишком трудно было примирить англоязычную и латинскую культуры. Интеграция в формате Евросоюза, о чем подробно будет говориться в следующем разделе нашей работы, базируется на общности культур европейских народов и западного христианства. Тесную корреляцию между этнокультурной близостью народов и прогрессом экономических связей можно проследить также на примере Китая, Гонконга, Сингапура, Тайваня и заморских китайских общин в других азиатских странах.

Но такое положение вещей отнюдь не приводит к размыванию собственного этнокультурного пространства народов и наций на общей территории интеграционного объединения. Они сохраняют свою национально-культурную идентичность. В тоже время в рамках интеграционного объединения со временем складывается региональная, локальная идентичность. Она выстраивается на основе различных механизмов, среди которых особое место занимает межкультурный диалог. Диалог в этом смысле является способом межсубъектного взаимодействия, предполагающего равенство его участников и нацеленность на совместную выработку установок, понятий, смыслов, достижения совместными усилиями взаимопонимания, духовной общности, солидарности. Вследствие этого диалог дает большие возможности для не конфронтационного определения современного «Мы» - сознания народа, нации и для построения целой иерархии идентичностей как личности, так и этнической общности.

Общегражданская (политическая) идентичность, несмотря на

определенное ослабление функций и полномочий государств в условиях глобального мира и в результате интенсивных процессов региональной экономической интеграции, что констатируют многие политологи и праведы. все-таки сохраняет сильные позиции в пирамиде идентичностей. Институт государства, которому с начала 70-х гг. прошлого века в либерально-рыночных концептах отводилось весьма скромная роль во внутренней и внешней политике, в последние годы, особенно на фоне мирового финансового и экономического кризиса, укрепляет свои позиции в отношении бизнеса, внешнеэкономической деятельности, реализации национальных социально-экономических проектов, консолидации общегражданской (политической) идентичности. Последняя в известном смысле является условием выживаемости государства, его последующего развития. Государство не только фиксирует факт необходимости политической идентичности своего населения. Оно активно и целенаправленно с использованием имеющихся в его распоряжении различных ресурсов (политических, организационных, финансовых, социальных, пропагандистских и прочих) формирует ее. Поэтому политическая идентичность есть не только результат исторического развития, но и конструкт, включающий различные элементы, в том числе культурные ценности, приемлемые для всех слоев населения. Политико-правовая сущность общегражданской идентичности заключается во всемерном укреплении чувства привязанности стране всех ее граждан, невзирая на этнонациональные и культурные различия, формирования и консолидации лояльного отношения граждан к государству. Государство на законодательном уровне устанавливает прочную связь со своими подданными через институт гражданства, который фиксирует их разнообразные права: гражданские, политические, социальные, культурные и иные. В то же время государство через систему конкретных государственных структур (суды, прокуратура и т.д.) гарантирует в лице высшей власти (например, президента) защиту основных прав и свобод

граждан. В свою очередь государство налагает на граждан четко очерченные обязанности, включая уплату налогов, соблюдение законов страны, уважение прав и свобод своих сограждан и прочее.

Таким образом, институт гражданства устанавливает взаимные права и обязанности между государством и его гражданами. При доминирующей роли государства по защите прав и свобод своих подданных, тем не менее, важную миссию сегодня выполняют негосударственные факторы, в том числе межправительственные и неправительственные организации (НПО), в частности, «ХьюменРайтсВотч», «Врачи без границ», Парламентская Ассамблея Совета Европы и другие.

Институт гражданства, являясь реализацией принципов национального суверенитета, выступает инструментом социального закрытия, с помощью которого современные национальные государства ограничивают доступ мигрантов к социальным ресурсам. «Концепт гражданства, - отмечал Х. Джопке, - с одной стороны, делит мир на обладающих гражданством и не имеющих его, а с другой стороны, посредством гражданства, юридический статус частично совпадает с идентичностью» [69, с. 34]. В целях идентификации национального членства современные государства сформировали устойчивую инфраструктуру гражданства: паспортную систему, удостоверения личности, визу и др. Возрастание роли инфраструктуры гражданства, а также спрос на нее со стороны членов национального сообщества преимущественно связаны с двумя факторами — введением всеобщего избирательного права и социального обеспечения на основе их членства в национальном сообществе от прочих социальных групп и индивидов [70, с. 178]. Но неверно представлять, что политико-правовые барьеры между гражданами и иностранцами, между нацией и иммигрантами непреодолимы. Выходом из ситуации противопоставления служат узаконенные государством процедуры ассимиляции и натурализации (приобретение гражданства).

Нельзя не отметить также политику демократических государств, направленную на расширение прав иностранных граждан в политической сфере. Например, в таких европейских странах, как Албания, Дания, Финляндия, Исландия, Италия, Нидерланды, Норвегия и Швеция, ратифицировавших принятое в 1992 году Советом Европы соглашение об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне, иностранцы получили избирательные права. Важнейшее условие для реализации этого права — пятилетний срок проживания в стране. В России активным и пассивным избирательным правом участия в выборах в органы местного самоуправления наделены граждане Туркменистана, Казахстана, Кыргызстана и Беларуси, имеющие вид на жительство и зарегистрированные на территории муниципального образования. Но, несмотря на расширение прав иностранных граждан, современные государства, тем не менее, по-прежнему усиливают институт гражданства в качестве политико-политического инструмента обеспечения лояльности индивидов стране проживания. И по-прежнему в иерархии идентичностей в современном мире политическая ее форма занимает доминирующее место.

Исследование проблемы самоидентификации индивидов и общественных групп в современном мире подтверждает наличие множественности идентичностей (этнокультурных, религиозных, национальных, субгрупповых, региональных, наднациональных и т.д.). Доказано, что в зависимости от конкретной ситуации индивид или общественная (социальная) группа и другие субъекты идентичностей отдают предпочтение доминирующей ее форме. Разнообразие форм самоидентификации, особенно в полиэтнических поликультурных государствах, могут привести к конфликтам. Поэтому современные государства заинтересованы, прежде всего, в поддержании и укреплении общегражданской (политической) идентичности через институт гражданства. Таким образом, государства пытаются «сцементировать» свое

население, обеспечить его лояльность, приверженность базовым политическим, экономическим, культурным и поведенческим ценностям. Наиболее легко эта задача решается в государствах-нациях, где этнокультурная идентичность и гомогенность совпадают с общегражданской, политической. Что же касается поликультурных, полиэтнических государств, число которых в современном мире постоянно возрастает в результате интенсивных процессов международной миграции, то проблема сплочения населения сталкивается с большими трудностями. Затратные в экономическом плане программы интеграции мигрантов в принимающее общество, как правило, не приводят к желаемому результату. Во многих случаях возникает конфликт идентичностей, поскольку члены этнических диаспор и сообществ иммигрантов, даже прошедшие процедуру натурализации, делают выбор, как правило, в пользу этнической идентичности.

Процессы региональной экономической интеграции привели к появлению нового типа идентичности — наднациональной. Как показывает, в частности, опыт ЕС, она тесно коррелирует с интеграционными задачами, является существенным фактором ее углубления, формирует у граждан стран-участниц сопричастность к общим задачам, выковывает общую духовность, ментальность, поведенческие нормы и политическую культуру.

2.2 Базовые ценности европейской идентичности.

Осознание единства и особенностей Европы, прежде всего, в географическом смысле появилось еще в античный период. Так, древние греки под Европой понимали греческие и финикийские области. Бассейн Эгейского моря издавна воспринимался в качестве естественной границы между Европой и Азией. По мере углубления географических знаний благодаря морским путешественникам и колонизации границы Европы определялись в более широком контексте, близким к современным представлениям [71]. Географический фактор, географическая среда всегда оказывали решающее воздействие на ход всемирного исторического процесса. Они определяли тип хозяйственной жизни народов (например, кочевой или земледельческий) и их быт, взаимоотношения с соседними племенами и народами, частоту контактов с ними, миграционное движение, безопасность или, напротив, уязвимость населения и прочее. В свое время Н. Гоголь отмечал: «...география должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории. Она должна показать, как положение земли имело влияние на целые нации; как оно дало особенный характер им; как часто гора, вечная граница, взгроможденная природою, дала другое направление событиям, изменила вид мира, преградив великое разлитие опустошительного народа или заключивши в неприступной своей крепости народ малочисленный, как это могущее положение земли дало одному народу всю деятельность жизни, между тем как другой осудило на неподвижность; каким образом оно имело влияние на нравы, обычаи, правление, законы» [72, с. 129-130]. Географическому фактору в истории отдавали должное Геродот, Фукидид, И. Гердер, А. Тюрго, Г. Бокль и другие ученые. Научные геополитические школы, возникшие в XIX-XX века возводили географический фактор в ранг стратегических факторов обеспечения безопасности государств. Вместе с историческим (социальным) временем заселенная людьми территория планеты

(историческое пространство) составляют пространственно-временной континуум — важнейшую категорию исторического процесса и исторической эпистемологии.

В целях нашего исследования география европейского континента значима с точки зрения возможности общения, взаимодействия народов континента. Природный ландшафт Европы, в том числе относительно небольшая территория, преобладание равнин, густая речная сеть (Дунай, Сена, Луара, Рона, Гаррона, Шельда, Рейн, Висла, Сава, Драва, Маас, Влтава и др.) благоприятствовали общению народов, их торговым, экономическим и культурным контактам. В этом смысле территория континента становилась физическим пространством, где выковывались определенные ментальные черты европейцев, близость традиций, обычаев и прочее.

В то же время география Европы облегчала передвижение германских (остготов, вестготов, франков, аллемандов и др.), кельтских, славянских и других племен, в том числе выходцев из Азии (хунну, авары и др.), способствовала трансформации европейского этноса, возникновению и краху на континенте различных государственных образований. Все перечисленные факторы придавали этнической истории Европы, особенно в период древности и средневековья, уникальный характер. В этот период, по мнению российского ученого-европеиста Ю. Борко, начинают складываться такие черты европейцев, как высокая мобильность, относительная открытость, готовность к межнациональным контактам, способность к восприятию чужого опыта [21, с. 45].

Что же касается истоков представлений о Европе как особом мире, особой семье рода человеческого, особой цивилизации, то они формируются еще в раннем средневековье. Западногерманский теолог и кардинал И. Ратцингер писал в начале 80-х гг. прошлого века, что «...наиболее отчетливо Европа узнает, что она такое, там и тогда, где и когда сталкивается с тем, что противоположно ей самой» [73, с. 61].

Аналогичные мысли высказывал немецкий философ XX века К. Ясперс. Некоторым европейским мыслителям не удалось избежать крайностей европейского мышления относительно роли Европы в мировой истории. Мы имеем в виду европоцентризм. Его идеи, в частности, выдвигал Ф. Гегель в своей «Философии истории».

Первые европейские проекты, направленные на сплочение Европы перед внешней опасностью в лице «иноверцев», появились в начале XIV века. Проекты француза ПьераДюБуа и итальянского теолога Энея Пикколомини предлагали объединение европейских государств на почве христианской религии. В последующие века появилось множество проектов различной идейно-политической окраски. Среди известных проектов назовем гуманистическо-пацифистские воззрения, например, Э.Роттердамского (XV-XVI вв.) и И. Канта (XVIII в.), проект «европейского равновесия» французского герцога де Сюлли (XVI-XVII вв.). Свою политико-идейную нишу в планах единения Европы находили реакционно-романтические проекты французского философа и политического деятеля графа Ж. Де Местра, националистические воззрения Ф. Гегеля, французского философа Т. Жоффруа, итальянского философа и теолога В.Джоберти и другие. В XIX веке появился проект Соединенных Штатов Европы (В. Гюю), в XX веке возникло движение панъевропеизма (в частности, министр иностранных дел Франции А.Бриан). Германский фашизм попытался решить судьбу Европы путем объединения ее в рамках «Третьего рейха», используя при этом методы, которые вошли в историю международного права и историю человеческой цивилизации как преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Трагический опыт Второй мировой войны заставил политическую элиту Европы искать демократические пути преобразования континента, превращения его в зону мира и сотрудничества. Резко возрос авторитет лозунга «Соединенные Штаты Европы», среди приверженцев которого

были У. Черчилль, А. Спинелли и другие видные европейцы.

Таким образом, европейская идея, то есть представление о путях преодоления конфликтов, раздробленности между народами и государствами континента, создания единой Европы, прошла длительный исторический путь, принимая при этом самые различные формы и проекты. Возникает вопрос: что давало повод жителям Европы надеяться на сотрудничество, взаимопонимание, а в некоторых случаях даже на свою «избранность» по сравнению с другими народами и государствами (теории европоцентризма)?

Важнейшим детерминантом европейской идеи, становления и развития европейского сознания были цивилизационные характеристики континента: культурное наследие греко-римской античности, варварских и славянских народов, христианская этика, гуманистические идеи и традиции Возрождения, Реформации и Просвещения [74, с. 12]. Античное наследие, как подчеркивают аналитики-европейцы, является в большей или меньшей степени атрибутом культуры всех европейских народов. «Западный мир, писал К. Ясперс, - с самого начала — со времен греков — конституировался в рамках внутренней полярности Запада и Востока...Греки заложили основу Западного мира, и сделали это так, что мир этот существует лишь постольку, поскольку он постоянно направляет свой взор на Восток, находится в размежевании с ним, понимая его и отстраняясь от него, перенимая у него определенные черты и перерабатывая их, борясь с ним» [75, с. 89].

Культура европейских народов рецептировала идеи различных философских школ античности, преимущественно греческих. В античный период возникла классическая философия, сформировались основные философские школы и системы (системы Демокрита, Платона, Аристотеля, эпикурейцев, стоиков, скептиков и т.д.). На основе философских идей античности развивались философские идеи средневековья, нового и новейшего времени. Например, концепции Бэкона, Гегеля, Макиавелли,

Дж. Вико, О. Шпенглера и А. Тойнби [76, с. 612]. Таким образом, развитие философских школ практически всех народов Европы основывалось на античном наследии.

Велика роль политических учений древности, в первую очередь Аристотелевской «Политики». Учение Аристотеля предлагало набор понятий и терминов, вполне пригодных для описания политической реальности эпохи Ренессанса. Республика Аристотеля, в том виде в каком ее концепция возродилась в гражданской, гуманистической мысли XV века, была одновременно универсальной, в том смысле, что она существовала, чтобы реализовать для граждан все ценности, которые человек способен реализовать в своей жизни, и частичной, в том смысле, что она была конечной и расположенной в пространстве и времени [70, с. 100].

Греко-римские корни отчетливо прослеживаются в самых разнообразных жанрах культуры и искусства: в поэзии, драме, трагедии, комедии, басне, музыке, живописи и т.д. Нельзя переоценить вклад греко-римского мира в становление и развитие права и естественных наук. Современная юриспруденция прочно стоит на наследии античных юристов, прежде всего, римских. В число их самых выдающихся достижений, оказавших огромное влияние на правовую мысль средних веков и нового времени, относится создание и фиксация системы обязательных правовых норм. В 3 веке до нашей эры римляне разработали нормы, регулирующие отношения между римскими гражданами и лицами без римского гражданства (перегриннами). Так впервые в Европе возникло международное право (*jus gentium*). При византийском императоре Юстиниане в результате кодификации римского права был составлен Свод гражданского права (*Corpusjuriscivilis*). Практически все европейские страны испытали влияние римского права. Например, в XV-XVI вв. происходила рецепция римского права в Германии, нормы которого были заменены Собранием гражданских законов только в 1900 году. В Греции

римское право действовало до 1941 года [74, с.454].

Показательно, что важнейший период в истории европейской науки, культуры и искусства - Ренессанс во многом основывался на открытии античной культуры в ренессансном гуманизме. Как писал С. Утченко, Ренессанс начался как возрождение именно римской античности (поскольку — в Италии!), а оно в свою очередь началось с Цицерона» [77, с. 376]. Прежде всего возрос интерес к латыни, которая становится научным языком средневековья, к природе и человеку как таковому. В частности, деятели Ренессанса ставили задачу достижения нового идеала всесторонне развитого человека, воплощение которого видели в античности. В различных сферах использовались античные образцы и каноны. В частности, многие элементы архитектуры эпохи Ренессанса (например, ряды колонн с полукруглыми арками, цилиндрические своды и т.д.) были заимствованы у греко-римской античности. Влияние античности прослеживалось также в настенной живописи и сюжетах. Например, мифологические и исторические сюжеты в живописи Рафаэля.

Вместе с тем, Ренессанс внес в научную и культурную жизнь народов много нового. В это время «прогрессируют математические знания, активно применявшиеся в кораблестроении, военном деле, строительстве и т.д. Возрождение принесло крупнейшее открытие в астрономию, перевернувшее образ мироздания, созданный еще в античную эпоху: птолемево-аристотелевская геоцентрическая картина мира пала, восторжествовала гелиоцентрическая модель вселенной польского ученого Н. Коперника. В натурфилософском обрамлении развивались физические, химические и медицинские знания (обоснование анатомии А. Визалием, открытие малого круга кровообращения М. Серветом и т.д.)» [78, с. 65].

Новации, затронувшие многие страны Европы (Италию, Германию, Францию, Англию, Испанию, Чехию и т.д.), проявились также в живописи (открытие техники светотени и центральной перспективы), литературе,

поэзии и философии. В этот период были созданы выдающиеся литературные произведения, получившие не только общеевропейское, но и мировое: признание - «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, драмы У.Шекспира, «Дон-Кихот» Сервантеса. В музыке, которая также заимствовала достижения античности, развивается вокальная и инструментальная полифония (многоголосие), а позже появляются новые жанры — сольная песня, кантаты, оратории и оперы. Отмечая огромные духовные достижения Европы в эпоху Ренессанса и в последующие века, К. Ясперс заметил, что они «... для европейцев самые значительные, они составляют непреложный фундамент нашей культуры, самый богатый источник наших взглядов и представлений» [75, с. 97].

Европейская идея выражалась также в христианской религии. После ожесточенной борьбы с язычеством, различными местными верованиями христианство со временем (процесс христианизации народов Европы и европейских государств) превратилось в господствующую форму сознания, особенно в период средневековья. Христианство возникло из различных духовных источников. «Из иудейства сюда перешли религиозные импульсы и предпосылки (для историка Иисус — последний из иудейских пророков, осознающий свою связь с ними); от греков — философская широта, ясность и сила мысли; от римлян — организационная мудрость в сфере реального. Из всего этого возникает некая целостность, которую никто не предвидел заранее; с одной стороны, удивительно сложный конечный результат в синкретическом мире Римской империи, с другой — целое, движимое новыми религиозными и философскими ценностями» [51, с. 82].

Именно христианская церковь, начиная с раннего средневековья, взяла на себя миссию объединителя Европы. Н. Ф. Колесницкий писал, что «...традиция мировой Римской державы была увековечена христианско-католической церковью. После падения императорской власти в западной части Римской империи в 476 году, главенство над Римом получил епископ

«вечного города», присвоивший себе имя папы» [79, с. 3]. Даже разделение христианской церкви на католичество и православие в 1054 году не лишило Европу ее духовных корней.

И это духовное родство двух ветвей христианство было, в конечном счете, интегрирующим фактором в Европе [72, с. 47]. Папский престол длительное время оспаривал политическую власть у светских государей, использовал для упрочения своего влияния институт инвеституры [80]. Даже несмотря на постепенную утрату своих позиций в Европе из-за быстрого роста городов, становившихся центрами торговли, ремесел, науки и светской культуры, а также из-за развития национально-государственных тенденций, католическая церковь все-таки оставалась одним из важнейших общественных институтов Европы, способствующим духовной консолидации народов и государств Европы. Со временем европеизм стал рассматриваться церковью с более широких позиций, а именно: с точки зрения понимания взаимосвязи между христианством и европейской цивилизацией.

Признанным элементом европейской цивилизации, европейского сознания является приверженность демократическим ценностям. Они зародились в греческих городах-полисах, особенно в классический период развития (V-VI вв. до н.э.). В частности, реформы Клисфена (509 г. до н.э.) окончательно утвердили в Афинах государство в форме рабовладельческой республики (появились и механизмы народного волеизъявления). Постепенно демократизация захватывала новые европейские государства. В этом смысле показательно становление и развитие институтов демократии, прежде [81, с. 74] всего парламентаризма. Еще в период средневековья и Нового времени в таких странах, как Англия (1689 г.), Швеция (1809 г.), Норвегии (1814 г.), Люксембург (1868 г.), Бельгия (1831 г.) и Дания (1849 г.) сложились парламентские формы исполнительной власти [82, с. 193-194]. Выдающимися памятниками демократии и

парламентаризма Англии были «Хабеас Корпус Магна», «МагнаХарта» и «Билль о правах», которые и сегодня составляют статуарную основу английской конституционной практики. Процесс демократизации государственной и общественной жизни европейских государств шел в течение веков, захватывая различные его аспекты и грани. В XIX, в частности, избирательные права в ряде европейских стран завоевали женщины, лица наемного труда, военнослужащие, которые прежде были лишены этого права. Так, Конституция Франции 1791 года, несмотря а свое всемирное политико-правовое значение, не предоставляла избирательных прав неимущим. В XIX-XX вв. в европейских странах началось формирование политических партий. Сегодня все европейские страны имеют достаточно развитые институты демократии, являющиеся компонентом политических систем европейских государств. Одним из элементов политических систем европейских государств является наличие политических партий, политического плюрализма. Поэтому европейский менталитет воспринимает многопартийность как естественный феномен государственной и общественной жизни, инструмент конкуренции политиков различной политической ориентации на политическом поле страны. Свидетельством приверженности европейцев демократическим ценностям является деятельность Европейского суда по правам человека в Страсбурге (Франция), а также обостренное восприятие нарушение демократических принципы в третьих странах. В тоже время нельзя не отметить спекуляции некоторых европейских политиков по поводу ситуации в ряде стран, в том числе в России, а также попытки продвигать демократию с помощью политических технологий и «цветных революций».

Демократические ценности европейской идентичности обусловили высокий уровень правосознания европейцев, что проявляется в отношениях граждан с государством и с другими гражданами. «Западный человек, - пишет российский политолог М.Г. Носов, - серьезно и без всякой

издевательской коннотации считает чиновника «слугой народа» и соответственно требует с него. Чиновник, в свою очередь, понимает собственную уязвимость и старается не потерять свое место» [83, с. 8-9]. Для чиновника ФРГ при выполнении своих служебных обязанностей главное не экономическая целесообразность, но неукоснительное выполнение служебных инструкций и законодательства страны.

Исполнение и соблюдение законов, отстаивание своих законных прав, уважение прав и свобод других индивидов, невмешательство в сферу частных интересов (например, защита персональных данных) — все это очень характерно для поведения и мышления европейцев. Отсюда высокая цена жизни человека. В большинстве европейских стран функционирует сильное гражданское общество, которое является важнейшим фактором государственной и общественной жизни. Во многих случаях позиция гражданского общества определяет ход политического курса, законодательной деятельности парламента, судьбу правительственных инициатив.

Европейская идентичность включает толерантность, терпимость к индивидам и общественным группам, что во многих случаях даже носит иррациональный характер. Кроме того, граждане европейских стран — это индивидуалисты, тщательно оберегающие неприкосновенность своей личной жизни. К этому побуждают законы рыночной экономики, конкуренции во всех сферах деятельности. Личный успех, личные достижения являются для европейца мерилom, критерием его интеллектуальных способностей, возможности пробиться «наверх».

Европеизм, европейская идентичность, европейская самоидентификация индивидов, общественных групп и народов - это не статичная политико-правовая и культурологическая категория: она динамична, трансформируясь, видоизменяясь под влиянием и давлением различных факторов. Конечно, нельзя отрицать сохранение базовых, основополагающих элементов, компонентов европейской идентичности, но

и они претерпевают известную мутацию. Вместе с тем, появляются новые черты европейской идентичности, вызванные интенсивным процессом евростроительства, глобализацией политического, финансового, экономического, культурного, научного, технологического и информационно-коммуникационного пространства планеты. Этот тренд проявляется в последние десятилетия во многих странах мира. Не исключение, например, постсоветские республики, граждане которых практически утратили общую для советских времен политическую идентичность «homosoveticus».

Сегодня принято выделять основные социетальные ценности европейцев и элементы европейской идентичности. О фактической ситуации в этой области можно судить по результатам Евробарометра и проведения специальных научных исследований. Выяснилось, что среди социетальных ценностей европейцы выделяют следующие позиции: состояние мира (61%), сохранение природы и окружающей среды (50%), социальное равенство и солидарность (37%), свобода выражения мнения (37%), толерантность и открытость (37%), уважение истории и ее уроков (17%), прогресс и инновации (14%), культурное разнообразие (12%), предприимчивость (10%) [84, с. 78].

Элементы европейской идентичности выстроились в таком порядке: единая валюта (евро) -36 %; демократические ценности — 32%; география — 22%; общая культура — 22%; общая история — 17%; высокий уровень социальной защиты — 13%; символы единой Европы (флаг, гимн, девиз «единое в разнообразии») - 11%; общее религиозное наследие — 5%. В тоже время 3% европейцев отрицают существование европейской идентичности [85, с. 90]. По сравнению с предыдущим опросом (2009 г.), Евробарометр 2011 года включил две новые позиции — евро и символы (флаг, гимн и девиз «единое в многообразии»). Евро как элемент европейской идентичности имеет большее значение для стран-членов еврозоны (46%) по сравнению со странами, не входящими в нее (18%).

Евро в качестве элемента европейской идентичности оказалось очень важным для 17 стран: Словении (61%), Франции (59%), Словакии (57%), Бельгии и Финляндии (по 55%), Греции (53%), Ирландии (52%), Нидерландов (49%), Люксембурга (48%), Испании (48%), Мальты (45%), Италии (39%), Португалии (39%), Германии (38%), Эстонии (34%), Латвии (31%) и Румынии (29%). Наименьшим успехом евро пользуется в Великобритании (12%), Швеции (17%), Венгрии и Дании (по 18%). Кстати говоря, проведенный социодемографический анализ результатов опроса в формате Евробарометра 2011 года, обнаружил, что почти все респонденты среди базовых элементов европейской идентичности отдали предпочтение евро. Но граждане Евросоюза, обладающие хорошим образованием, при опросе на первую позицию поставили демократические ценности (43%), а на вторую позицию - евро (35%) [86].

Таким образом, анализ структуры европейской идентичности показывает, что многие ее элементы (географические, культурные, ментальные, поведенческие, политические) восходят к периоду античности, средневековья и Нового времени. Благодаря осознанию общности судеб народов континента, их этнокультурной и религиозной близости, а также различных внешних угроз уже в XIV веке появились первые политические проекты, предлагающие способы единения европейских государств. К середине XX века было выдвинуто множество проектов экономического и политического преобразования Европы, в том числе клерикальной, пацифистско-гуманистической, консервативно-рестраурационной, националистической и либеральной ориентации. Каждый проект отражал особенности развития Европы на том или ином этапе. Тем не менее, можно говорить о базовых элементах европейской идентичности, которые всегда признавались. Это специфика европейской культуры, отличающая ее от культур других цивилизаций, господство в течение длительного времени христианской идеологии, христианского мировоззрения, оказавших огромное влияние на все стороны жизни

европейских народов, их приверженность демократическим ценностям, политическому плюрализму, правовому государству, уважению прав и свобод человека, самоценности человеческой личности и т.д. В тоже время процесс евростроительства, глобализация мира и некоторые другие факторы конструируют новые элементы европейской идентичности, меняют ее структуру и иерархию. Наиболее очевидный пример — институционализация денежной единицы Евросоюза - евро в качестве базового элемента европейской идентичности в современных условиях.

Глава 2. Механизмы и инструменты конструирования современной европейской идентичности

2.1. Принцип наднациональности в теории и практике евроинтеграции.

Известно, что с момента своего возникновения деятельность европейских сообществ (ЕОУС, Евратома и ЕЭС) базировалась на сочетании двух политических подходов, методов. С одной стороны - это межправительственный метод управления и принятия решений, в максимальной степени удовлетворяющий интересам суверенных прав и полномочий государств-членов, когда они имеют право наложить вето на любое решение. Такой метод, в частности, применяется при подписании так называемых учредительных договоров, внесении в них изменений и дополнений, приеме новых членов в Сообщество и прочее. С другой стороны — это коммунитарный метод принятия решений, когда наднациональные институты, пользуясь своим политико-правовым статусом, зафиксированным в учредительных договорах, проводят собственную линию, иногда даже в разрез с национальными интересами государств-членов. Подобное становится возможным в условиях применения особой процедуры голосования в наднациональных институтах ЕС. Мы полностью разделяем точку зрения российского исследователя В. Зуева о том, что «наиболее характерной, специфической чертой европейского интеграционного комплекса, отличающей его от всех остальных региональных и международных межгосударственных структур, является наднациональный механизм» [87, с. 94].

Наднациональные структуры и механизмы ЕС своим появлением обязаны добровольному делегированию им части суверенных прав со стороны государств-членов. Это был нелегкий политический шаг, означавший разрыв с многолетней политической традицией европейских

государств по укреплению своей суверенности и независимости. Известно, что государственно-центристская модель мироустройства, возникшая в XVII в., базировалась на признании доминирующей, самодовлеющей и самодостаточной роли государства во внутренней и внешней политике. Именно тогда были сформулированы важнейшие политические принципы в сфере государственного устройства и государственной политики: *raison d'etat*, суверенитет, национальный интерес и равновесие сил. Принцип *raison d'etat* оправдывал применение любых средств для обеспечения национальных интересов, а принцип равновесия сил послужил своего рода утешением того, что каждое отдельное государство, преследуя собственные эгоистические интересы, тем или иным образом будет способствовать безопасности и прогрессу всех прочих [88, с. 47]. Впервые такая идеология и подход проявились во Франции, одном из первых государств-наций в Европе. Ее основателю кардиналу Ришелье суждено было стать основателем современной государственной системы. Этот выдающийся политический и государственный деятель Франции XVII века провозгласил принцип *raison d'etat* и последовательно воплощал данную концепцию на практике на благо своей страны. Наиболее очевидным свидетельством такой политики явилось участие Франции в Тридцатилетней войне в союзе с протестантской Швецией против австрийских Габсбургов. Являясь первым министром короля Франции, Ришелье подчинил как религию, так и мораль интересам своего государства. Таким образом, кардиналу Ришелье удалось в корне изменить мировой порядок, определять конфигурацию международных отношений, исходя не из абстрактных или романтических представлений о политике и способах достижения своих политических целей, но прежде всего на основе политического реализма, прагматизма.

Концепт суверенного государства, обладающего своими национальными интересами, дал мощный толчок интенсивному, растянувшемуся на несколько столетий процессу становления европейских

государств-наций [89]. Например, германский мир, раздробленный в результате Вестфальского мира 1648 года на множество княжеств, герцогств, курфюрств и других государственных образований, как единый политический организм в форме Германской империи возник только в последней трети XIX века благодаря усилиям канцлера Бисмарка. Почти одновременно возникла единая Италия, массовое движение в пользу которой (Риссорджименто) развернулось еще в конце XVIII века. После Первой мировой войны в результате краха Австро-Венгерской империи процесс образования государств-наций охватил бывшие ее составные части, в частности, Венгрию.

Таким образом, вплоть до середины XX века суверенитет европейских государств был своего рода «священной коровой», который в условиях послевоенной Европы предстояло поступиться в интересах мирного будущего.

Передача, уступка своих суверенных полномочий и компетенции государствами-членами в пользу наднациональных институтов приводит к появлению принципиально нового уровня власти и управления, на котором решаются иные, нежели на национальном или региональном уровнях задачи. На наднациональном уровне управления в ЕС например, осуществляется координация и согласование деятельности национальных правительств в общих интересах, разработка политик, которые максимально эффективно могут быть реализованы только на европейском уровне (функционирование единого рынка, включая такие его элементы, как визовое регулирование; свобода передвижения лиц, товаров, услуг и капиталов; регулирование конкуренции в общем пространстве, единые правила деятельности корпораций и т.д.). Важнейшая и крайне трудная проблема в смысле формирования наднациональности - распределение полномочий между различными уровнями управления в ЕС: местным, региональным (к примеру, земельный уровень в ФРГ), национальным, общеевропейским, а также между самими институтами и органами

Сообщества [90, с. 5]. Институционально-правовой дизайн политической системы ЕС очень динамичен, находится в постоянной трансформации, о чем свидетельствуют неоднократно проводимые реформы (изменения и дополнения) учредительных договоров.

Ключевым принципом распределения функций и полномочий между государствами-членами и институтами Евросоюза является принцип субсидиарности, согласно которому государства-члены имеют приоритет перед институтами ЕС, если на национальном уровне какую-либо проблему решить можно более эффективно. Если же проблему нельзя удовлетворительно решить на национальном уровне, то необходимыми полномочиями пользуются институты и органы ЕС. Таким образом, в Евросоюзе можно выделить два уровня центральной власти: на уровне ЕС и на уровне государств-членов, то есть центральная власть децентрализована [91, с. 2]. Поэтому взаимоотношения институтов и органов ЕС с национальными властями государств-членов являются политико-правовым аналогом взаимоотношений центра с субъектами федерации в государствах федералистского типа. Разумеется, полного сходства Евросоюза с федеральными государствами нет. Поэтому ученые, занимающиеся проблемами европейской интеграции, для описания политико-правовой архитектуры Евросоюза используют такое понятие, как «квазифедерация» или его семантические аналоги.

Наднациональные институты ЕС как субъекты публичной власти, облеченные компетенцией и полномочиями в законодательной, исполнительной, контрольной и судебной сферах, возникли на основе учредительных (по сути международных) договоров. Методологическое значение для понимания сущности наднациональности имеет формулировка В. Зуева: «... совокупность правил и процедур, порядок/способ функционирования экономических и/или политических систем в процессе их взаимодействия в рамках международной структуры/организации, одобренной суверенными государствами и с их

согласия выходящий из-под национального контроля, первоначально в той степени, которая заранее определяется международными договоренностями и соглашениями [92, с. 21]. По нашему мнению, данная формулировка содержит наиболее существенные политико-правовые атрибуты наднациональных механизмов, а именно: наличие определенных правил и процедур принятия решений, определенный порядок межгосударственного взаимодействия, добровольный отказ государств-членов от части своих прав и полномочий в пользу наднационального механизма на основе международных договоренностей и соглашений.

Заслуга разработки так называемого коммунитарного метода принадлежала выдающемуся международному деятелю, министру по вопросам планирования Французской республики Ж. Монне. При этом Ж. Монне опирался на теоретические разработки школы неофункционалистов (Э. Хааса, Л. Линдберга, Ф. Шмиттера, Л. Шейнемана и др.), которые выдвинули много ценных идей по проблемам европейской интеграции. В частности, Э. Хаас подчеркивал, что интеграция приводит «лояльность, ожидания и политические действия к новому центру, чьи институты обладают или требуют правосудия в отношении к прежде существующего государства-нации» [2, с. 11].

Основные позиции коммунитарного метода Ж. Монне были оглашены 9 мая 1950 г. министром иностранных дел Франции Р. Шуманом в знаменитой Декларации. Этот метод включал следующие положения:

- федеративная цель, то есть создание европейской федерации, необходимой для сохранения мира;
- постепенность интеграции, что означало, во-первых, отказ от немедленного провозглашения Соединенных Штатов Европы по образцу США и, во-вторых, постепенное продвижение к федеральной Европе;
- интеграция как способ решения общественных проблем;
- ограничение государственного суверенитета и создание наднациональных органов власти.

К такому пониманию задач европейской интеграции Ж. Монне и Р. Шумана привели неудачи с созданием Европейского оборонительного сообщества, когда 30 августа 1954 г. Национальное Собрание Франции отвергло Договор, подписанный 27 мая 1952 г. Причина провала проекта с политико-правовой точки зрения была банальной: сообщество пытались создать на основе межправительственного единогласия. Жан Монне в свое время отмечал: «Европа, состоящая из суверенных государств сама по себе не способна, при всей доброй воле ее руководителей, принимать разумные решения, необходимые для общего блага. Зато все становится возможным, если право принимать решения получают институты, призванные заботиться об общих интересах в рамках единых правил и на основании воли большинства» [93, с. 456]. Сторонники европейской интеграции осознавали, что региональное экономическое объединение должно выстраиваться, прежде всего, на альтернативном принципе - наднациональности при принятии решений. Сильным стимулом создания наднациональных структур в формате Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а позже, после подписания Римских договоров 1957 г., в формате Евратома и Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС), явилась отчетливо выраженная политическая воля лидеров стран-первопроходцев интеграционных процессов в Западной Европе - Франции, Германии, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Не касаясь политических, дипломатических, организационно-правовых, технических и других деталей создания Европейских сообществ, более, чем подробно, изученных российскими и западными учеными, отметим главное — учреждение в них наднациональных органов управления.

Первым наднациональным институтом в процессе евроинтеграции явился Верховный орган ЕОУС (прообраз Европейской Комиссии), наделенный правотворческими и административными полномочиями. Его компетенция охватывала широкий круг вопросов, прежде всего, в сфере создания и функционирования общего рынка угля и стали, включая

установление сборов, налагаемых непосредственно на сталелитейные и угледобывающие предприятия, обеспечение их сырьем и полуфабрикатами, установление максимально низких цен, улучшение качества производимой продукции, рациональное использование природных ресурсов, улучшение условий труда, определение условий конкуренции между государствами-членами в отношении готовой продукции и прочее [94, с. 10]. Наднациональный уровень управления ЕОУС включал также представительный орган — Ассамблею (прообраз Европарламента) и Суд. Верховный орган первоначально включал 9 членов, назначаемых правительствами государств-членов. Наднациональный характер деятельности Верховного органа проявлялся в том, что в соответствии с Парижским (учредительным) договором, его члены, действуя в общих интересах Сообщества, были полностью независимы в выполнении своих обязанностей. При этом они не имели права запрашивать и принимать инструкции от какого бы то ни было правительства или иного органа. Они были обязаны воздерживаться от всяких действий, несовместимых с их обязанностями. В свою очередь каждое государство-член обязалось уважать этот принцип и воздерживаться от попыток повлиять на членов Верховного органа при выполнении ими своих обязанностей [95, 96, 97, 98 с. 29]. Кроме того, в отношении членов Верховного органа вводились серьезные ограничения и запреты, в частности, невозможность в течение срока членства заниматься какой-либо другой деятельностью. Ряд запретов действовал даже после окончания деятельности в качестве члена Верховного органа. Таким образом, наднациональность проявлялась в отстаивании общих интересов Сообщества и одновременно в запрете воздерживаться любых указаний от своих национальных правительств.

Особенность статуса членов Верховного органа ЕОУС, несомненно, стимулировала зарождение и укрепление у них чувства общей европейской идентичности, осознания общности исторических судеб, общего будущего.

Следовательно, первоначально носителями идеологии наднациональной европейской идентичности были представители политической элиты, то есть довольно узкий слой граждан стран Западной Европы. Политическая элита сознательно формировала, конструировала европейскую идентичность, в том числе путем переноса акцентов с историко-культурных оснований европейской идентичности на ее политическую составляющую. В этом смысле невозможно отказать в научной правоте Л. Фадеевой, указавшей, что «...в реальности трудно обнаружить как конструируемую идентичность без опоры на «самость» etc., так и «чистую» идентичность без элементов и механизмов конструирования» [13, с. 137].

Нельзя не отметить роль Суда ЕОУС в процессе интеграции. Наделение его компетенцией рассматривать иски не только между институтами ЕОУС и государствами-членами, но и иски частных лиц против государств-членов, явилось для того времени новшеством, не часто встречающееся и в ныне существующих международных организациях. Благодаря своему статусу Суд стал не просто органом разрешения споров, но и мотором интеграции, а прецедентное право — гибким механизмом правотворчества и углубления интеграции [8, с. 19-20].

Но наднациональные органы ЕОУС не могли действовать бесконтрольно. Интересы государств-членов, хотя и весьма ограничено, отстаивал специальный орган - Совет министров в составе представителей правительств государств-членов. В частности, Совет проводил с Верховным органом взаимные консультации и обменивался с ним информацией, а также мог просить Верховный орган рассмотреть предложения и меры, которые Совет сочтет соответствующими или необходимыми для достижения общих целей [71, с. 36].

Надгосударственный управленческий механизм, созданный в рамках ЕОУС, был воспроизведен с изменениями в Евратоме и ЕЭС. С 1967 года (Договор о слиянии) общими для всех Европейских Сообществ

институтами стали Комиссия в качестве высшего исполнительного органа (своего рода наднациональное правительство) и Совет как высший законодательный институт. Еще раньше, в конце 50-х гг. общими для всех Сообщества стали Ассамблея (представительный орган) и наднациональный Суд. Современный политический механизм Европейского союза по сути сформирован по лекалам, заложенным еще в начале процесса евроинтеграции.

Европейская комиссия - это орган высшей исполнительной власти Евросоюза, действующий на коллегиальных началах (всего 27 человек). В Еврокомиссии каждое государство-член представлено одним еврокомиссаром, отвечающим за определенную сферу управления (например, экономика, единый внутренний рынок, финансы, научные исследования, транспорт и т.д.). Общее руководство Еврокомиссией осуществляет ее Председатель, кандидатура которого утверждается европарламентариями. Для нашего исследования наиболее важное значение имеет статус членов Европейской комиссии, которые обязаны действовать исключительно в интересах Евросоюза, но не своих национальных правительств. В отношении еврокомиссаров действует ряд других ограничений, нарушение которых может быть основанием их привлечения к ответственности перед Судом Евросоюза, а затем и перед национальными судами в случае возбуждения уголовного дела по факту коррупции. Перед вступлением в должность еврокомиссары заполняют декларацию финансовых интересов (элемент Европейского Кодекса добросовестного административного поведения, принятого в сентябре 2001 г.), в которой отмечается предыдущая деятельность за 10 лет в различных фондах, образовательных учреждениях, отсутствие на момент подписания декларации финансовых интересов в различных компаниях, наличие недвижимости и профессиональная деятельность супруга/супруги [99]. Правильность данных, внесенных в декларацию, еврокомиссары засвидетельствуют своей личной подписью. Например, 7 декабря 2009 года

такую декларацию, наряду с другими еврокомиссарами, заполнила заместитель Председателя Еврокомиссии, Верховный Представитель Евросоюза по внешней политике и политике безопасности Кэтрин Эштон[100]. В настоящее время под руководством еврокомиссара по межинституциональным отношениям (прежде всего, между Еврокомиссией и Европарламентом) и публичной службе Евросоюза М. Сефковича осуществляется ревизия Кодекса поведения.

Лиссабонский договор ввел крупные изменения в структуру Еврокомиссии, распределение портфелей среди еврокомиссаров, что должно повысить эффективность ее деятельности, преодолеть вызовы, с которыми сталкивается Европейский союз [101, с. 5]. В частности, введены должности еврокомиссара по вопросам окружающей среды и еврокомиссара по климатическим изменениям, которые в прежнем составе Еврокомиссии курировал один еврокомиссар. Аналогичные изменения проведены в сфере юстиции и внутренних дел, науки и исследований.

Статус членов Еврокомиссии способствует укреплению у них наднациональной идентичности. Равным образом носителями общеевропейской идентичности является евробюрократия в широком смысле слова, то есть административный аппарат, занятый на публичной службе Евросоюза, который должен действовать исключительно в интересах ЕС. Сошлемся, в частности, на пояснительный меморандум К. Эштон Совету Евросоюза по поводу статуса сотрудников Дипломатической службы ЕС: «Сотрудники осуществляют свои обязанности и действуют исключительно в интересах Евросоюза. Они не имеют права получать инструкции от какого-либо правительства, властей, органа и лиц, не входящих в Дипломатическую службу, а также от любого органа или лица, кроме как от Верховного Представителя по внешней политике и политике безопасности» [102]. Евробюрократия постоянно наращивает свой политический вес и свою численность. По данным Европейской Счетной палаты, в 2007 году штат публичных служащих

институтов Евросоюза составлял 36500 человек [103,с. 6]. Лица, занятые на публичной службе Евросоюза, учитывая существующую систему пожизненного найма, высокий социальный статус, высокое денежное содержание, а также различные социальные преференции и блага, связывают свою служебную карьеру во многих случаях исключительно с европейскими институтами и органами. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что для защиты законных интересов и прав публичных служащих в рамках судебной системы Евросоюза создана специальная инстанция — Трибунал по делам публичной службы, основная задача которого заключается в разрешении трудовых споров, возникающих между институтами ЕС и лицами, занятыми на публичной службе [104]. Кстати, больше всего жалоб в Трибунал поступает от служащих Еврокомиссии. Так, в 2010 г. процент соответствующих жалоб составил 58, 99% от общего числа исков, поданных служащими Евросоюза [105].

В процессе укрепления европейской идентичности необходимо отметить позитивную роль всей судебной системы Евросоюза (в соответствии с решениями Лиссабонского договора она именуется Судом Европейского союза). Высшее ее звено — Суд сегодня решает важнейшие с политической и правовой точек зрения дела, в том числе преюдициальные запросы национальных судов (по поводу толкования или применения права ЕС), а также наиболее политизированные дела искового производства, в которых истцом выступают государства-члены или органы ЕС. Второе звено Суда Евросоюза — Трибунал первой инстанции — занимается исключительно делами искового производства, возбуждаемых физическими и юридическими лицами, например, иски об аннулировании правовых актов Европарламента, Совета ЕС, Еврокомиссии и Европейского центрального банка, иски из бездействия в целях принудить институты ЕС или Европейский центральный банк принять необходимое истцу решение [111].

Независимый статус членов Суда Евросоюза (судей и генеральных адвокатов), в том числе от своих государств, несомненно, укрепляет у них европейскую идентичность, вырабатывает общеевропейское сознание. В то же время физические лица (граждане государств-членов Евросоюза), выступающие в качестве истцов в Трибунале первой инстанции, также начинают связывать благополучие своего бизнеса, своей деятельности с решениями наднационального института — Суда Евросоюза, что, полагаем, также способствует укреплению у них чувства «европейскости», усиления европейской идентичности.

Нельзя не учитывать «европеизацию» значительной части национальной бюрократии государств-членов. Западные аналитики справедливо указывают, что эта бюрократия отвечает за координацию политик Евросоюза на европейском и национальном уровнях. На европейском уровне, в частности, чиновники государств-членов играют центральную роль на стадии подготовки законопроектов и их последующей реализации. Разрабатывая законопроекты, эти чиновники являются членами экспертных и консультативных групп, учрежденных Еврокомиссией. На национальном уровне бюрократия государств-членов контролирует реализацию законодательства Евросоюза [8, с. 37]. Постоянное взаимодействие между публичными служащими государств-членов в сочетании с давлением со стороны Евросоюза способствует европеизации национальной политической практики и политического стиля. С. Хикс подчеркивает, что европеизация в данном смысле означает выработку общего политического стиля деятельности [12, с. 39]. Это стало возможным, во-первых, отчасти благодаря адаптации к общим правилам и нормам, вводимым на европейском уровне, что соответствует интересам некоторых акторов политического процесса, во-вторых, благодаря наличию общих интересов, предпочтений и ценностей ведущих национальных чиновников, занимающих аналогичные позиции в государствах-членах и способных использовать свои профессиональные

роли в политическом процессе Евросоюза в целях внедрения европейского политического стиля в практику своих государств-членов.

В последние годы в связи с новациями в процедурах голосования по многим вопросам изменяется политическая роль главного законодательного органа Евросоюза — Совета ЕС. Де-юре он представляет собой межправительственную структуру, что и определяло основную процедуру принятия решений: путем консенсуса (форма единогласия) и правом вето любого государства-члена. Такая процедура позволяла государствам эффективно защищать свои национальные интересы перед лицом проводников жесткой линии усиления федерализации Европы. Классический пример — история ЕЭС в 1960-е гг., когда проявилось острое противоречие между наднациональным и межправительственным методами управления процессом евроинтеграции. Персонально это была схватка между президентом Франции Ш. Де Голлем и последовательным федералистом, председателем Еврокомиссии В. Хальштейном. Конфликт разгорелся по поводу общей сельскохозяйственной политики ЕС [106, с. 93]. В. Хальштейн добивался усиления полномочий Еврокомиссии, в то время как Ш. Де Голль усиления роли Совета. «Итогом конфликта стала относительная победа Франции против Комиссии, чьи полномочия, по сравнению с изначальным предложением, были сведены к минимуму. Комиссия согласилась заплатить цену аграрной политики за углубление интеграции» [8, с. 26].

Со временем проявилась слабость применения консенсуса в деятельности Совета ЕС. Такая ситуация сильно ограничивала возможности углубления евроинтеграции, препятствовала эффективности сотрудничества во многих сферах. Поэтому уже Амстердамский договор ввел для Совета голосование на основе квалифицированного большинства в сфере пограничного и иммиграционного контроля, политического убежища. Ниццкий договор 2000 г. расширил применение голосования квалифицированным большинством, распространив его на внешнюю

торговлю, региональную политику Евросоюза и т.д. [107]. По нашему мнению, все более широкое использование механизма голосования квалифицированным большинством в деятельности Совета ЕС способствовало усилению федералистских черт в институциональной структуре ЕС, осознанию общих интересов Сообществ и в определенной мере консолидации европейской идентичности.

Особое значение в этом процессе имеет деятельность наднационального Европарламента, который, будучи представителем граждан Евросоюза, является равноправным партнером Совета ЕС в законодательном процессе [108, с. 14]. Председатель Европарламента Ежи Бузек, выступивший со специальным заявлением по поводу вступления в силу Лиссабонского договора, отметил, что обладая большими полномочиями, отныне европарламентарии будут нести почти стопроцентную ответственность за принятие нормативно-правовых актов Евросоюза. Кроме того, как отметил еврокомиссар по межинституциональным вопросам и публичной службе Евросоюза М. Сефкович в своем выступлении в феврале 2012 года в Европейском колледже в Брюгге, Европарламент в после лиссабонский период расширил свои полномочия в бюджетной, законодательной контрольной и других сферах политики Евросоюза [109].

Расширение полномочий и компетенции Европарламента явилось результатом длительной эволюции институциональной структуры ЕС, проблемы всесторонне исследованной российскими и западными политологами, что освобождает нас от обязанности детально ее анализировать. Создателям Европарламента удалось изначально избежать опасности его превращения в арену межгосударственного противостояния, что было вполне реальным, учитывая порой противоположные интересы государств-членов ЕС. Статус наднационального института ЕС предполагает приоритет общих интересов, решения совместных задач европарламентариями.

Каждое государство-член, в зависимости от численности своего населения (хотя и не строго пропорционально), получает определенное количество депутатских мест (система квот). Так, в соответствии с Ницким договором, депутатские места в Европарламенте предстояло распределить следующим образом [8, с. 453]:

страна	2004-2009 гг.	после выборов 2009 г.
Бельгия	24	22
Германия	99	99
Люксембург	6	6
Италия	78	72
Нидерланды	27	25
Франция	78	72
Великобритания	78	72
Дания	14	13
Ирландия	13	12
Греция	24	22
Португалия	24	22
Испания	54	50
Австрия	18	17
Финляндия	14	13
Швеция	19	18
Венгрия	24	20
Кипр	6	6
Латвия	9	8
Литва	13	12
Мальта	5	5
Польша	54	50
Словакия	14	13

Словения	7	7
Чехия	24	20
Эстония	6	6
Болгария	18	17
Румыния	35	33
Итого	785	732

Лиссабонский договор 2007 года предусматривает увеличение численности депутатов Европарламента до 751 человек [110]. В соответствии с положениями данного договора, отныне квоты будут фиксироваться не в самих учредительных договорах, но в специальном решении (нормативном акте), что избавляет государства-члены от последующей ратификации.

Несмотря на систему квот при выборах в Европарламент, евродепутаты не являются представителями отдельных государств-членов. Сам статус европарламентариев обязывает в первую очередь максимально отдавать предпочтение приоритетам Евросоюза. Например, в этом направлении действуют так называемые условия несовместимости мандата европарламентариев, в том числе с членством в правительствах государств-членов, в Еврокомиссии, в судах Евросоюза, с должностью Европейского омбудсмена и т.д. Место избрания евродепутата не имеет никакого значения, то есть он считается представителем всех народов ЕС. Поэтому евродепутаты имеют свободный мандат, освобождающий их от каких-либо наказов со стороны своего электората. Следовательно, депутаты не могут быть досрочно отозваны. В европарламенте появились политики-европеисты, специализирующиеся по делам Сообществ, а позже и Европейского союза. Статус депутата Европарламента повысился по многим направлениям, и как следствие, профессиональные политики порой стали предпочитать европейский мандат национальному. Все это

способствовало растущей активности Европарламента [111, с. 293].

Консолидации европейского сознания, европейской идентичности европарламентариев способствует их объединение, независимо от страны избрания, в политические группы (фракции) по политическому признаку, то есть в соответствии с партийной принадлежностью. Тем самым в Евросоюзе сложилось общеевропейское политическое пространство, в котором действует ряд общеевропейских политических партий, одна из задач которых заключается в продвижении процесса евроинтеграции, формировании европейского сознания и выражения политической воли граждан Союза. Так, по итогам европейских выборов в 2009 году ключевые общеевропейские политические позиции заняли партии консервативно-клерикального толка, социал-демократической ориентации и либеральных воззрений. Эти партии образовали важнейшие фракции: Европейская народная партия (христианские демократы), Европейские консерваторы и реформисты, Прогрессивный альянс социалистов и демократов, Альянс либералов и демократов за Европу. В процентном отношении названные четыре группы составляют 80% всего депутатского корпуса ЕП [112].

Уникальную функцию сплочения государств-членов ЕС, формирования и эволюции общего правового пространства Сообщества, усиления чувства европейской идентичности выполняет право Европейского союза, первым источником которого стал Договор о ЕОУС, т.е. международный договор. Многочисленные исследования западных и российских правоведов доказали, что правовая система ЕС, постепенно обособляясь от международного права и не сливаясь целиком с внутригосударственным правом, приобрела уникальность благодаря наличию собственных источников, форм правотворчества, правоприменительной практики и специфических механизмов защиты юридических норм от нарушений [113, с. 15]. Важнейший элемент правовой системы ЕС — наднациональное право, которое является результатом правотворчества институтов Сообщества. Наднациональное

право ЕС обладает верховенством по отношению к правовым системам государств-членов. Благодаря принципу верховенства, в случае коллизии правовых норм ЕС и государств-членов, применяются нормы права Сообщества. Право ЕС регулирует общественные отношения в самых различных сферах, включая экономику, промышленность, сельское хозяйство, торговлю, конкуренцию, образование, культуру, финансы и так далее. Важнейшая задача права Евросоюза — гармонизация и унификация внутригосударственного права государств-членов с помощью наднациональных нормативно-правовых актов в интересах процесса евроинтеграции, преобразования общественных отношений, консолидации социально-экономического и политического единства.

Особое место в выработке европейского сознания граждан ЕС, усиления европейской идентичности занимает культурная политика Сообщества, охватывающая и материальную, и духовную сферу. Кстати, в последние несколько лет (с 2005 г.) в рамках ЕС предпринимаются значительные усилия, чтобы смягчить акценты в политике идентичности, трансформировать ее, сделав менее очевидным конструируемый характер и усилив культурные и ценностные основания [13, с. 137]. Результаты Евробарометра, проведенного по поводу роли европейских культурных ценностей, культурного обмена между гражданами государств-членов и укрепления чувства европейской идентичности в феврале-марте 2007 года, показали, что 89% опрошенных ответили на вопрос положительно. В ранжире типов и форм транснациональных культурных контактов в Евросоюзе последовательно назывались достоинства иностранной кухни (45%), туризм (27%), наличие друзей в каком-либо государстве-члене (27%), проживание в другом государстве ЕС члена семьи или родственника (22%), просмотр телевизионных передач на иностранном языке (19%), чтение книг на языке оригинала (7%) и т.д. [114].

Культурная политика Евросоюза сегодня самым тесным образом увязывается с институтом европейского гражданства, свидетельством чего

является Сообщение Еврокомиссии «Гражданство ЕС должно работать: поощрение европейской культуры и культурного разнообразия через молодежные, культурные, аудио- визуальные программы и гражданское участие» [43]. Культурная политика ЕС реализуется на основе союзных программ и инициатив. Первые программы ЕС появились еще в 90-е гг. Например, в марте 1996 г. Европарламент и Совет ЕС приняли программу «Калейдоскоп», нацеленную на поддержку художественного и культурного творчества в Европе. Проекты программы включали партнерство с учреждениями государств-членов в интересах содействия и распространения знаний о культуре и культурной жизни европейских народов, улучшение профессиональной подготовки артистов, содействие доступу граждан к культуре и т.д. Программа, охватывающая исполнительское, пластическое, визуальное (живопись, скульптура, архитектура, художественная резьба) и прикладное искусство (фотография, дизайн и прочее), Программа состояла из 5 разделов:

- поддержка мероприятий и культурных проектов, осуществляемых в партнерстве или через сети;
- крупномасштабные акции европейского сотрудничества;
- участие третьих стран;
- европейский «город культуры» и европейский месячник культуры;
- специфические мероприятия.

Эта программа оказалась весьма эффективной. Например, за ее счет была поддержана деятельность оркестра «Барокко» Евросоюза и молодежного оркестра Евросоюза. [115].

За последние 15 лет в сфере культуры было реализовано много программ и проектов европейского значения. В частности, программы «Ариан» (книгоиздательский сектор), «Рафаэль» (сотрудничество по защите и консервации европейского культурного наследия, повышению осознания гражданами ЕС своего культурного наследия и т.д.), «Культура 2000» (содействие культурному диалогу и взаимному ознакомлению с

культурой и историей европейских народов; содействие творчеству и транснациональному распространению культуры и мобильности артистов, других культурных акторов, профессионалов и их произведений, уделяя особое внимание молодежи, социально уязвимым лицам и культурному разнообразию; распределение на европейском уровне общего культурного наследия европейского значения; распространение знаний и содействие лучшей практики по консервации этого наследия) и т.д. Большое значение имеет программа «Европейская Столица Культуры» - эта яркая попытка пробудить европейское сознание различными символами, отдавая вместе с тем дань уважения национальным и местным культурам [34, с. 436]. За прошедшие два десятилетия «титула» «Европейская Столица Культуры» удостоивались Афины (1985 г.), Флоренция (1986 г.), Амстердам ((1987 г.), Берлин (1988 г.), Париж (1989 г.), Глазго (1990 г.), Дублин (1991 г.), Мадрид (1992 г.), Антверпен (1993 г.), Лиссабон (1994 г.), Люксембург (1995 г.), Копенгаген (1996 г.), Фессалоники (1997 г.), Стокгольм (1998 г.), Веймар (1999 г.), Авиньон, Берген, Болонья, Брюссель, Краков, Хельсинки, Прага, Рейкьявик, Сантьяго де Компостела - все 2000 г., Порто, Роттердам – 2001 г.; Брюгге и Саламанка (2002 г.), Грац (2003 г.), Генуя и Лилль (2004 г.), Корк (Ирландия) – 2005 г.), Патрас (Греция) [116, с. 76].

В укреплении европейского сознания, европейской идентичности нельзя не отметить учреждение общеевропейских премий в области культуры. В частности, премии Евросоюза и фонда «Европа Ностра» в области культурного наследия, премии в поддержку мобильности деятелей культуры - «Разрушители европейских границ» и т.д. Укреплению единого культурного пространства Евросоюза способствуют единые правила защиты культурных ценностей общеевропейского значения, в частности, положения нормативно-правовых союзных актов «Об экспорте культурных ценностей» [117] и «О возвращении культурных объектов, незаконно вывезенных с территории государства-члена» [118].

Инструментом формирования и усиления европейского сознания является также образовательная политика Евросоюза, итогом чего явилось формирование общеевропейского образовательного пространства [119, с. 27]. Образовательная политика Евросоюза выполняет важнейшую цель — создание «общества знаний» как условия конкурентоспособности ЕС на мировых рынках труда, высоких технологий, производства и т.д. [120]. Евросоюз, действующий в сфере образования на основе принципа субсидиарности, выполняет функцию усиления общеевропейского элемента в образовании, сближения национальных систем образования, обучающих программ, методик преподавания и т.д. Общеевропейский образовательный формат складывается из различных элементов: принятие союзных нормативных актов [121], усиление территориальной мобильности студентов и преподавателей, обмен специалистами между европейскими образовательными учреждениями, обязательное изучение, наряду с родным языком, двух других европейских языков и т.д. Нельзя не согласиться с И. Семененко, который обратил внимание не только на «...целенаправленную работу по формированию политических сообществ, осуществляющих проведение в жизнь решений в экономической и социальной сферах», но и на то, что «менее заметны, но едва ли не более значимы с точки зрения вовлечения рядовых граждан результаты деятельности сообществ интеллектуальных (экспертных, образовательных, научных, информационных). Именно они обеспечивают разработку и осуществление проектных программ на уровне ЕС» [26, с. 83-84]. Особое значение в Евросоюзе придается мультилингвизму. Его уровень можно оценить по численности учащихся старших классов, изучающих английский, французский или немецкий язык в качестве иностранного (в %-данные на 2007 г.): - Бельгия: английский (94,4), французский (48,1), немецкий (28,4); - Болгария: английский (86,1), французский (15,3), немецкий (40,3); - Чехия: английский (100,0), французский (25,0),

немецкий (72,2); - Дания: английский (99,9), французский (22,6), немецкий (71,9); - Германия: английский (94,3), французский (28,7), немецкий (-); - Эстония: английский (92,6), французский (6,1), немецкий (44,1); - Ирландия: английский (-), французский (60,5), немецкий (-); - Греция: английский (94,0), французский (8,6), немецкий (2,0); - Испания: английский (94,6), французский (27,1), немецкий (1,1); - Франция: английский (99,4), французский (-), немецкий (22,8); - Италия: английский (86,9), французский (21,4), немецкий (7,7); - Кипр: английский (88,1), французский (38,3), немецкий (2,4); - Латвия: английский (94,9), французский (4,1), немецкий (35,1); - Литва: английский (82, 3), французский (5,4), немецкий (27,2); - Люксембург: английский (97,0), французский (97,0), немецкий (97,0); - Венгрия: английский (73,3), французский (6,2), немецкий (49,9); - Мальта: английский (63,5), французский (7,9), немецкий (1,7); - Нидерланды: английский (100,0), французский (70,1), немецкий (86,2); - Австрия: английский (96,6), французский (54,1), немецкий (-); - Польша: английский (90,0), французский (10,0), немецкий (64,0); - Португалия: английский (50,7), французский (15,1), немецкий (1,6); - Румыния: английский (94,8), французский (83,6), немецкий (11,6); - Словения: английский (98,9), французский (10,2), немецкий (77,0); - Словакия: английский (97,7), французский (16,0), немецкий (72,6); - Финляндия: английский (99,5), французский (19,7), немецкий (72,6); - Швеция: английский (99,9), французский (22,4); - Великобритания: английский (-), французский (6,0), немецкий (2,6) [122].

Анализ вышеприведенных данных показывает, что наиболее изучаемым в старших классах европейских школ языком является английский (более 90%), затем следуют немецкий и французский.

Образовательные задачи Евросоюза решаются в рамках различных программ и проектов, например, «Эразмус», «Леонардо да Винчи» и т.д. Одна из особенностей общеевропейских проектов — расширение

численности их участников, растущее финансирование, усиление связи с практикой. В конце 2011 года еврокоммиссар по вопросам образования, культуры, мультилингвизма и молодежи А. Вассилиоу презентовала новую образовательную программу, которая расширяет возможности мобильности, сотрудничества и партнерства и затронет каждого работника, учащегося, студента, преподавателя и прочее [123]. Заметим, что институты Евросоюза признают территориальную мобильность граждан ЕС в качестве инструмента развития евроинтеграции и усиления чувства единой Европы. В 2008 году экспертный форум на высоком уровне по проблемам мобильности констатировал, что есть хорошо известные доказательства важности транснациональной мобильности в развитии гражданского участия и европейской идентичности, которая к тому же приносит ряд преимуществ на различном уровне:

- индивиды развивают понимание других культур, повышают свою толерантность и другие личные преимущества своего развития. Профессионалы часто возвращаются в свои организации. В зависимости от типа мобильности организации могут повысить свой потенциал;

- на политическом уровне мобильность может привести к перекрестному оплодотворению идей и изменениям политики на различных уровнях управления [124, с. 38].

Особое внимание образовательная политика Евросоюза уделяет взаимному признанию сертификатов, дипломов и квалификации, выдаваемых странами-участницами ЕС. В этом плане в Евросоюзе проделана огромная работа. Например, в 2004 г. Европарламент и Совет ЕС приняли документ «О едином формате Сообщества по транспарентности квалификации и компетенции». Эта задача решается в формате системы «Европасс», которая объединила все существующие инструменты по транспарентности дипломов, сертификатов и компетенции. «Европасс» способствует коммуникации граждан ЕС, представляет их квалификацию и навыки по всей Европе, поощряя тем самым профессиональную

мобильность между странами и секторами, а также мобильность в целях обучения. «Европасс» включает следующие документы:

- а) «Европасс curriculum vitae»; б) «Европасс мобильность»; в) «Европасс - приложение к диплому»; г) «Европасс приложение к сертификату»;
- д) «Европасс лингвопортфолио».

«Европасс curriculum vitae» представляет собой основной элемент портфолио и предназначен для описания компетенции и навыков людей. «Европасс мобильность» использует общеевропейский формат и предназначен для записи всего периода транснациональной мобильности в целях обучения на любом уровне, например, семестровое обучение в университете, другое любое обучение. «Европасс - приложение к диплому» содержит информацию об обучении владельца диплома, т.е. описывает характер, уровень, контекст, содержание и статус всех успешно завершённых учебных курсов. «Европасс - приложение к сертификату» описывает профессиональную квалификацию любого лица, обладающего сертификатом о профессиональном обучении или образовании. В этих целях Приложение предоставляет информацию о приобретенных навыках, сертифицирующем учреждении, возможности доступа к следующему уровню профессионального обучения и прочее. «Европасс лингвопортфолио» позволяет гражданам Евросоюза удостоверить собственные лингвистические и культурные знания и навыки. Он содержит специфическую информацию о конкретном гражданине в соответствии с европейскими стандартами, о его опыте в каждом языке, а также сведения о его личной работе, которая могла бы проиллюстрировать достигнутый уровень знания языков.

«Европасс» имеет тесную связь с другими инструментами, способствующими европейской и международной мобильности, в частности, с Европейской сетью занятости, Европейской сетью национальных информационных центров по признанию и университетской мобильности, основанной Советом Европы и ЮНЕСКО [23, с. 63].

Европейские сообщества, а позже Евросоюз используют официальные символы как внешнее выражение наднациональной идентичности. В этом качестве известны флаг ЕС, представляющий собой синее полотнище, в центре которого находится окружность, составленная из золотых звезд (символ совершенства), гимн (ода «К радости» - финал девятой симфонии Л. Ван Бетховена на слова Ф. Шиллера). Официальным праздником Евросоюза является «День Европы», который ежегодно отмечается 9 мая. Как элемент европейской идентичности называется также девиз Евросоюза — «Единство в многообразии». Введение в 2002 году в оборот евро, заменившего национальные денежные единицы несколько государств-членов Евросоюза, помимо экономического и финансового эффекта, имело также символическое значение.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод. Создание наднационального уровня управления в ЕС, ставшее решающим фактором евроинтеграции, выполняло одновременно функцию формирования и консолидации европейской идентичности. Успех процесса евроинтеграции был бы немислим без осознания народами и гражданами государств-членов общности своих исторических судеб, необходимости преодоления раскола Европы, антагонизмов и конфликтов на континенте. Важнейшим компонентом процесса евроинтеграции явилось стремление политических элит государств-членов, поддержанное народами, к становлению Европы как единого политического и экономического организма, пространства сотрудничества и процветания. Фактором усиления европейской идентичности выступает, прежде всего, система наднациональных институтов ЕС, деятельность которых направлена на решение союзных задач во всех сферах общественной жизни Сообщества (Еврокомиссия, Европарламент и Суд ЕС). Элементы наднациональности в последние годы проявляется также в деятельности Совета ЕС, который все чаще прибегает к процедуре голосования квалифицированным большинством. В процесс европеизации втянута также часть политической

элиты государств-членов. Таким образом, носителями постнациональной идентичности является в первую очередь бюрократия ЕС и бюрократия государств-членов, являющаяся акторами политического взаимодействия с институтами и органами ЕС.

В целях консолидации европейской идентичности среди основной массы населения ЕС, Сообщество использует различные механизмы, в том числе культурные и образовательные программы, проекты и инициативы. В соответствии с принципом subsidiarity, основную ответственность за реализацию культурной, образовательной и некоторых других политик несут государства-члены, которые преследуют специфические национальные интересы. Тем не менее, все большее значение придается программам, инициативам и проектам Европейской комиссии, являющейся «мотором» процесса европейской интеграции и европеизации народов ЕС. Деятельность Еврокомиссии имеет общеевропейское содержание, содействует межкультурной коммуникации в общем пространстве, устанавливает общеевропейские стандарты в образовании, науке, культуре и т.д. Определенную консолидирующую роль в контексте европейской идентичности выполняют флаг Евросоюза и евро.

2.2. Институт европейского гражданства как инструмент консолидации наднациональной идентичности.

Важнейшим этапом строительства единой Европы явился Маастрихтский договор 1992 года, создавший интеграционное объединение универсальной компетенции — Европейский союз, деятельность которого охватила все основные сферы общественной жизни. Союз выдвинул несколько важнейших целей, в том числе содействие социально-экономическому прогрессу, высокому уровню занятости путем создания пространства без внутренних границ, экономического и социального сплочения, создания экономического и валютного союза, утверждения самобытности Евросоюза на международной арене, сохранения и развития Союза как пространства свободы, безопасности и правопорядка, где свободное передвижение лиц обеспечивается в увязке с соответствующими мерами контроля на внешних границах, предоставления убежища, иммиграции, предотвращения и борьбы с преступностью [125, с. 526].

Образование Европейского союза стало закономерным итогом углубления процесса евроинтеграции. Собственно говоря, впервые идея о создании интеграционного объединения универсальной компетенции была выдвинута еще в 1972 году на саммите руководителей государств-членов Европейских Сообществ. 19 июня 1983 году в Торжественной декларации о Европейском союзе, принятой на Штутгартской встрече в верхах, подтверждалось обязательство постепенно двигаться по пути создания как никогда ранее тесного союза между государствами-членами и народами Европейского Сообщества. Европарламент в свою очередь разработал и 14 февраля 1984 года одобрил подробный проект Договора о Европейском союзе, который отличался отчетливо выраженной федералистской концепцией. Политически образование Евросоюза стало возможно только после вступления в силу Единого Европейского Акта (1987 г.) — первой

крупной институционально-правовой реформы Европейских Сообществ. Этот документ сформулировал общую задачу для Европейских Сообществ и Европейского политического сотрудничества: сообща внести практический вклад в постепенное создание Европейского союза [40, с. 4].

Европейский союз объединил под своей эгидой три уже функционирующих на базе собственных учредительных договоров Европейских Сообществ (ЕОУС, Евратома и Европейского Экономического сообщества), полностью сохранивших свою юрисдикцию и компетенцию. Такие политики, как общая сельскохозяйственная, промышленная, региональная, образовательная, конкурентная и др. вошли в первую «опору» с присущими ей механизмами принятия решения (как правило, на основе квалифицированного большинства) и характером нормативно-правовых актов (регламенты, директивы и решения). Вопросы общей внешней политики и политики безопасности [126] вошли во вторую «опору», для которой также были характерны собственные процедуры принятия решений, а нормативные акты (рекомендации, резолюции и др.) не имели обязательной правовой силы [10, с. 180-186]. Сотрудничество государств-членов в сфере юстиции и внутренних дел (визовое регулирование, пограничный контроль, иммиграция, политическое убежище, борьба с трансграничной и организованной преступностью, вопросы гражданской юрисдикции и таможенные вопросы) составило третью «опору», решения в которой принимались исключительно на основе межправительственного метода, то есть, на основе принципа единогласия всех государств-членов [127, с. 54-70].

Создание Европейского союза потребовало проведения серьезной институционально-правовой реформы. Институты и органы Европейских Сообществ (Еврокомиссия, Совет ЕС, Европарламент и Суд) были преобразованы в общие институты и органы Евросоюза и получили юрисдикцию и полномочия во всех структурных подразделениях ЕС.

Появился новый институт Евросоюза — Счетная палата. В правовой сфере была введена новая законодательная процедура — принятие решений Советом как высшего законодательного органа Евросоюза совместно с Европарламентом, ставшим теперь вторым законодательным органом ЕС. Европарламент также получил право утверждать посредством вотума доверия новый состав Европейской комиссии. В Совете Евросоюза была расширена сфера применения голосования квалифицированным большинством — чрезвычайно важный шаг, усиливающий политический вес и значение институтов Евросоюза.

Амстердамский договор 1997 г. внес серьезные изменения и дополнения в учредительные договоры, в том числе в Маастрихтский договор. Важнейшая политико-правовая новация заключалась в передаче в ведение Евросоюза визовой и иммиграционной политики, вопросов политического убежища и некоторых других вопросов. Путем передачи этих вопросов из третьей «опоры» в первую удалось повысить эффективность деятельности институтов ЕС (в частности, постепенно устранять право вето представителей государств-членов при голосовании в Совете Евросоюза), усилить демократический контроль (например, проведение парламентских слушаний). Принципиальное значение имела также инкорпорация Шенгенского права и Шенгенского исполнительного комитета в институционально-правовую систему ЕС. Вместе с тем структура «опор» была сохранена.

Таким образом, Европейский союз, вплоть до вступления в силу положений Лиссабонского договора 2007 года о реформе Европейского союза, представлял собой очень сложную институционно-правовую конструкцию, в которой в зависимости от предмета регулирования (конкретной сферы общественной жизни ЕС) использовались различные методы и процедуры принятия решений (межправительственный или коммунитарный, на основе консенсуса или квалифицированным большинством), а также нормативные акты, отличающиеся своей правовой

природой. Такая ситуация была обусловлена процессом так называемой разно-скоростной евроинтеграции, когда государства-члены были готовы на интенсивное сотрудничество в одних областях, прежде всего экономического блока, и не стремились поступиться своим суверенными правами в областях, наиболее чувствительных, например, во внешней политике, сфере юстиции и внутренних дел (борьба с преступностью, пограничный и иммиграционный контроль, визовая политика, политическое убежище и прочее) [8, с. 74-80].

Маастрихтский договор, как уже отмечалось выше, сформулировал также выдающуюся политическую цель - продолжить создание как можно более сплоченного союза народов Европы. Добиваться этой цели Евросоюз решил с помощью института европейского гражданства, учрежденного Маастрихтским договором. В одном научном исследовании, проведенном по просьбе Еврокомиссии в 2010 году по проблемам гражданства и европейской идентичности, отмечалось, что «...эти проблемы приобрели растущую важность в политике и практике Евросоюза, чему способствовал ряд факторов, включая функционирование единого внутреннего рынка и расширение ЕС» [128, с. 28].

Гражданство Евросоюза начало формироваться еще в 1950-е гг. после создания Европейских сообществ. На протяжении нескольких десятилетий устойчивая связь между гражданами государств-членов и Европейскими сообществами постепенно укреплялась. Введение европейского (наднационального) гражданства в значительной мере было обязано позиции испанского премьер-министра Ф. Гонзалеса, убедившего других руководителей стран-участниц на межправительственной конференции в необходимости этого политического шага [12, с. 351].

Как подчеркивал французский ученый М. Гаро, это был первый случай в истории, когда гражданство существует вне классических рамок государства и нации [129, с. 17]. Действительно, на протяжении столетий

институт гражданства был неразрывно связан с государственными образованиями, которые на протяжении длительного периода своего существования добивались его укрепления путем сохранения и усиления этнокультурной гомогенности своего населения. Поэтому появление института европейского гражданства означал отход от устоявшейся политико-правовой традиции. Европейское гражданство следует рассматривать, прежде всего, как политико-правовой инструмент укрепления европейской идентичности, усиления у граждан чувства принадлежности к единой Европе, осознания общности исторических судеб и интересов. Европейская идентичность охватывает самые различные области и сферы: политическую, культурно-цивилизационную, поведенческую, эстетическую и т.д. Граждане Евросоюза должны ощущать себе равноправными членами единого и огромного политического, социально-экономического и культурно-образовательного организма — Европейского союза. Но европейская идентичность не умаляет национальной идентичности граждан Евросоюза. Британцы, французы, немцы, греки, поляки и другие народы стремятся сохранить собственную национальную идентичность. Об этом свидетельствует анализ данных результатов Евробарометров [130, с. 35]. Конечно, уровень приверженности к наднациональной идентичности у разных народов Евросоюза отличается. Например, британская позиция к европейской интеграции и европейской идентичности сформировалась в основном еще в 50-е годы прошлого века. Обобщая эту позицию, можно утверждать, что на британскую идентичность процесс европейской интеграции оказал незначительное влияние. Европа до сих пор рассматривается британцами хотя и в дружеском духе, но все-таки как «другая». Национальная идентичность немцев трансформировалась в европейскую гораздо дальше. Иными словами, Британия являет собой случай сильной несовместимости Европы с национальной идентичностью в то время как Европа хорошо резонирует с современной немецкой идентичностью [33, с. 32].

Симптомы приверженности к национальной идентичности проявляются в самых различных областях, в том числе в поведенческой и административной культуре евробюрократии. Западные политологи, в частности, М. Абеле, И. Бельер и М. Макдональд отмечали влияние национальных групп еврочиновников, занимающих видные должности в публичной службе ЕС, на административную культуру в структурах Еврокомиссии [131, с. 15]. Например, в Генеральном департаменте Еврокомиссии по сельскому хозяйству ведущие должности одно время занимали французы, немцы и ирландцы. В Генеральном департаменте по конкуренции преобладали англичане и голландцы. Поэтому в 2002 г. была проведена внутренняя реформа административного аппарата Еврокомиссии, которая привела к отмене национальных квот на занятие ведущих должностей и внедрению принципа заслуг [12, с. 47].

Безнациональность граждан Евросоюза — это, скорее, фантастика, чем жизненная ситуация и реальная политика Сообщества в сфере межнационального. Соотношение наднациональной и национальной идентичностей сводится к формуле: единое во многообразии [25, с. 123]. Сохраняя свое своеобразие, в том числе культурно-языковое, религиозное, ментальное, а также национальную территорию как пространство юрисдикции государств-членов, являющихся важнейшим признаком национальной идентичности, граждане Евросоюза вместе с тем привержены вполне конкретным общеевропейским ценностям, в том числе цивилизационным. Таким образом, институт европейского гражданства, не ослабляя национальную идентичность граждан стран-участниц ЕС, включая политическую, в то же время выстраивает одну из высших форм идентичности — наднациональную. Конечно, поиски европейской идентичности, помимо национальной идентичности, конкурируют с другими формами идентичности, включая субнациональную (местную и региональную) и глобальную.

	Только национальная	Национальная и европейская	Европейская и национальная	Только европейская
Весна 1992	38	48	7	4
Осень 1993	40	45	7	4
Осень 1994	33	46	10	7
Осень 1995	40	46	6	5
Весна 1996	46	40	6	5
Весна 1997	45	40	6	5
Весна 1998	44	41	6	5
Осень 1999	45	42	6	4
Весна 2000	41	45	7	4
Весна 2001	38	49	6	3
Осень 2001	44	44	6	3
Весна 2004	41	46	6	4

Важными индикаторами европейской идентичности являются географическая и трудовая мобильность граждан Евросоюза, то есть смена места проживания в пределах общей территории ЕС, трудоустройство в стране, не являющейся страной национального гражданства, осознание себя европейцем [132]. Наглядное представление о предпочтениях граждан Евросоюза относительно различных форм самоидентификации дает следующая таблица, составленная по данным Евробарометра (в процентах) [9, с. 466]:

Анализ показывает, что граждане Евросоюза отдают предпочтение национальной и национально/европейской идентичности. То есть в обоих случаях превалирует национальная идентичность. Именно она является ведущей формой самоидентификации большинства граждан Евросоюза. Европейскую/национальную и исключительно европейскую идентичность выбирает крайне незначительный процент граждан Евросоюза. Это вполне

объяснимое явление. Оно подтверждается также тем фактом, что для граждан стран ЕС, сравнительно недавно пополнивших состав Евросоюза, характерно превалирование национального компонента идентичности [25, с. 124], Вместе с тем, чувство европейской идентичности достаточно развито у молодых европейцев, то есть людей, выросших в условиях единой Европы. По имеющимся данным, примерно треть европейской молодежи чувствует себя в первую очередь европейцами. Это довольно высокий показатель.

Результаты опроса респондентов из числа граждан Евросоюза в 2011 году касательно того, считают ли они себя европейцами, дали следующие цифры: в Италии (82%), в Венгрии (76%), в Люксембурге (74%), в Чехии (73%), в Словакии (73%), в Австрии (72%), в Финляндии (70%). Наименьшие показатели в Великобритании (34%) и в Латвии (39%) [133].

Высокой является также поддержка членства в Европейском союзе, что выявил опрос респондентов из государств-членов в феврале 2010 года (в % опрошенных лиц в формате ЕС-27);

Страна	Полезно	Не полезно
Бельгия	78	19
Болгария	52	22
Чехия	55	41
Дания	53	44
Германия	66	29
Эстония	63	32
Ирландия	86	8
Испания	62	31
Греция	63	36
Франция	69	28
Италия	63	28
Кипр	63	34
Латвия	53	44
Литва	52	37
Люксембург	80	18

Венгрия	66	24
Мальта	66	27
Нидерланды	81	18
Австрия	71	23
Польша	46	42
Португалия	61	25
Румыния	71	14
Словения	81	11
Словакия	88	10
Финляндия	81	18
Швеция	52	44
Великобритания	28	65

Приведенная таблица свидетельствует о высоком уровне приверженности граждан государств-членов объединенной Европе, Евросоюзу. Как факт преимущества членства в Евросоюзе можно привести то обстоятельство, что, несмотря на право государств-членов на добровольный выход из его состава через установленную процедуру, закрепленную Лиссабонским договором, ни одно из них до сих пор не пожелало реализовать свое право даже в условиях кризиса. Более того, на референдуме в Хорватии по поводу членства в Евросоюзе большинство граждан страны высказались положительно.

Теперь о географической мобильности европейцев. Она остается до сих пор невысокой. Подавляющее число граждан ЕС предпочитают жить и работать в стране своего национального гражданства. По имеющимся оценкам, 9 из 10 европейцев испытывают чувство привязанности к своей стране (проживания). Тем не менее, 1 из 10 европейцев планирует в ближайшие 10 лет переехать на постоянное местожительство в другую страну Евросоюза. Конечно, процесс самоидентификации граждан ЕС как членов единого политического образования зависит от многих факторов, в том числе достижений и просчетов в европейском строительстве. Британцы, например, известны своим евроскептицизмом, что нашло свое отражение в их неучастии в важнейших проектах Евросоюза: в зоне евро и

в Шенгенском сотрудничестве.

Европейское гражданство является дополнительным по отношению к национальному гражданству государств-членов, что определяет процедуру приобретения и утраты союзного гражданства [32, с. 111]. Каждое лицо, получившее национальное гражданство какого-либо государства-члена Евросоюза, автоматически приобретает европейское гражданство. Соответствующим образом, с утратой национального гражданства автоматически утрачивается европейское гражданство. Что же касается оснований приобретения и утраты национального гражданства государств-членов Евросоюза, то они всецело находятся в их компетенции. Дополнительный характер европейского гражданства становится очевидным при анализе номенклатуры гражданских, экономических, политических и социально-культурных прав граждан государств-членов. Объем этих прав значительно шире по сравнению с номенклатурой прав европейского гражданства. Например, участие в выборах в национальные парламенты зарезервировано только за лицами, проживающими в стране своего национального гражданства. Тем не менее, несмотря на дополнительный и ограниченный характер института европейского гражданства, все же следует согласиться с американским политологом С.Хиксом о том, что оно имеет символическую ценность [12, с. 351].

Введение института европейского гражданства преследовало задачу усилить защиту прав и свобод личности на всей территории Евросоюза. Гражданство Евросоюза устанавливает устойчивую политико-правовую связь субъектов этого права с институтами и органами ЕС, повышает притягательность европейской интеграции среди простых европейцев [31, с. 37]. Это достигается путем наделения их рядом новых прав и свобод, введенных институтом европейского гражданства.

Прежде всего — это свобода передвижения и выбора местожительства на всей территории Евросоюза. Впервые это право было

сформулировано в Римском договоре об учреждении Европейского Экономического сообщества (ЕЭС) в 1957 г. Но оно касалось только одной категории лиц — трудящихся, то есть граждан государств-членов Европейских сообществ, осуществляющих трудовую деятельность в качестве работника по найму, а также членов их семей. Такая свобода движения включала отмену любой дискриминации по национальному признаку в отношении трудящихся государств-членов в том, что касается найма, вознаграждения и других условий труда и занятости [99, 100, 101, 102, с. 132]. Свобода передвижения указанных категорий лиц включала следующие пункты:

- принимать реально предлагаемую работу;
- свободно передвигаться в этих целях по территории государств-членов;
- находиться в одном из государств-членов, занимаясь трудовой деятельностью в соответствии с законодательными, распорядительными и административными положениями, регулирующими занятость граждан данного государства;
- оставаться на территории одного из государств-членов после завершения трудовой деятельности в этом государстве, на условиях, которые будут определены регламентом, принятым Комиссией;
- положения данной статьи не относятся к занятости на государственной службе [132].

Постепенно право на свободу передвижения по территории ЕС с целью проживания распространилось на не работающих граждан ЕС. Это право было зафиксировано в специальном нормативно-правовом акте ЕС в 1990 г. Под данную категорию лиц попадали пенсионеры, студенты и члены их семей. Вместе с тем, существуют вполне конкретные ограничения на реализацию данного права, в частности, учитываются материальный достаток лиц (переезжающий не должен быть обузой для социальной системы страны въезда), соображения защиты общественного

порядка, публичного здравоохранения и национальной безопасности.

Важным политическим шагом в отношении свободы передвижения граждан ЕС в общем пространстве явилось Шенгенское соглашение 1990 гг., которое отменило все виды контроля на внутренних границах стран-участниц. Сегодня вышеназванное право регулируется принятой в 2004 году директивой Европарламента и Совета ЕС «О праве граждан Союза и членов их семей на свободу передвижения и проживания на территории государств-членов», которая консолидировала все существующие прежде нормативно-правовые акты [134]. Это право включает следующие позиции:

- свободный выезд с территории государства-члена и въезд на территорию другого государства-члена при наличии действительного удостоверения личности или паспорта;

- проживание сроком до 3-х месяцев на территории другого государства-члена при наличии действительного удостоверения личности или паспорта без всяких условий и формальностей;

- проживание на территории другого государств-члена сроком более 3-х месяцев (на определенных условиях, например, индивидуальной занятости, обучения, наличия достаточных ресурсов для содержания себя и своей семьи и прочее);

- постоянное проживание (на определенных условиях) на территории государства-члена, не являющегося страной гражданства.

Затяжной финансово-экономический кризис в Европе в 2008-2010 гг. практически не коснулся социальных устоев европейской интеграции, а именно свободы передвижения рабочей силы между государствами-членами. Известные ограничения затронули только выходцев из вновь вступивших в Союз стран — главным образом лиц, выполнявших временные малоквалифицированные работы. Как подчеркивала российский экономист И. Цапенко, «В 2009 году в Германии, Австрии и Швейцарии такие ограничения действовали в отношении граждан из стран, вступивших в Союз в 2004 году. А барьеры на въезд уроженцев Болгарии и

Румынии сохранились почти у всех стран ЕС прежнего состава, причем страны Бенилюкс и Великобритания даже их укрепили» [135, с. 37].

Особое значение в современных условиях приобретает разновидность права на свободу передвижения — свобода учреждения, то есть, во-первых, свобода передвижения предпринимателей; во-вторых, свобода учреждения юридических лиц и иных форм, не являющихся юридическими лицами. Договор, учреждающий Европейское Сообщество, прямо запрещает «...ограничения на свободу жительства и экономическую деятельность граждан какого-либо государства-члена на территории другого государства-члена. Этот запрет распространяется также на ограничения, касающиеся создания представительств, филиалов или дочерних компаний гражданами какого-либо государства-члена на территории другого государства-члена» [36, с. 65]. Европейский законодатель под свободой жительства и экономической деятельности понимает «право самостоятельной деятельности, а также создание предприятий и управление ими, в частности, компаний и фирм в том значении, которое установлено во втором абзаце статьи 48 [136, с. 68], на условиях, установленных законодательством страны, где такое право существует, для ее собственных граждан, и в соответствии с положениями главы, касающейся капитала» [136, с. 65]

Определенными правами на передвижение пользуются трудящиеся и иные лица, не являющиеся гражданами ЕС.

Важнейшим установлением института гражданства ЕС, призванным усилить его политическую составляющую, является право европейцев избирать и баллотироваться кандидатом в Европарламент и муниципальные органы управления на территории того государства-члена, где они в данный момент проживают. Таким образом, в целях усиления европейской идентичности важнейшее политическое право — право на пассивное и активное участие в избирательном процессе на местном

уровне лишается своего политического атрибута: обязательность национального гражданства. Следовательно, лицо, обладающее, например, гражданством ФРГ, но проживающее на территории какого-либо французского или итальянского муниципалитета, может избирать и баллотироваться в их местные органы управления. В этих случаях можно говорить об образовании единого политического муниципального пространства Евросоюза.

Прямые выборы в Европарламент, состоящий из представителей народов государств, объединенных в Сообщество, впервые состоялись в 1979 году. Но только Маастрихтский договор де-юре установил право граждан ЕС избирать и быть избранным в Европейский парламент. Следует отметить, что европейские выборы справедливо оцениваются политологами и юристами как второстепенные по сравнению с выборами в национальные парламенты стран-участниц ЕС. Тем не менее, роль и полномочия Европарламента как наднационального института постоянно возрастают [8, с. 40-41]. Несмотря на то, что евровыборы осуществляются в соответствии с национальным законодательством государств-членов, все же оно должно соответствовать общим принципам, закрепленным в особом источнике первичного права ЕС — Акте об избрании представителей в Европейский парламент всеобщим прямым голосованием 1976 года.

Крупное политико-правовое значение в контексте укрепления европейской идентичности имеет регулирование и обеспечение права граждан ЕС на пассивное и активное участие в европейских выборах в государствах-членах, не являющихся страной национального гражданства. Во-первых, необходимая норма зафиксирована в ст. 39 Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г.: «Каждый гражданин Союза имеет право голосовать и быть кандидатом на выборах в Европейский парламент в том государстве-участнике, где он или она проживает, на тех же началах, что и граждане этого государства» [42, с. 37]. Во-вторых, аналогичная правовая норма закреплена в ст. 19 (бывшей 8 b)

Договора, учреждающего Европейское Сообщество [36, с. 53-54]. Кроме того, Евросоюза постоянно подчеркивает необходимость улучшать способы и меры реализации права граждан ЕС на участие в европейских и муниципальных выборах. В этой связи назовем, в частности, Гаагскую программу, установившей десять приоритетов на период 2005-2011 гг. [137].

Порядок реализации вышеназванного права граждан Евросоюза закреплен в Директиве Совета N 93/109 ЕС от 6 декабря 1993 г. "О детальных условиях осуществления права избирать и права быть кандидатом на выборах Европейского парламента для граждан Союза, которые проживают в тех государствах-участниках, гражданами которых они не являются" [31]. Чтобы осуществить право голоса по месту постоянного проживания, гражданин Европейского союза должен заявить о своем желании участвовать в выборах.

Для регистрации в списках избирателей должны быть представлены те же документы, которые государство-член вправе потребовать от собственных граждан. Кроме того, должно быть представлено заявление, где будет указано:

"(а) гражданство лица и адрес его постоянного проживания на территории государства-участника Европейского союза;

(b) такая информация запрашивается - избирательным участком, где его имя в последний раз было внесено в списки избирателей на территории того государства, гражданином которого он является;

(с) что он будет участвовать в выборах только по месту своего постоянного проживания".

Существуют и определенные ограничения граждан ЕС на участие в евровыборах в стране, не являющейся страной гражданства. В частности, такое ограничение вступает в силу, если количество таких граждан превышает 20% от общей численности избирателей, зарегистрированных в государстве - члене Евросоюза. В этом случае право на участие в выборах

может быть предоставлено только тем лицам, которые проживают в этом государстве длительное время. Но такой ценз оседлости не должен превышать пяти лет.

Консолидации европейской идентичности, вне всякого сомнения, способствует право граждан Евросоюза на консульскую защиту и консульские услуги со стороны соответствующих органов любого государства-члена в тех третьих странах, где отсутствуют консульские и дипломатические представительства страны своего гражданства. По официальным данным, необходимость такой помощи вызвана, во-первых, фактом проживания в третьих странах 1,7 млн. граждан ЕС, во-вторых, ростом туризма европейцев в третьи страны (ежегодно 5,12 млн. человек), где отсутствуют дипломатические или консульские учреждения страны гражданства [138]. В обоих случаях консульская помощь оказывается на тех же условиях, что и для граждан своей страны гражданства. Она предоставляется в случае утраты или хищения проездного документа (паспорта или удостоверения личности), смерти, серьезного инцидента, болезни, ареста, задержания, жертве уголовного преступления, необходимости репатриации граждан Евросоюза. Лиссабонский договор повысил уровень защищенности граждан Евросоюза в третьих странах. Впервые в истории Евросоюза введена должность еврокомиссара по вопросам юстиции, фундаментальных прав и гражданства. Это направление политики Евросоюза в наибольшей степени отвечает интересам его граждан. Еврокомиссар Вивиан Рединг, курирующая вопросы юстиции, фундаментальных прав и гражданства, подчеркивает, что основная задача заключается в обеспечении высокого уровня защиты персональных данных, улучшении консульской защиты за границами ЕС и взаимного признания национальных правовых документов [139, с. 9].

Важный аспект консульской защиты граждан ЕС в третьих странах — повышение ее уровня в кризисных ситуациях. С таким предложением, учитывая, в частности, события в Египте, Ливии и Японии, Еврокомиссия

выступила в декабре 2011 года. В пресс-релизе Еврокомиссии подчеркивалось, что сложная ситуация в Египте и Ливии затронула более 150 тыс. граждан ЕС и многим из них была оказана эффективная помощь со стороны дипломатических или консульских представительств государств-членов, не являющихся страной национального гражданства. Одна из проблем консульской помощи — создание стабильного формата для сотрудничества и координации деятельности между государствами-членами Евросоюза. Масштабы консульской помощи значительны: так, например, в 2009 году она использовалась в 300 тыс. случаях. В целях повышения ее уровня Еврокомиссия создала в Интернете интерактивный веб-сайт, где содержатся контактные данные всех посольств и консульств государств-членов ЕС в третьих странах [140].

Право подачи петиций в Европарламент (статья 227 Договора о функционировании Европейского союза) неразрывно связано с европейским гражданством. Это право является очень важным и часто эффективным способом для граждан ЕС непосредственно обратиться в Европарламент, чтобы выразить свою озабоченность или внести предложения по следующим вопросам:

- нарушения прав граждан ЕС;
- защита окружающей среды; защита потребителей;
- свобода передвижения лиц, товаров, услуг, внутренний рынок, занятость и социальная политика;
- признание профессиональной квалификации;
- другие вопросы, касающиеся реализации права Евросоюза.

Петиция, которую помимо граждан ЕС и лиц, проживающих на территории ЕС, может подать любая компания, организация или ассоциация, зарегистрированные в ЕС, направляется в Комитет по петициям Европарламента, который на основе определенной процедуры рассматривает по существу дела поданную петицию.

Важное место в реализации прав граждан Евросоюза занимает

институт европейского омбудсмена, введенный в мае 1994 года. Каждый гражданин Евросоюза, любое физическое или юридическое лицо, проживающее или имеющее зарегистрированный офис в государстве-члене, вправе подать жалобу европейскому омбудсмену, который обязан расследовать жалобы в случае нарушения порядка управления или злоупотреблений в со стороны институтов или органов Сообщества, кроме судебных [141]. В Евросоюзе существует специальная процедура рассмотрения таких жалоб, которая в максимальной степени должна гарантировать решение проблемы. Одновременно европейский омбудсмен является ресурсом для институтов и органов ЕС, помогая им улучшать свою деятельность в интересах граждан Евросоюза. За годы своей деятельности омбудсмен ответил на более чем 36 тыс. жалоб и провел более 3800 расследований по фактам возможных злоупотреблений в деятельности институтов и органов ЕС. Только в 2010 году омбудсмен получил 2667 жалоб и провел 326 расследований, из которых 323 основывались на жалобах. Большинство расследований проведено в течение одного года (66%) и свыше половины в течение трех месяцев (52%). Стратегия европейского омбудсмена на 2010-2014 гг. предусматривает повышение эффективности его деятельности, включая меры по улучшению административной культуры в структурах Евросоюза, ускорению проводимых расследований, обеспечению общественности и заинтересованных лиц своевременной и полезной информацией, повышению использования доступных ресурсов [142]. Выполнению таких задач будет содействовать расширение мандата европейского омбудсмена на расследование злоупотреблений, совершаемых институтами и органами ЕС в рамках общей внешней политики и политики безопасности, а также создание сети национальных омбудсменов государств-членов.

Граждане Евросоюза также имеют право направлять письменные обращения институтам и органам Евросоюза и получать ответ на любом из официальных языков ЕС по своему желанию [143]. В этом смысле

гражданин имеет право быть выслушанным, прежде чем будут предприняты меры, затрагивающие его интересы; право на доступ к документам, касающиеся его личности, но одновременно уважая законные соображения конфиденциальности, профессиональные и деловые (бизнес) тайны. Кроме того, граждане ЕС имеют право получить мотивированное решение. На еврочиновников налагается ряд обязанностей и ограничений. В частности, они должны быть ориентированы на выполнение своих служебных обязанностей, быть справедливыми, вежливыми и доступными в своих отношениях с гражданами. Отвечая на письменную корреспонденцию, телефонные звонки и e-mail сообщения, еврочиновник должен быть максимально полезным. Предусмотрены и другие обязанности еврочиновников при общении с гражданами ЕС.

В целях транспарентности деятельности институтов и органов ЕС, его граждане наделены правом на доступ к документам Европарламента, Совета ЕС и Европейской комиссии. Это право реализуется благодаря публикации в Официальном журнале текстов всех регламентов, директив и рамочных решений, решений, изданных совместно Европарламентом и Советом, а также дополнительных конвенций между государствами-членами и международных договоров Сообщества и Союза [144, с. 11]. Кроме публикаций в Официальном журнале, в Евросоюзе выходит множество других печатных материалов, посвященных различным аспектам деятельности Сообщества, включая статистические данные, обзоры, глоссарии, словари и т.д.

Дальнейшее развитие комплекса прав граждан Евросоюза связано с Хартией Европейского союза об основных правах, провозглашенной 7 декабря 2000 года. Прежде всего, ее целью была защита человеческой личности, граждан Евросоюза во взаимоотношениях с наднациональными институтами и органами ЕС, а также с его государствами-членами. Положения Хартии действуют наряду с другими нормативными актами государств-членов по правам человека или документами международного

сообщества, например, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) [10, с. 156-160]. Политико-правовая роль Хартии возрастает в связи с положениями Лиссабонского договора 2007 года, которые усиливают механизмы защиты основных прав человека и гражданина на европейском уровне. Хартия теперь признана обязательным источником права, обладающим равной с учредительными документами «нового» Евросоюза (Договором о Европейском союзе 1992 г. в редакции Лиссабонского договора 2007 г. и Договором о функционировании Европейского союза в редакции Лиссабонского договора) силой [38].

Рассмотрим базовые ценности Хартии, касающиеся основных прав и свобод личности. К ним относятся:

- «Достоинство личности», закрепляющее право на достоинство, на жизнь, запрещение пыток и т.д.;

- «Свободы», включая защиту человека от неправомерного вмешательства публичных властей, в том числе институтов Евросоюза. За личностью признаются такие права, как право на свободу и личную неприкосновенность, на уважение частной и семейной жизни, свобода мысли и вероисповедания, свобода предпринимательства и прочее;

- «Равенство», то есть закрепление, в частности, положения о признании и уважении интересов специфических групп населения (детей, инвалидов, пожилых людей);

- «Солидарность», то есть каталог трудовых и социальных прав, призванных снизить или сократить классовые и иные социальные противоречия, в частности, право работников предприятия на информацию и консультации, право на переговоры и коллективные действия и т.д.;

- «Гражданство», устанавливающее права и гарантии, предоставляемые в первую очередь гражданам Евросоюза;

- «Правосудие». В этой главе формулируются уголовно-правовые и процессуальные гарантии прав личности, например, презумпция невиновности, доступность к беспристрастному суду и прочее;

- «Общие положения», которые определяют сферу действия и порядок применения Хартии, ее корреляцию с другими источниками прав и свобод;

Кроме того, Хартия признает право на «целостность личности» (например, защита от клонирования, евгеники, торговли частями человеческого тела и т.д.) и на «хорошее управление», т.е. на защиту от злоупотреблений со стороны институтов и органов Евросоюза.

Лиссабонский договор внес серьезную новеллу в блок политических прав граждан Евросоюза, привел к важным изменениям концепции европейского гражданства, обогатил демократические принципы ЕС, закрепил права его граждан, а также основные методы и формы участия граждан и их организаций в реализации европейской политической повестки [145]. Одна из новелл – введение так называемой «гражданской инициативы», в соответствии с которой, собрав один миллион подписей, граждане, представляющие, по меньшей мере, семь государств-членов, могут непосредственно инициировать принятие новых правовых актов на европейском уровне. Это право официально закреплено Регламентом Европарламента и Совета ЕС в феврале 2011 г. [146]. В апреле 2012 года регламент вступил в силу. Документ определяет процедуры и условия, необходимые для реализации «гражданской инициативы». В частности, в нем установлено минимальное число подписчиков (участников гражданской инициативы) для каждого государства-члена. Это число коррелирует с общей численностью населения конкретного государства-члена ЕС. Например, для Германии данное число составляет 72250 граждан, для Франции — 54000, для Испании — 37500, для Великобритании — 54000, для Эстонии — 4500 человек и т.д. Со своей инициативой граждане могут официально предложить Европейской Комиссии принять нормативный акт, что усиливает их роль в европейском законодательном процессе.

Важным инструментом укрепления европейской идентичности

является союзная программа «Европа для граждан» на 2007-2013 гг. Основная задача программы — придать гражданам ключевую роль в развитии Евросоюза [147]. Программа включает общие и специфические цели. Общие цели направлены на то, чтобы:

- дать гражданам возможность взаимодействия и участия в строительстве сплоченной, демократической, открытой внешнему миру, единой Европы, отличающейся культурным разнообразием и общим гражданством;

- развивать чувство европейской идентичности, основанной на общих ценностях, истории и культуре;

- усиливать чувство общности Евросоюза среди его граждан;

- повышать толерантность и взаимопонимание между гражданами Евросоюза, содействовать культурно-языковому разнообразию и межкультурному диалогу.

Специфические цели программы реализуются на транснациональной основе, включая:

- объединение жителей местных сообществ на всей территории Евросоюза, обмен опытом, мнениями и ценностями ради будущего;

- проведение акций и дебатов по проблемам европейского гражданства и демократии, общих ценностей, истории и культуры через сотрудничество с организациями гражданского общества на европейском уровне;

- «приближение» Европы к своим гражданам в интересах содействия ценностям и достижениям континента, сохраняя вместе с тем память о своем историческом прошлом;

- поощрение взаимодействия между гражданами и организациями гражданского общества всех государств-членов, содействие межкультурному диалогу, разнообразию и единству Европы, уделяя особое внимание деятельности, направленной на усиление связей между гражданами государств-членов Евросоюза [148, с. 5].

В рамках программы реализуется несколько проектов. В частности, проект «Встречи граждан породненных городов» (развитие партнерства между муниципалитетами в целях укрепления взаимопонимания между гражданами и культурами). Проект «Энергетика и устойчивое развитие в перспективе Балтийского моря» был реализован в муниципалитете Остхаммар (Швеция). В муниципалитете Хаарен (Нидерланды) реализован проект «Европейская хартия сельских сообществ». В бельгийском муниципалитете Малле реализован проект «Золотой мост» и т.д. Среди других проектов - «Сеть породненных городов» (сеть муниципалитетов для сотрудничества и обмена опытом по вопросам, представляющих взаимный интерес), «Проекты граждан» (поощрение активного участия граждан на европейском уровне, диалоги между ними и т.д.), «Активное европейское общество в Европе» и другие.

В настоящее время при активном участии граждан Евросоюза (онлайн-консультации) идет обсуждение будущей программы «Европа для граждан» на 2014-2020 гг. [149]. Анализ ответов гражданских организаций и других акторов политического процесса показывает, что наиболее важные темы будущей программы фокусируются на европейских ценностях, фундаментальных правах, гражданстве, разнообразии и равенстве, гражданском участии, образовании и занятости молодежи, социальной консолидации и процессе евроинтеграции.

Резюмируя основное содержание настоящего раздела диссертационной работы, мы пришли к нескольким существенным выводам. Во-первых, институт европейского гражданства, введенный Маастрихтским договором 1992 года, является уникальным для мировой теории и практики гражданства, поскольку он носит транснациональный характер. Такое политико-правовое свойство европейского гражданства позволяет ему выполнять консолидирующую роль народов ЕС, содействовать, несмотря на дополнительный характер по отношению к национальному гражданству, усилению европейской идентичности,

которая, как мы показали выше, тесно коррелирует с задачами евроинтеграции. Во-вторых, доказано, что европейское гражданство преимущественно расширяет политические права его субъектов. Например, участие в муниципальных выборах и выборах в Европарламент, независимо от места проживания на территории Европейского союза. В-третьих, одновременно усиливается защита прав граждан государств-членов в третьих странах, где отсутствуют дипломатические и консульские учреждения страны своего национального гражданства. В-четвертых, больше возможностей защиты интересов граждан ЕС предоставляет предусмотренное Маастрихтским договором право обращения к европейскому омбудсмену, право обращения с петицией в Европарламент, а также с письменными обращениями в Европарламент, Еврокомиссию и Совет ЕС. Немаловажное значение имеет право доступа граждан ЕС к документам Сообщества.

В-пятых, дальнейшее развитие комплекса прав граждан Евросоюза связано с Хартией Европейского союза об основных правах 2000 года. Политико-правовое значение Хартии возрастает в связи с новеллами Лиссабонского договора 2007 года, усиливающих механизмы защиты основных прав человека и гражданина на европейском уровне. Хартия признана обязательным источником права, обладающим равной силой с учредительными документами «нового» Евросоюза (Договором о Европейском союзе 1992 г. в редакции Лиссабонского договора 2007 г. и Договором о функционировании Европейского союза в редакции Лиссабонского договора).

Таким образом, институт европейского гражданства и последующее расширение прав граждан Евросоюза являются важным инструментом укрепления европейской идентичности, развития европейской интеграции.

Глава 3. Политические концепты идентичности и реалии.

3.1. Европейская идентичность в контексте противоречий.

Основная исследовательская задача настоящего раздела заключается в анализе того, насколько удастся реализовать политический проект Евросоюза по европеизации граждан Сообщества. Мы уже отмечали, что усиление европейского сознания, европейской идентичности и гражданства является одним из высших политических приоритетов Евросоюза. Европейская идентичность рассматривается как политическая доминанта углубления евроинтеграции, консолидации народов Сообщества, укрепления общего пространства свободы, безопасности и правосудия, усиления международной право субъектности и роли Сообщества в мировой политике и экономике. Анализ политико-правовой составляющей концепции европейской идентичности свидетельствует о высоком уровне ее идейно-теоретической разработки. Не вызывают серьезных возражений также инструменты, программы и инициативы государств-членов и Евросоюза по консолидации европейской идентичности. Вместе с тем аналитики справедливо подчеркивают, что реальная политика испытывает влияние различных факторов, в том числе деструктивных, которые могут девальвировать политические ценности и намерения. Этот тезис полностью применим и к нашему случаю, что обязывает нас рассмотреть наиболее важные с точки зрения ослабления европейской идентичности факторы

Прежде всего, серьезные коррективы в консолидацию европейской идентичности вносит иммиграция граждан третьих стран, прежде всего не западного происхождения. Исторически европейские государства-нации складывались на сугубо этническом фундаменте: язык — культура — территория. Это триединство являлось важнейшим условием консолидации и функционирования государств-наций во внутренней и

внешнеполитической среде. В этнокультурном и религиозном отношении большинство европейских государств-наций являлись гомогенными, что значительно усиливало их резистентность проникновению, диффузии иноязычных, инокультурных, инорелигиозных элементов в принимающее общество. Задача государства, главным образом, заключалась в консервации гомогенности, противодействии любыми методами, включая насильственные, ее ослаблению, переходу к гетерогенному обществу. Европейские государства принимали различные меры для достижения своей цели. В этой связи назовем жесткую языковую и культурную политику с принудительной ассимиляцией иноязычных, инокультурных элементов и сообществ. Запрещалось или сильно ограничивалось преподавание «чужих» языков, издание соответствующей литературы, периодики. Запрещались и преследовались также «чужие» обряды и традиции. В Германской империи, например, проводилась политика ассимиляции многочисленных не немецких этнических групп — лотарингцев, датчан, мазуров, литовцев, чехов, кашубов и сорбов. Объектом бескомпромиссной германизации были поляки. В частности, в 1901 году на польском языке были запрещены преподавание в народных школах и даже религиозные службы. В Эльзасе и Лотарингии после их присоединения в 1871 году к Германской империи планомерно выдавливались французский язык и культура. Австрия — это политическое ядро Австро-Венгерской империи - в 1840 году начала проводить политику германизации своего населения, в том числе славянского, и укрепление централизма. Венгрия в ответ на замену Веной в качестве официального языка латыни немецким объявила государственным венгерский язык. В империи началась «битва языков», под знаком которой проходила вся вторая половина XIX -начало XX веков [14, с. 38]. В частности, равных прав с немецким языком требовали чехи, не утихали конфликты в Хорватии и Словении. Нельзя не сказать об антисемитизме в Австро-Венгрии. Уже в ходе экономического кризиса 70-х годов XIX века

наблюдался всплеск юдофобских настроений, проявлявшихся вновь в связи с широким потоком переселенцев из Галиции, Венгрии и Буковины. Евреи казались австрийцам чужестранцами, пришедшими из какого-то таинственного мира и принесшими с собой его ужасы [150, с. 48].

Обратная сторона языково-культурной политики европейских государств-наций — всемерная поддержка, поощрение языка и культуры подавляющего большинства населения. Так, во Франции королевские указы 1539 и 1738 годов фиксировали притязания французского языка на исключительное применение, а Национальное собрание в 1792 году сделало его символом национального единства Франции [14, с. 36].

Невысокая по объему иммиграция в европейские государства-нации была рестриктивной, особенно в отношении азиатов, африканцев и др. представителей не европейских народов. Целью такой иммиграционной политики была максимально возможное сохранение этнической и культурно-религиозной гомогенности. Но консервация культурно-языковой самобытности народов и государств-наций, как показало последующее мировое развитие, не может продолжаться без конца.

С середины XX века начинается, по сути, новый этап развития европейских государств. Под давлением экономических, технических и технологических императивов европейские страны либерализовали свою иммиграционную политику и законодательство, что, в конечном счете, приводит к размыванию их культурно-языковой и религиозной гомогенности, формированию и укоренению этнических и культурно-гетерогенных сообществ мигрантов.

Ряд европейских стран, ранее являющихся странами исхода мигрантов (Италия, Ирландия, Германия и др.), превратились в принимающие мигрантов страны. Преимущественно мононациональные и монокультурные страны превращаются в полиэтнические, поликультурные. Распад колониальных держав Западной Европы - французской, британской, испанской, нидерландской и др.— ускорил

процесс этнической и культурно-религиозной гетерогенности бывших метрополий. В Англию, особенно после Второй мировой войны, устремился все увеличивающийся поток не европейской иммиграции, в том числе из Вест-Индии, Южной Азии, Ближнего Востока, из англоговорящих стран Африки. Знаковым событием для Британии в контексте не европейской иммиграции стало прибытие 22 июня 1948 года 417 мигрантов из Ямайки и Тринидада [24, с. 26]. Британский ученый Дж. Аткинсон отмечал, что это событие инициировало более значительную «цветную иммиграцию», чем ожидали Британия и ее жители [151, с. 3]. Растущая не европейская иммиграция в Великобританию была обязана британскому закону о гражданстве 1948 года, который наделил граждан стран Содружества особым иммигрантским статусом, дающим им право свободно въезжать, работать и проживать вместе со своим семьями в Британии. Последующее иммиграционное законодательства Великобритании стало ограничивать приток иммигрантов, но кардинально изменить ситуацию оно уже не смогло. Франция стала принимать иммигрантов из североафриканских стран (Алжира, Марокко, Туниса и др.). Германия, нуждавшаяся в восстановлении своего национального хозяйства, в 50-е гг. XX века стала усиленно принимать турецких и других мигрантов.

Европейские страны первоначально рассматривали трудовую (экономическую) иммиграцию в качестве временного явления. Даже на высшем политическом уровне предполагалось, что спустя определенное время трудовые мигранты вернутся на родину. Такие настроения, например, преобладали в Германии, где иммигрантов первоначально называли иностранными рабочими, а позже «гастарбайтерами» (Gastarbeiter), подразумевая их временный статус [152, с. 15]. Но иммигранты думали по-иному. Кроме того, со временем трудовая миграция в европейские страны дополнилась другими формами иммиграции: семейной и политической (политическое убежище), которую

стимулировала укоренившаяся в странах Запада так называемая политкорректность не только политической элиты, но и широкой общественности. Поэтому за последние десятилетия изменились не только формы и объемы иммиграции (преимущественно афро-азиатской), но и менталитет мигрантов второго и третьего поколения. Если первое поколение мигрантов пыталось интегрироваться в принимающие европейские общества, то сегодня наблюдается отторжение мигрантов от европейских ценностей, во многих случаях даже враждебное отношение к ним, чему способствует, в частности, образование сильных этнических диаспор, проживающих компактно во многих европейских городах: в Лондоне, Бирмингеме, Париже, Берлине, Брюсселе, Амстердаме, Риме и др. «Масштабы этнической миграции в ЕС сегодня таковы, что формируют почву для многочисленных опасений по поводу европейской культурной самобытности в условиях взрывного количественного роста «другой», и прежде всего исламской, культурной идентичности. Ведь даже в сердце ЕС — Брюсселе сегодня существуют районы, где практически полностью отсутствует европейское население» [22, с. 122].

Иммигрантские диаспоры начинают предъявлять к властям принимающих стран требования, которые могут радикально изменить их традиционное этническое и культурно-языковое «лицо». Так, в Бельгии Европейская арабская лига требует предоставить арабскому языку статус государственного, а исламу — статус официальной религии, ввести квоты для мусульман в учебных заведениях и — главное — официально прекратить политику их интеграции в бельгийское общество [153, с. 110]. Такая ситуация вступает в противоречие с официальной позицией европейских стран и политических партий, особенно правого толка. Так, программный документ германской ХДС (христианско-демократический союз), принятый в декабре 2007 года в Ганновере, отчетливо отклонил «...совместное проживание и образование общин мигрантов, в которых законы ФРГ и порядок не будут уважаться» [154, с. 21]. Во Франции партия

Н. Саркози «Союз за правое дело» перешла своеобразный идеологический «Рубикон», позаимствовав целый ряд идей у Ж.-М. Ле Пена и его «Национального фронта» (в частности, идею защиты национальной идентичности и ужесточения иммиграционной политики). При этом речь шла не просто об использовании лозунгов конкурента, но о выдвижении целостной программы, способной консолидировать вокруг президента и его команды «консервативное большинство» [155, с. 93].

Некоторые европейские страны (например, Германия, Великобритания) в качестве инструмента решения назревших проблем в сфере межнациональных отношений (ксенофобия, вопросы толерантности, занятость иммигрантов и др.) использовали политику мультикультурализма, идейно-теоретический концепт которой предполагал, что современное общество должно охватывать и включать в себя многочисленные культурные группы с равным культурным и политическим статусом. Насколько это трудная задача можно убедиться на примере Великобритании, слывущей страной с очень высокой культурой политкорректности. Этнический состав Великобритании наглядно показывает культурно-языковую и религиозную мозаику страны: 1) белые; 2) метисы (карибу); 3) азиаты или азиатские британцы; 4) негры или черные британцы; 5) китайцы и другие. В свою очередь эти этносы подразделяются на следующие группы:

- белые британцы;
- белые ирландцы;
- белые другие;
- метисы — белые и черные карибу;
- метисы — белые и черные африканцы;
- метисы — белые и азиаты;
- азиаты или азиаты Британии (индийцы);
- азиаты или азиаты Британии (пакистанцы);
- азиаты или азиаты Британии (бангладешцы);

- азиаты или азиаты Британии (другие);
- черные или черные британцы (карибы);
- черные или черные британцы (африканцы);
- китайцы;
- другие [156, с. 48].

Знакомство с «этно-национальной мозаикой» населения страны убеждает

в трудностях налаживания совместного проживания. Сегодня руководители Великобритании и другой европейской страны, придерживающейся политики мультикультурализма - Германии - официально признали ее крах. Несмотря на программы интеграции мигрантов в принимающие европейские общества, мигранты все-таки склонны образовывать закрытые диаспоры, отличающиеся сохранением своей культурно-языковой самобытности и своей национальной идентичности [157]. Многие коренные жители европейских стран отвечают на сложившуюся ситуацию нетерпением к мигрантам, ксенофобией, которая зачастую перерастает в насильственные действия и акции. Отнюдь не случайно на европейском уровне создана структура, призванная смягчить напряженность в сфере межнациональных и межрасовых отношений, привести их к приемлемому в демократических обществах порогу. Задача, как показывает мировой опыт, очень сложная.

Сегодня, к сожалению, нет политических технологий, которые бы могли вполне удовлетворительно решить проблему сосуществования в рамках одного государства множества различных этносов, народов и культур. Даже американские рецепты и политические технологии обеспечения комфортного взаимодействия этносов и народов, в частности, так называемый «плавильный котел» и другие оказываются несостоятельными. В стране компактно проживают по своим обычаям и традициям различные национальные диаспоры (китайцы, вьетнамцы, мексиканцы и прочие), не стремящиеся интегрироваться в американское

общество, не знающие английский язык, не стремящиеся жить по правилам принимающего общества.

Аналитики убедительно доказали, что в противовес набирающей в 90-е гг. XX века силе глобализации, этнические и культурные группы пытаются утвердить свое национальное бытие, добиться официального признания своей идентичности. Это требования выдвигаются в периферийных районах и от имени этнических меньшинств, которые защищают и возвышают свою культурную специфику, но особенно среди иммигрантов и их потомков. Вызовы и риски такой ситуации на примере современной Германии убедительно раскрыл Т. Заррацин [158]. Российские и западные политологи доказали: многие иммигранты не европейского происхождения не идентифицируют себя как граждан Европы, отвергают европейскую идентичность в пользу своей национальной принадлежности [171, с. 110]. Более того, засилье таких иммигрантов размывает даже национальную идентичность коренных жителей принимающих стран, например, в Великобритании, где коренные британцы часто задаются вопросом: кто же собственно является британцем?

Пренебрежение европейскими ценностями, общепринятыми в европейских странах нормами поведения, в том числе на бытовом уровне, этноцентризм и религиозный фанатизм части молодых мигрантов, особенно мусульманской, придерживающейся нетрадиционных направлений ислама, служит питательной средой для проявлений экстремизма и терроризма [159, с. 42]. В 2005 году Еврокомиссия приняла документ, в котором, в частности, ставилась задача поощрения интеграции мигрантов, межкультурного и религиозного диалога как инструментов борьбы с вербовкой террористов и радикализацией молодежи [160]. Тем не менее, проблема остается очень острой, что подтверждается массовыми акциями неповиновения властям со стороны мигрантов во Франции, Бельгии, Италии и т.д.

Рост численности мусульманского населения европейских стран, усиление позиций ислама отрицательно сказываются на консолидации европейской идентичности. Сегодня привычным элементом городского пейзажа в странах Западной Европы становятся мечети. По оценкам американского ученого Ф. Дженкинса, в девяти основных западноевропейских странах насчитывается около 7 тысяч мечетей, в том числе 2400 в Германии, 2000 во Франции, 1200 в Великобритании и примерно по 1000 мечетей в Италии, Испании и Нидерландах [161, с. 23]. Подобную ситуацию политологи предвидели еще в 80-е гг. прошлого века, когда они выдвинули лозунг «ислам на марше» [162, с. 67].

Растущая исламизация Европы стимулирует сильные антииммигрантские и антиисламские настроения, принимающих различную форму, в частности, национализм, расизм и ксенофобию. На политическом поле Франции, Австрии, Бельгии, Германии и др. усиливаются позиции праворадикальных партий, течений и движений. Во Франции, например, это партия Мари Ле Пэн. В программе австрийской партии Свободы (АПС), основателем которой был крайний националист Й. Хайдер, также сильны антииммигрантские пункты [163, с. 109].

Бурная исламизация Европы происходит на фоне весьма динамичной секуляризации ее коренных народов. Таким образом, происходит замещение важного элемента духовной жизни Евросоюза — христианской религии. Некоторые аналитики проявляют скептицизм по поводу ее роли в качестве элемента европейской идентичности. В частности, российский исследователь Г. Вайнштейн ссылается на снижение посещений европейцами религиозных служб, еще недавно бывшее атрибутом повседневной жизни многих европейцев. Так, в Великобритании, Франции, Швеции, Голландии и Бельгии доля граждан, никогда не посещавших церковь, достигает 63-82% [25, с. 128]. Нам представляется, что в данном случае перед нами слишком формальный подход, учитывающий

исключительно внешнюю атрибутику религиозного поведения европейцев. Российский исследователь Р. Лункин а примере скандинавских стран отмечал, что потеря церковью своего привилегированного статуса не означает того, что она автоматически утратит своего влияния на общество. Даже наоборот, утрата Лютеранской церковью «государственного статуса» в Скандинавии, произошедшая к концу XX века, лишь оздоровила церкви, изменила отношение к ним граждан в лучшую сторону, заставила их заниматься социальной работой. Церковь Швеции является ярким примером церкви как живого участника гражданского общества и остается в центре его внимания [164, с. 125]. Думаем, что, когда речь заходит об отличиях между европейцами и представителями других цивилизаций в контексте «мы — они», европейцы идентифицируют себя в культурно-религиозном отношении все-таки как христиане.

Конечно, в сфере религиозной идентичности европейцев, особенно после расширений 2000-х гг., появились новые трудности. В традиционно католической (Испания, Франция, Италия, Польша и др.) и протестантской Европе (Швеция, Германия, Дания и т.д.) увеличилось число стран православного вероисповедания за счет Болгарии и Румынии. Даже, учитывая то обстоятельство, что в Лиссабонском договоре нет упоминания о христианских корнях европейской цивилизации, и Европа теряет свою религиозную гомогенность, все-таки христианскую идентичность европейцев, невзирая на существование ее различных вариантов, нельзя недооценивать. Мы согласны с мнением российского историка В.Швейцера, писавшего, что «...конфессиональный фактор является связующим звеном для народов Западной, Центральной и Восточной Европы. Католицизм и протестантство — главные, но, естественно, не единственные религии местного населения в Европе. Протестанты, в свою очередь, также неоднородны, однако разные ответвления этой ветви христианской религии не являются уже в государствах запада и центра Европы столь враждебными друг другу, как это было в прошлом» [165, с.

47-48]. Кстати говоря, в Польше, едва оправившейся от давления официальной «секуляризированной» марксистской идеологии, не хотели признать секуляризацию одной из фундаментальных ценностей объединяющейся Европы. Италия тоже не горит желанием подписаться под ценностью секуляризма [166, с. 24]. Католицизм в этих странах по-прежнему сохраняет очень сильные позиции.

Не убеждают аргументы Г. Вайнштейна, касающиеся того, что, поскольку христианство распространено в других регионах мира, оно не может быть компонентом европейской идентичности. Действительно, христианство принято во многих странах и регионах, в том числе в странах Латинской Америки, некоторых странах Ближнего Востока (например, в Ливане) и Северной Африки (египетские копты-христиане) и т.д. Но христианство в этих странах сочетается с другими компонентами национальной идентичности, придавая ей национальную специфику, национальный колорит и значительно отличаясь от идентичности европейских народов. Например, христианские традиции в мировоззрении, культуре и менталитете индейских народов Южной Америки, привитые им в процессе европейского завоевания (Конкиста) и последующего развития, неразрывно связаны с местными традициями, верованиями, культурами и языками. Точно также отличаются цивилизации и культуры народов, основанных на исламской, буддийской и др. религий. Невозможно, например, оспорить тот факт, что арабская цивилизация, арабская культура настолько уникальны, что имеют мало общего с культурой других мусульманских народов. Фактором дезинтеграции европейской идентичности является наличие в национальных культурах памяти о межнациональных конфликтах и бесчисленных войнах в Европе. Известно, что в массовом сознании веками господствуют различные схемы, предрассудки, предвзятость, стереотипы. Один из объектов стереотипизации — народы, этносы, их культура, поведенческие нормы и прочее. Практика межнациональных отношений в Европе подтверждает

данный тезис. И это несмотря на почти 70-ти летний период мирного существования в условиях единой Европы, который, казалось бы, должен давно стереть негативные образы народов континента. Этот феномен можно объяснить глубокими историческими корнями. Духовная культура европейских народов в период средневековья, Новое и Новейшее время содержит элементы и сюжеты, не благоприятствующие единению европейцев. Например, этноцентризм, самовосхваление, шовинизм, ненависть к другим народам Европы и прочее. В своих трудах, в частности, немецкие историки XIX века Г. фон Трейчке и Г. фон Зибель, (малогерманская историческая школа) объявляли германцев наиболее последовательными носителями идей «индивидуальной свободы» и ведущей силой европейской истории. Во время франко-германской войны 1870-1871 гг. малогерманские историки принимали активное участие в разжигании инспирируемой правящими кругами шовинистической истерии. Хорошо известен образ «арийца» как высшего типа человеческой личности, пропагандируемого некоторыми немецкими философами.

Другой пример — сюжеты ряда произведений европейских литераторов. Так, оккупация значительной части Франции в ходе ее войны с Пруссией в 1870-1871 гг. преломилась негативным восприятием немцев (бошей) в творчестве некоторых французских литераторов и массовом сознании французов.

Первая мировая война, которая развела народы в военно-политические блоки (Антанта и Тройственный союз), привела к разгулу в Европе национализма, шовинизма и милитаризма. Образ «гадкого немца» начал формироваться в общественном сознании с подведением итогов войны. В этой войне немцы впервые с помощью боевых дирижаблей нанесли бомбовые удары с воздуха по населению Парижа и Лондона, первые в истории войн потопили с подводной лодки лайнер «Лузитанию» и в апреле 1915 года под Ипром впервые провели широкомасштабную атаку с применением отравляющих веществ.

Невыносимые и запретительные условия Версальского мирного договора, навязанные потерпевшей поражение Германии странами Антанты, вызвали эскалацию немецкого национализма, шовинизма, реваншизма, на волне которых с помощью изощренной демагогии и циничной эксплуатации униженного самолюбия и национальной гордости немцев к власти пришли нацисты. «Моей программой, - говорил Гитлер в своей речи в январе 1941 года раздраженно, но совершенно справедливо, - было устранение Версаля. Пусть сегодня в других странах не изображают из себя недотеп, как будто бы эту программу я разработал только в 1933, 1935 или 1937 году. Господам надо было лишь прочитать написанное мною, причем тысячу раз. Нет другого человека, который бы так часто заявлял и писал о своих замыслах, как я, а писал я всегда одно — устранить Версаль» [167, с. 157].

Крупнейшей трагедией европейских народов стала Вторая мировая война. Народы оккупированных стран (Франции, Бельгии, Польши, Норвегии, Люксембурга, Дании и др.) в борьбе с фашистской Германией понесли тяжелые людские и материальные потери. Важнейшим элементом негативного восприятия немцев населением оккупированных стран стали военные преступления и преступления против человечности (массовые расстрелы и казни мирного населения, организация концентрационных лагерей и прочее). На Нюрнбергском процессе, первом в истории человечества международном уголовном суде, были осуждены главные руководители нацистской Германии и признаны преступными нацистская партия (НСДАП), СС, гестапо и другие структуры. Международный трибунал дорисовал образ «отвратительного немца», сделав его наглядным и убедительным.

В послевоенной Германии были проведены серьезные меры по денацификации, демилитаризации и демократизации. Как отмечал Г. Воон из Фонда Розы Люксембург: «На фоне трагического многострадального опыта знакомства Европы с германской политикой войны К. Аденауэр

попытался заработать для Германии новый кредит доверия, чтобы добиться признания международного сообщества. В условиях ограниченного суверенитета это стало бы предпосылкой для долгосрочного успешного решения внешнеполитических возможностей страны. Франция и другие страны Западной Европы, со своей стороны, были заинтересованы в сохранении политического контроля над Германией» [168, с. 118]. Важным шагом Германии, предпринятым для искупления своих преступлений в годы третьего рейха, стало официальное извинение ее правительства. Более того, моральное раскаяние охватило значительные слои немецкого населения. Лауреат Нобелевской премии в области литературы Г. Бёлль в ряде своих произведений осудил нацистскую идеологию и практику. «Лакмусовской бумажкой» отрицательного отношения современных немцев к нацизму можно, вне всякого сомнения, признать их позицию к праворадикальным течениям и движениям на политическом поле Германии, а также столкновения антифашистской молодежи с неонацистами, не пользующимися серьезной общественной поддержкой.

Тем не менее, несмотря на эти шаги и «немецкую жертвенность», начиная со времени канцлера К. Аденауэра ради общих интересов Европы и углубления процесса евроинтеграции, реанимировать свой позитивный образ немцам не удастся. Частный пример: в 1998 — 2000 гг. институт Гёте провел интенсивные исследования по поводу восприятия немцев англичанами. Исследователи обрабатывали в пользу немцев более четырех тысяч школ и предприятий. Но результат исследования оказался неожиданным: немцы вызывают у британцев такие основные ассоциации, как нацизм, футбол, автомобили и пиво. Оказалось, что только треть молодых британцев не чувствует отталкивания от немцев. Среди британцев обнаружилось поразительное невежество, когда их просили назвать имена самых знаменитых немцев. Это, как правило, были не Бах или Кант, не Дюрер или Лейбниц, но немецкая супермодель Клаудия

Шиффер и Гитлер. Неприязненно относятся к немцам и в других европейских странах, например, в Голландии. В стране несмотря на то, что немецкие водители реже нарушают правила дорожного движения, чем голландцы, машины с немецкими номерами штрафуют значительно чаще, чем свои. В ответ на вопрос, как пройти на ту или иную улицу немец в Голландии, как правило, слышит такой ответ: «Отдай мой велосипед». Оказывается, что голландцы до сих пор не простили немцам своих велосипедов, отобранных у них во время оккупации.

Прошедшие после Второй мировой войны десятилетия не смогли изгладить из памяти людей преступления нацистов в чешской Лидице, во французском Орадуре. Свидетельством отчасти негативного восприятия немцев народами Европы являлись опасения по поводу объединения Германии 3 октября 1990 года. 10% граждан стран Евросоюза не одобрили воссоединение ФРГ и ГДР [169].

Сложный исторический фон отягощает также отношения других наций и этносов Европы. Для Испании это, прежде всего, взаимоотношения между испанцами и басками, для Бельгии — фламандцев с валлонами, для Великобритании — англичан с шотландцами, для балканских стран — сербов с хорватами, сербов с косоварами и т.д.

Очевидным противоречием в контексте консолидации наднациональной идентичности в Европе является языково-культурные и исторические предпочтения отдельных ее народов в пользу идентификации с другими народами, в том числе из третьих стран. 7% британцев, например, больше всего имеют общего с Германией, 5% - с Испанией, 23% - с США, 15% - с Австралией и 14% - с Канадой. Таким образом, 52% всех британцев идентифицируют себя не со странами Евросоюза, но с англосаксонским или англоязычным миром. Великобритания к тому же является одной из опор евроатлантизма и самым верным союзником США в военно-политической сфере, что выражается в безоговорочной поддержке любых американских акций, включая афганскую, иракскую,

ливийскую и другие компании [170, с. 187]. Показателен также пример Испании. В последние годы ее правительство принимает меры по консолидации испаноязычного мира (страны Центральной и Южной Америки). В этих целях ежегодно 12 октября отмечается день испаноязычной культуры. В Испании на его праздновании присутствует вся королевская семья. Испания поощряет миграцию испаноязычных иностранцев, предоставляет им значительные преференции. Таким образом попытки Испания усилить испаноязычную идентичность вступают в противоречие с европейской (наднациональной).

С вступлением в Евросоюз стран Центральной и Южной Европы в 2004 и 2007 гг. осложнилась ситуация на языково-культурном поле: оно стало еще более гетерогенным. Затруднилась вербальная коммуникация между гражданами Евросоюза, потребовались новые меры в сфере мультилингвизма. Новые испытания, безусловно, ожидают европейскую идентичность при очередном расширении — вопрос, по крайней мере, уже решенный в пользу Хорватии. Существование в Евросоюзе десятков языков и национальных культур, безусловно, осложняет процесс консолидации наднациональной идентичности, но вместе с тем не является в этом плане решающим фактором.

Нам представляется, что политика постоянного расширения Евросоюза, инициатором чего, в частности, является евробюрократия, прежде всего, Еврокомиссии, исчерпала себя. Конечно, не в смысле географических пределов, но в смысле добросовестной управляемости общего пространства, своевременного и эффективного реагирования на острые социально-экономические и политические проблемы, которые время от времени появляются в Европейском союзе. Полагаем, что с точки зрения этих требований целесообразность расширения была исчерпана еще в период существования ЕС-12. Об опасности масштабного расширения ЕС за счет стран с весьма молодыми демократическими институтами и неокрепшей рыночной экономикой предупреждал

российский эксперт Ю. Борко. По его мнению, центробежные тенденции способны привести в конечном счете к тому, что «ЕС может расколоться на несколько субрегиональных группировок или полностью ренационализироваться. Но даже если исключить этот наихудший вариант, расширенный Союз не в состоянии следовать курсом на политическую единую Европу, начертанным отцами-основателями Европейских сообществ в 50-е гг.» [72, с. 130]. Тем не менее, политика расширения является одним из приоритетов Евросоюза. Среди претендентов на членство в Евросоюзе называют Турцию и Сербию. Украина и Грузия также планируют вступить в Евросоюз.

В негативном смысле на консолидацию европейской идентичности воздействуют существенные различия в социально-экономическом развитии отдельных стран и регионов. Испания, Ирландия, Греция, а после расширений 2000-х гг. Болгария, Румыния, Эстония, Латвия, Литва и некоторые другие «европейские новички» значительно уступают по многим показателям (ВВП на душу населения, денежные доходы населения, уровень пенсионного обеспечения и прочее) таким развитым государствам Евросоюза как Германия, Франция, Люксембург, Бельгия, Швеция и др. В слаборазвитых странах Евросоюза есть депрессивные и удаленные территории (например, горные и прибрежные районы), не имеющие современной транспортной, информационной, промышленной и иной инфраструктуры [79, с. 29]. Такая ситуация тормозит процесс совершенствования единого рынка Евросоюза, не обеспечивает решение важнейшей задачи Сообщества — повышение занятости населения, в том числе молодежной, способствует социальной изоляции. Поэтому Евросоюз в рамках региональной политики, призванной сокращать страновые и региональные различия, использует в этих целях консолидированный союзный бюджет и финансовую помощь отдельных развитых государств-членов. Финансовые вливания в региональную политику весьма значительны: в период 2007-2013 гг. на проекты социальной и

экономической консолидации Евросоюза будет израсходовано около 347 млрд. евро или почти треть его бюджета [171, с. 40]. В Евросоюзе созданы специальные фонды, содействующие решению тех или иных проблем. Так, социальный фонд Европейского союза содействует трудоустройству, преодолению дискриминации в сфере труда, в частности, в отношении оплаты за равный труда, женской и молодежной занятости т.д.

Региональная политика Евросоюза, с одной стороны, в какой-то степени порождает иждивенческие настроения в странах с отсталой экономикой, с другой стороны — возмущение и недовольство населения стран ведущих экономик, вынужденного жертвовать своими интересами. Так, по данным опроса, проведенного в июне 2009 года институтом предпринимательской свободы, 70,9% немцев выступали против использования средств немецкого бюджета (и немецких налогоплательщиков) для оказания помощи странам, подобным Греции. Лишь 24,8 % поддерживали подобные трансферты. В марте 2010 года доля противников финансовой помощи Греции в Германии превышала 60%, во Франции их был около 40%. Правда, по данным другого опроса общественного мнения, проведенного также в марте 2010 года в Германии, только 15% немцев выступают безоговорочно против помощи Греции, а большинство (50%) ратуют за помощь, но лишь при условии, что в ней примут участие не только немецкие налогоплательщики, но и банки — кредиторы греческого правительства [172]. Известно, что ради решения финансовых проблем Греции в 2011-2012 гг. Германия и Франция предпринимали ряд мер, невыгодных для них самих. Невыполнение рядом стран ЕС базовых условий членства в еврозоне не только подрывает ее стабильность и осложняет в целом ситуацию в Евросоюзе, но и придает попятный характер процессу консолидации европейской идентичности. Некоторым лидерам государств-членов ЕС и евробюрократии выход видится, в частности, в дальнейшем усилении полномочий институтов и органов Сообщества, укреплении финансовой дисциплины государств-

членов и прочее.

Исследуя важную проблему консолидации европейской (наднациональной) идентичности, нельзя не рассмотреть еще один ее аспект, который, по-нашему глубокому убеждению, несет с собой отрицательный эффект. Имеется в виду институционально-правовая фрагментация самого Европейского союза. Это Сообщество, как известно, на январь 2012 года включало 27 государств. В то же время в его рамках существует так называемое Шенгенское пространство, в котором по разным причинам не участвуют такие государства-члены ЕС, как Великобритания, Ирландия, Болгария, Румыния и Кипр. Поэтому для новых членов ЕС был закрыт, по крайней мере до 2011 года, рынок труда — 12-ти из 15-ти государств старого ЕС [5, с. 16]. Вместе с тем, ассоциированными участниками Шенгенской системы, Шенгенского права являются третьи по отношению к Евросоюзу страны: Исландия, Норвегия и Швейцария. Еще один водораздел между государствами-членами Евросоюза лежит в валютно-финансовой сфере: ряд стран (Франция, Германия, Бельгия, Нидерланды, Испания, Португалия, Италия и т.д.) входят в так называемую еврозону, где обращается общая денежная единица — евро. Другие страны (Польша, Литва, Эстония и др.) не являются членами еврозоны. Новая возможная грань фрагментации Евросоюза — обсуждаемый проект выделения в его составе интеграционного ядра из Франции, Германии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Италии, которых в целях разнотемпной интеграции предполагается наделить большими правами по сравнению с другими членами Евросоюза.

Следует сказать, что отмеченная фрагментация вызвана нормативно-правовой базой Евросоюза в части, касающейся, например, необходимости защиты общего пространства свободы, безопасности и правосудия (шенгенское право), то есть обеспечения борьбы с трансграничной и организованной преступностью. Поэтому те страны ЕС, которые не могут

взять на себя бремя защиты общего пространства свободы, безопасности и правопорядка от многочисленных угроз и вызовов по причинам своей технической неготовности, не принадлежат к «Шенгенскому клубу». В финансовой сфере — это определенные требования к размеру годового дефицита национального бюджета государств-членов (не более 3% ВВП), национального долга (менее 60% ВВП), уровню инфляции и прочее. Когда государства-члены не удовлетворяют необходимым требованиям, они остаются в положении определенной «дискриминации». Но вполне объяснимые с точки зрения права Европейского союза «дискриминация» и фрагментация вызывают у «дискриминируемых» стойкое чувство обиды, неполноценности, отторжения от европейских завоеваний в сфере прав и свобод человека, равноправия государств-членов.

Главный вопрос нашего исследования заключается в следующем: что же ожидает европейскую идентичность? Будет ли достигнут серьезный прогресс в ее консолидации, либо она стагнирует или даже капитулирует под напором многочисленных проблем и утратит свое значение? Может быть, появятся новые ее компоненты? В более широком смысле вопрос заключается в выживаемости Европы как особой цивилизации, имеющей многовековую историю и признанные всем миром достижения. Поставленные вопросы являются научной головоломкой для многих политологов, социологов и других представителей общественных наук. Появились различные концепты будущего объединенной Европы, европейской идентичности. В частности, существует точка зрения, согласно которой европейская идентичность трансформируется путем включения в себя новых компонентов, прежде всего, антиамериканизма и антиисламизма. Так, известный западный интеллектуал Ю. Хабермас полагал, что солидарно объединившись, европейские страны могли бы и должны были противостоять Вашингтону» [11, с. 13]. В тоже время другие западные ученые считают подобные расчеты разрушительными, учитывая сильные позиции во многих европейских странах идеологии, политики и

практики евроатлантизма. Известно, что особую приверженность евроатлантизму проявляют «новички» Евросоюза — Польша, Румыния, Болгария и некоторые другие. Р. Даррендорф сделал следующее замечание по поводу перспективы антиамериканизма как компонента европейской идентичности: «...любая попытка определения Европы как некоей общности, противостоящей Америке, будет вести не к объединению Европы, а к ее расколу» [13].

Теперь что касается исламизации Европы. Похоже, что единая Европа сама загнала себя в политический тупик. Важнейшая причина тому - дефицит собственных трудовых ресурсов. Уже не первый год страны Европы испытывают огромные демографические трудности, связанные с низким уровнем рождаемости и быстрым старением населения (граждане в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения ЕС составляют уже более 20%). Так, по данным Евростата, прирост населения в 2010 году на 1 тыс. человек составил -2,7%, благодаря естественному приросту на 0,5 млн. (+1,0%), миграции на 0,9(+1,7 %). Восемь членов Евросоюза имеют отрицательные показатели естественного прироста населения. Эта тенденция особенно характерна для Латвии (в 2010 г. - -4,8%, в 2009г. -- 3,6%), Болгарии (в 2010 г. - -4,6%, в 2009г. --3,6%), Венгрии (в 2010 г. - -4,0%, в 2009г. --3,4%), Германии (в 2010 г. - -2,2%, в 2009г. --2,3%), Румынии (в 2010 г. - -2,2%) [173, с. 3]. Чтобы решить проблему трудовых ресурсов страны Евросоюза испробовали различные варианты, включая повышение пенсионного возраста и схемы привлечения пожилых людей к общественному труду, их переобучение, вплоть до создания университетов третьего поколения, в которых лица пенсионного возраста получают новое образование, так необходимое в эпоху информационно-коммуникационных технологий. Тем не менее, эти меры кардинально улучшить ситуацию на рынке труда не могут. Ставка делается на иммигрантов, преимущественно не европейского происхождения.

Но очевидная неспособность Евросоюза интегрировать огромные

массы иммигрантов, особенно мусульманского происхождения, ставит Сообщество перед трудноразрешимым вопросом: что же делать? Если Европа будет по-прежнему относиться к иммигрантам с политкорректностью, не сумеет ограничить иммиграцию, то континенту, по мнению многих политологов, уготована исламизация как альтернатива европейской идентичности. Если будут приняты сильные ограничительные меры в отношении не европейской иммиграции, Европа может столкнуться с катастрофической нехваткой трудовых ресурсов, что вызовет огромные трудности в политической и социально-экономической сфере.

Таким образом, перспективы консолидации европейской идентичности весьма расплывчаты, неоднозначны. Сегодня объективная реальность в этой сфере такова, что с уверенностью можно констатировать противоречивость процесса выработки общеевропейского сознания, дальнейшего развития пан-европейской психологии граждан Евросоюза. Проблему отягощают социально-экономические и финансовые трудности объединенной Европы, которые не добавляют ей привлекательности. Видимо, преодоление кризисных явлений и экономической стагнации в странах Евросоюза может оживить, реанимировать чувство европейской солидарности, придать новый импульс укреплению европейской идентичности.

Исследование проблемы данного раздела подводит нас к ряду важных выводов. Политический концепт европейской (наднациональной) идентичности, как проект, задуманный, прежде всего, политической элитой Евросоюза, а позже воспринятый достаточно широкими слоями граждан ЕС, является важнейшим фактором углубления процесса евроинтеграции, преодоления негативных исторических завалов в межнациональных отношениях государств-членов, укрепления союза народов, объединенных общими ценностями. Сама концепция европейской идентичности, союзные и страновые инструменты ее консолидации не вызывают серьезных возражений. Вместе с тем, политика ЕС в этой области сталкивается с

серьезными противоречиями и с факторами, отрицательно влияющих на консолидацию европейской идентичности.

Прежде всего, это образование во многих европейских странах иммигрантских общин, преимущественно не европейского происхождения. Попытки правительств принимающих стран решить проблему интеграции мигрантов с использованием различных политик и технологий, в том числе мультикультурализма и ассимиляции, не привели к желаемому результату. Основной формой идентичности мигрантов является национальная культурно-религиозная идентичность, которая артикулирует в ущерб европейской. Такая ситуация с учетом роста численности мигрантов, исламизации ряда европейских стран вносит элементы противоречивости и даже эрозии в процесс консолидации европейской идентичности. В этом же азимуте действуют стереотипы взаимного восприятия коренных народов Европы, порожденные длительной трагической судьбой разделенного континента, в частности, многочисленными конфликтами и особенно Первой и Второй мировыми войнами. Среди других факторов, препятствующих укреплению европейской идентичности и даже придающие ей попятный характер, следует назвать усиление языково-культурной и религиозной гетерогенности европейского общества в результате миграции и расширения ЕС, неравенство государств-членов по важнейшим показателям социально-экономического развития (объем ВВП, доход на душу населения и прочее), структурно-правовая фрагментация самого Евросоюза.

3.2. Интеграция в постсоветском формате: уроки Евросоюза.

Идея евразийской интеграции была впервые сформулирована президентом Казахстана Н. Назарбаевым еще в 1994 году. Лидер Казахстана представил проект создания Евразийского союза государств, предполагающего создание наднациональных органов, единого оборонного пространства, введения расчетной денежной единицы, принятие решений на принципе квалифицированного большинства и обязательность исполнения государствами принимаемых решений [174, с. 11]. В последующие годы выдвигались и другие проекты интеграции экономики бывших советских республик. Например, создание Союзного государства России и Беларуси, ГУ(У) АМ, Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве 1999 год и т.д. Но все эти проекты, как правило, остались на бумаге или были не успешными. По-видимому, застой в этой области был вызван одиозными социально-экономическими шагами реформаторов России (Гайдар, Чубайс и др.), которые не только не способствовали интеграционным процессам на территории СНГ, но, напротив, дискредитировали идею интеграции, восстановления экономических связей между бывшими республиками СССР, в том числе стремлением российских реформаторов избавиться от бремени «кормить» своих бывших сотоварищей по единому государству.

Свою роль, безусловно, сыграло стремление политической элиты постсоветских стран в максимальной степени воспользоваться плодами неожиданно обретенной свободы. Суверенитет молодых независимых государств формировался на основе политического дистанцирования от России из-за опасения, ее, как заявляли некоторые СМИ постсоветских республик, имперских амбиций. К тому же благодаря советам зарубежных (западных) консультантов постсоветские республики дистанцировались от России также в экономическом плане. Академик РАН Иванов справедливо отмечал, что в странах СНГ «разошлись пути реформ, элиты стремились

получить свои дивиденды от статуса независимых государств. Отход от советской автаркии и монополии внешней торговли манил испробовать рынки и контакты вне СНГ. На дезинтеграцию Содружества целенаправленно работали внешние силы и прикормленные ими местные «оранжисты» [33, с. 4].

Политика лидеров постсоветских государств базировалась на стойкой эйфории по поводу собственных возможностей в сфере политики, экономики, международной правосубъектности т.д. Гипертрофированное представление о собственном потенциале выражалось зачастую в утопических проектах быстрого социально-экономического роста в условиях формирующегося рынка, упрощенном видении существующего миропорядка, в необоснованных и утопических расчетах на бескорыстную помощь Запада и других стран. Вот что, например, писал об экономической стратегии среднеазиатских государств того времени западногерманский политолог И. Рейсснер: «Благодаря взаимосвязи географического положения, экономической неразвитости и экологической ситуации недостаточно определить внешнюю политику государств Центральной Азии как политику внешнеэкономической деятельности. Пожалуй, наиболее точно передает истинное положение вещей слово «политика выживания». Международная помощь, наряду с утверждениями о независимости являются вторым принципиальным моментом внешнеполитических усилий всех пяти государств региона» [175]. Прекрасно иллюстрирует расчеты среднеазиатских республик на международную помощь ремарка другого западногерманского политолога Д. Ритца: «...частью президентской стратегии стран региона по выживанию является сознание, что по отношению к России они являются наиболее надежными членами СНГ, к Пакистану и Ирану — мусульманами, к Турции — тюрками, к Европе — почти европейцами, вошедшими через заднюю дверь членства бывшего СССР в Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Европе» [176, с. 22]. Таким образом,

это была стратегия получения помощи откуда бы то ни было.

Что касается экономических преобразований, то практически все бывшие советские республики оказались в плену неолиберальных идей, что подталкивало их пренебрегать возможностями реинтеграции в рамках СНГ. Сторонники неолиберализма делали ставку на всемогущество рынка, его регулятивные возможности. Но за небольшим исключением, неолиберализм обернулся тяжелыми социально-экономическими потрясениями, невиданной прежде социальной и имущественной дифференциацией, падением производства, преступно проведенной приватизацией. В качестве примера сошлемся на провал для подавляющего большинства населения России так называемой ваучерной приватизации и политическое банкротство идеологии быстрого подъема экономики Кыргызстана, продвигаемой президентом А. Акаевым.

Свою лепту в происходящие процессы внес рост национализма в бывших республиках СССР, приведший к оттоку русскоязычного населения, снижению промышленного потенциала, замедлению темпов экономического развития.

Понадобилось время, чтобы политические лидеры ряда постсоветских государств осознали историческую неизбежность интеграции, в том числе в экономической сфере. Начало XXI века принесло крупные изменения в проекты объединения постсоветского пространства. За пределами СНГ постсоветским государствам так и не удалось найти емких и надежных рынков, способных заменить прежний рынок, то есть в формате СССР. Был исчерпан также потенциал самостоятельного хозяйствования, который к тому же был крайне незначительным. Поэтому в кризисные годы XXI века внимание руководителей ряда постсоветских государств вновь привлекли площадки СНГ и ЕврАзЭС. Логику взаимодействия стран СНГ в сфере экономике очертил министр иностранных дел С.В. Лавров: «...после кризисные модернизационные императивы, признаются они или нет, стоят ныне перед

всеми государствами и решить эту проблемы можно только совместно на базе солидарной ответственности за общее будущее наших народов» [177].

Наиболее перспективной с точки зрения экономических возможностей и политической целесообразности оказалось реинтеграция в формате Таможенного союза в составе Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь. Казахский экономист З. Чуланова справедливо отметила, что «Таможенный союз создан исходя из экономических процессов, возможностей и угроз, которые несет новое тысячелетие. Рассматривая его как фактор включения в мировое развитие, Казахстан, Россия и Беларусь четко представляют перспективность регионального взаимодействия и возможность в объединенном качестве стать крупнейшей экономикой мирового сообщества» [35, с. 44].

Не ставя задачу подробно осветить процесс оформления Таможенного союза, что на высоком профессиональном уровне уже проделали аналитики его стран-участниц, мы все-таки отметим некоторые принципиальные моменты. Таможенный союз по своему экономическому потенциалу (совокупный ВВП — 1,3 трлн. долларов) и численности своего населения (160 млн. человек) занимает пятое место в мире после НАФТА, Евросоюза, АСЕАН и МЕРКОСУР [33, с. 7]. Благодаря отмене таможенных границ между государствами-членами, в Таможенном союзе образовалась единая таможенная территория, общие интересы которой защищает Единый тариф по отношению к третьим странам и общий Таможенный кодекс. Создание единой таможенной территории решалось на основе Положения Межгосударственного совета от 9 июня 2009 года «Этапы и сроки формирования единой таможенной территории Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации». В целях реализации его требований проделана огромная работа, прежде всего, в сфере нормативно-правового регулирования. В целом уже принято более 40 международных договоров. Решены многие вопросы, в частности, механизмы регулирования торговли

с третьими странами, порядок взимания косвенных налогов во взаимной торговле, базовые технические, санитарные, ветеринарные и фитосанитарные нормы. Интенсивная работа стран-участниц над проектом Таможенного союза позволила с 1 января 2010 года на практике реализовать его идеи, в частности, было введено единое таможенно-тарифное регулирование торговли России, Казахстана и Беларуси с третьими странами, передав управление им Комиссии Таможенного союза [178]. В последующие месяцы был предпринят ряд мер по совершенствованию функционирования Таможенного союза. Например, 1 июля 2010 года начал действовать единый Таможенный кодекс, было отменено таможенное оформление товаров во взаимной торговле стран-участниц и товаров третьих стран на границах России с Казахстаном и Белоруссией [179]. В отношении с Казахстаном такая мера была введена 1 июня 2011 года. Таким образом, сегодня действует единая таможенная территория Таможенного союза, обеспечивающая свободное перемещение как товаров стран-участниц и продукции, импортируемой из третьих стран.

Важно отметить, что созданием Таможенного союза процесс региональной экономической интеграции на постсоветском пространстве не закончился. После образования Таможенного союза было анонсировано создание Единого экономического пространства и были приняты меры по его реализации. С 1 января 2012 года был введен в действие пакет соглашений, устанавливающих нормы регулирования общего рынка не только товаров, но и услуг, труда и капиталов. Одновременно было объявлено о формировании Евразийского экономического союза.

Создание Таможенного союза стимулировала интеграционные процессы на всем постсоветском пространстве. В частности, стремление присоединиться к Таможенному союзу выразил президент Кыргызской Республики А. Атамбаев, а в октябре 2011 года было, наконец, подписано многостороннее соглашение о создании зоны свободой торговли в СНГ (причем в дополнение к нему государства-члены ТС установили

отношения свободой торговли с Сербией и Черногорией). Перед историческим выбором встала Украина, намерения руководителей которой перейти в отношениям свободой торговли с Европейским союзом вошли в конфликт с объективной ориентацией ее экономики на тесной взаимодействии с экономиками стран Таможенного союза [180,с. 57]. Заинтересованность в интеграционных процессах проявляют также другие члены СНГ. Это подтверждается довольно высоким объемом взаимной торговли между ними в общем объеме их внешнеторгового оборота. Такой факт является тем более примечательным, несмотря на кризисные 2008-2009 годы.

Важнейшей политической задачей интеграционного процесса в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства является его институционализация, то есть создание органов управления, в том числе наднациональных [181]. Даже беглое ознакомление с элементами этой институциональной архитектуры сразу вызывает ассоциации с организацией управления в Евросоюзе, что уже неоднократно отмечалось аналитиками. «Институциональная структура, равно как содержание и базовые принципы функционирования Таможенного союза и Единого экономического пространства, - как справедливо отмечал Н.Кавешников, - сформировалась с учетом опыта Европейского союза» [8, с. 19]. Принципиальное значение при формировании органов управления Таможенного союза и ЕЭП придается принципу наднациональности, который сыграл выдающуюся роль в процессе евроинтеграции. В свое время вице-премьер правительства РФ И. И. Шувалов справедливо отмечал, что ранее «...одновременно с декларированием конечных целей Содружества, ставилась задача, в корне противоречащая этим целям, - сохранение суверенитета в полном объеме и отказ от формирования наднациональных органов» [182]. Глубокий перелом в психологии политического руководства интегрирующихся государств-членов в пользу

наднациональности позволил перейти от слов к реальной практике интеграции. Создать полноценное и нормально функционирующее интеграционное объединение на ином принципе невозможно. Наднациональность означает, что государства-члены добровольно делегируют часть своих суверенных прав наднациональным структурам, которые принимают решения на основе определенной процедуры голосования в общих интересах. С правовой и политической точек зрения это означает эрозию государственного суверенитета - процесс, который в условиях глобального мира является неизбежным. Государства на основе международных договоренностей и собственных односторонних политико-правовых акций уступают свои суверенные права в различных сферах, например, в сфере защиты окружающей среды, прав и свобод человека, регулирования внешнеторговой деятельности определенным международным структурам (в частности, ВТО, МВФ и т.д.), наделяя их, следовательно, определенной правосубъектностью и юрисдикцией.

Отсутствие наднациональных структур лишает интеграционный процесс административно-политического «мотора», инициатора и реализатора интеграционных проектов, интеграционного регулирования. Первым наднациональным органом интеграционного регулирования на постсоветском пространстве была Комиссия Таможенного союза, созданная 6 октября 2007 года [183, с. 19]. В декабре 2011 года государства-члены подписали документ о придании статуса наднационального правительства в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК), заменившей вышеназванную Комиссию [184].

Как высший орган исполнительной власти ЕЭК стал функционировать с 1 января 2012 года. ЕЭК осуществляет функции управления внешней торговлей и экономической политикой. В формате Таможенного союза и Единого экономического пространства под юрисдикцию ЕЭК переданы вопросы регулирования таможенно -

тарифной политики, зачисление и распределение по бюджетам стран-участниц ввозных пошлин, утверждение технических регламентов, санитарных и ветеринарных норм. В круг полномочий ЕЭК входят также вопросы транспорта, энергетики, промышленных и сельскохозяйственных субсидий, государственных закупок, трудовой миграции, валютной политики и финансовых рынков. Постепенно, путем добровольной передачи своих суверенных прав государствами-участницами, под юрисдикцию ЕЭК будут переданы другие «отраслевые» вопросы. Таким образом, усиление полномочий ЕЭК является политико-правовым процессом, вызванным интересами углубления интеграционных процессов. Совершенно очевидно, что динамика этого процесса будет зависеть от реальных успехов интеграции и политической воли руководителей стран-участниц.

Процесс формирования и развития наднационального уровня управления в формате Таможенного союза и Единого экономического пространства отражает, как нам представляется, серьезный сдвиг в эволюции взглядов политического руководства, бизнес-сообществ и широкой общественности стран-участниц в оценке необходимости и перспектив межгосударственной интеграции. Как свидетельствует мировой опыт, в частности, Европейского союза, политическая элита стран-участниц интеграционного объединения должна добиваться максимально возможной поддержки своего политического курса со стороны широкой общественности, постоянно лоббировать на политическом уровне интеграционные идеи.

Важным элементом институционализации интеграционных процессов в формате Таможенного союза и Единого экономического пространства является формирование публичной службы. Именно на него возлагаются основные функции по управлению интеграционными процессами, подготовке управленческих решений и контроля по их реализации. В этом плане представляются оправданными начальными шагами

по формированию публичной службы интеграционных объединений постсоветских государств. Прежде всего рассмотрим проблему высших должностных лиц. Они представлены в двух структурах ЕЭК — совете и коллегии. В первую входят по одному вице-премьеру от каждого правительства стран-участниц; во вторую - по три представителя от каждого государства-члена. К членам коллегии предъявляются следующие требования: наличие гражданства представляемой страны-участницы, стаж работы по профилю должностных обязанностей не менее 7 лет, включая работу в государственных органах стран-участниц (не менее 1 года). Члены коллегии будут работать в ЕЭК на постоянной основе с условием запрета на совмещение с другой работой. Принципиальным элементом правового статуса членов коллегии является, на наш взгляд, независимость при отправлении своих должностных обязанностей от государственных органов и должностных лиц страны своего гражданства. Таким образом, национальные правительства стран-участниц не вправе давать своим представителям в коллегии любые указания. Вне всякого сомнения, что такие соображения и политико-статусные нормы в отношении высших должностных лиц Таможенного союза навеяны теорией и практикой публичной службы Евросоюза, в котором создан даже специальный орган под подбору персонала для административного аппарата [185, с. 83]. Известно, например, что членам Еврокомиссии категорически запрещено получать какие-бы то ни было указания от своих национальных правительств [10, с. 280]. Даже после завершения своей карьеры в Еврокомиссии ее члены должны проявлять щепетильность в том, что касается их согласия занимать определенные должности или получать определенные выгоды.

Вполне определенные политико-правовые ассоциации с Еврокомиссией появляются при анализе структуры, функций и полномочий органов более низкого уровня управления в ЕЭК — так называемых департаментов, основная задача которых будет заключаться в подготовке

решений и контроле за их исполнением. Департаменты будут организованы по функциональному признаку.

Для руководителей и заместителей департаментов предусмотрены определенная процедура найма на работу и конкретные условия занятости (гражданство одной из стран-участниц, конкурсный отбор, срочный договор и т.д.). Эта категория должностных лиц Таможенного союза является по своему правовому статусу международными чиновниками (аналог еврочиновников Евросоюза). Каждый из них будет отвечать за конкретную сферу деятельности интеграционного объединения, например, за промышленность, сельское хозяйство, энергетику, финансы и прочее. Рядовые служащие департаментов также будут приниматься на конкурсной основе.

Важная деталь политико-правового статуса ЕЭК — ее международно-правовая субъектность. Она проявляется, в частности, в праве ЕЭК создавать собственные представительства в странах-участницах Таможенного союза, в третьих странах и международных организациях, а также подписании международных договоров. Правда, эти действия ЕЭК должен санкционировать.

Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС), который будет в 2012 году выполнять функции Межгосударственного Совета (Высшего органа Таможенного союза).

Невозможно оспорить тезис, что в процессе евразийской интеграции предстоит решить еще много вопросов институционального, организационного, финансового и правового характера. В этом плане, как уже подчеркивалось выше, заслуживает самого серьезного внимания изучение опыта Европейского союза, о чем неоднократно говорили президенты Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь. Вопросов, требующих изучения, очень много. Углубление интеграции на территории Евразии внесет в политическую повестку новые, еще не охваченные проблемы, направления и политики. Для

сравнения: даже простой перечень базовых политик Евросоюза показывает, что он охватывает практически все сферы жизнедеятельности его государств-членов, начиная с сферы экономики, промышленности, сельского хозяйства, культуры, образования, конкуренции, предпринимательства и заканчивая туризмом, спортом и космосом. Поэтому логично предположить, что евразийской интеграции предстоит также включать новые сферы жизнедеятельности своих государств-членов, переходить от низших форм интеграции к высшим.

Интеграционный процесс, как свидетельствует опыт Евросоюза, неизбежно выдвигает в политическую повестку государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства проблему формирования и консолидации наднациональной идентичности. Это неизбежный шаг, продиктованный интересами углубления региональной интеграции. Исходя из позитивного и негативного опыта Евросоюза, этот шаг следует расценивать в качестве важнейшего политического приоритета, способного консолидировать население интегрирующихся государств. Не следует забывать, что фундаментальная цель региональной экономической интеграции лежит не только в экономической плоскости, но в политической сфере, включая укрепление взаимодоверия между народами и государствами, налаживание добрососедских отношений, обеспечение внешней безопасности. Поэтому проблема формирования наднациональной идентичности в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве представляется одной из кардинальных и долговременных задач интегрирующихся государств.

В известном смысле, в этом направлении уже действуют институциональная архитектура (наднациональные и межправительственные органы управления) и формирующееся наднациональное право Таможенного союза и Единого экономического пространства. Проводниками наднациональной идентичности, как показывает опыт Евросоюза, в первую очередь должна стать бюрократия

Таможенного союза, которая в силу своего правового статуса обязана преследовать общие, союзные интересы и отвергать любое вмешательство своих национальных правительств в служебную деятельность. Эта бюрократия обязательно все больше будет связывать свою служебную карьеру, свои интересы и жизненные планы с функционированием постсоветских интеграционных объединений. Она будет оказывать всемерную поддержку различным инициативам и проектам, направленным на углубление интеграции. Ей предстоит также совершенствовать и оптимизировать механизмы принятия решений на союзном уровне и осуществлять постоянный мониторинг их реализации.

Нам представляется, что усложнение институциональной структуры постсоветской интеграции за счет новых институтов и органов, например, наднационального парламента, наднационального суда и т.д. также сыграет свою позитивную роль. Например, союзный парламент в формате Таможенного союза и Единого экономического пространства, особенно если при его учреждении будет использован опыт Евросоюза, не только усилит элемент демократии при принятии решений союзными органами управления, но сможет консолидировать политические силы государств-членов, выступающие за углубление интеграционного процесса и формирование наднациональной идентичности. Еще одно преимущество учреждения наднационального парламента состоит в том, что благодаря ему будет формироваться союзное политическое поле, на котором будут действовать на основе собственных политических программ и платформ различные политические партии, которые смогут создать в парламенте политические фракции.

Известно, что в соответствии с формирующимся наднациональным правом, часть его служащих (в административно-политическом аппарате) именуется международными чиновниками - дефиниция, по нашему мнению, расплывчатая, лишенная интеграционной специфики. В Евросоюзе, например, введены официальные понятия - «брюссельская

бюрократия», «евробюрократия», «еврочиновники», «публичная служба Евросоюза». Их использование конструирует вполне конкретный и положительный ассоциативный ряд (во всяком случае в докризисные годы): «Европа — интеграция — публичные служащие Евросоюза». Поэтому изменение дефиниции «международный чиновник» на более приемлемую, возможно, имело бы определенный позитивный эффект и отчасти бы способствовало формированию наднациональной идентичности.

Способствовать формированию наднациональной идентичности в формате постсоветской интеграции должна также часть бюрократии государств-членов. Это тоже один из уроков процесса европейской интеграции. Определенные группы национальной бюрократии участвуют в координации политик на национальном и интеграционном уровнях. В частности, чиновники государств-членов играют важную роль в качестве экспертов и консультантов при разработке и реализации различных законопроектов и обязаны постоянно поддерживать связь, сотрудничать со своими коллегами из других государств-членов. Например, в первом квартале 2011 года министерство транспорта РФ разработало технический регламент «Безопасность автомобильных дорог», которому предстояло действовать на территории стран Таможенного союза с конца 2011 года. Технический регламент прошел публичные слушания и учел замечания от дорожных служб трех стран. Согласно хронике региональной интеграции, специалистами стран Таможенного союза в первом квартале 2011 года был разработан проект соглашения об ограничительных мерах экономического характера во взаимной торговле в ТС; был завершён пересмотр специальных защитных и антидемпинговых мер в государствах ТС; прошло заседание экспертной группы по доработке проектов соглашения о некоторых вопросах перемещения товаров по линиям электропередачи и трубопроводным транспортом через таможенную границу Таможенного союза и протокола о внесении дополнений в договор о Таможенном

кодексе от 27 ноября 2009 года [186, с. 97-126]. Многочисленные заседания рабочих и экспертных групп из стран Таможенного союза и Единого экономического пространства выковывают психологию и умонастроение единомышленников. Поэтому со временем сформируется влиятельный слой национальной бюрократии, поддерживающей интеграционную политику, ее стратегию и тактику.

Консолидация наднациональной идентичности в странах Таможенного союза и Единого экономического пространства не означает девальвации, уничтожения национальной идентичности граждан государств-членов. Здесь не должно быть никаких спекуляций. Тем более, что в последние 25 лет во всех бывших республиках СССР наблюдается мощная динамика подъема национального самосознания, значительно укрепившего позиции национальных языков (придание им статуса государственного языка), национальных культур, традиций, обрядов, знаний и стимулировавших национально-государственное строительство. Такая ситуация выражает одну из важнейших тенденций мировой политики, что находит свое подтверждение в десятках стран мира, в том числе развитых. Поэтому игнорировать данное явление — значит совершать серьезную политическую ошибку. Политически правильнее поставить рост национального самосознания на службу роста экономики, развития всей страны в целом.

Существенным фактором подъема и укрепления национальной идентичности в постсоветских республиках стала бурная практика национально-государственного строительства. «Нет оснований предполагать, - отмечал О. Буховец, - что в наступившем XXI веке иссякнет мощный импульс к построению наций-государств. Этнополитические процессы, наблюдавшиеся сегодня как в «старой», так и в «новой» Европе и Евразии, не оставляют сомнений, что «топлива» в националистическом «реакторе» хватит еще не на одно десятилетие нового тысячелетия» [14, с. 33]. Национально - государственное строительство в

постсоветских республиках, в том числе в Кыргызстане, было направлено на обеспечение жизнедеятельности общества, проведение кардинальных реформ в области экономики (рыночные преобразования), политической системы и прочее. Это была трудная работа, проводившаяся часто методом проб и ошибок. Часть органов государственной власти и управления независимых республик были созданы путем преобразования из структур, существующих еще в советский период, что облегчало задачу государственного строительства. Другие органы управления пришлось создавать впервые.

Один из важнейших аспектов постсоветского национально-государственного строительства - значительное изменение национального состава государственной службы в пользу представителей коренных народов. Наряду с отрицательными сторонами этого процесса (например, проявления национального и родоплеменного нарциссизма), можно отметить и положительную его сторону. Например, привлечение молодых кадров, получивших хорошую специальную подготовку в зарубежных престижных образовательных учреждениях. Понимание доступности навыков государственного управления в новых, рыночных условиях благоприятно сказывается на национальном самосознании национальных кадров, их национальной идентичности. Конечно, нельзя допустить чтобы нормальное чувство удовлетворенностью новыми возможностями самореализации на государственной службе переросло в национальное зазнайство, пренебрежение к кадрам национальных меньшинств.

Достижения в национально-государственном строительстве придали национальной идентичности новое измерение — политическое, ограниченное национальной территорией. Таким образом, в некоторых постсоветских республиках была достигнута максимально возможная в современных условиях политическая формула государства-нации: язык — территория — культура. Но такие государства, как Россия, Казахстан и Кыргызстан в строгом смысле слова нельзя характеризовать как

государства-нации в классическом понимании: население данных государств является многонациональным, полиэтническим, а их культура гетерогенной. В этих условиях важнейшей задачей государств является установление и поддержание межнационального мира и согласия, реализация многообразных интересов национальных меньшинств, в том числе в области их национальной идентичности. Не менее важная задача заключается в том, чтобы не допустить конфликта идентичностей - национальной и политической. Последняя состоит в укреплении связей между представителями национальных меньшинств и страной гражданства, что предполагает наделение их полными правами гражданства, защиту их прав и свобод, полную интеграцию в политическую, социально-экономическую и культурную жизнь принимающей страны. Отечественный исследователь И. Эшимбекова убеждена, что «...формирование национальной идеи невозможно без формирования интернациональных принципов, объединенных не по этническим принципам, а по принципам территориальной принадлежности» [187, с. 47]. Другая сторона проблемы — лояльность представителей национальных меньшинств к стране гражданства, выполнение обязанностей гражданина, защита ее интересов.

Учитывая то обстоятельство, что в развитии национальной идентичности бывших советских республик, в том числе государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства достигнут некий предел, а также интенсивный процесс интеграции, можно ставить вопрос о развитии наднациональной идентичности и ее корреляции с национальной идентичностью.

Наднациональная идентичность должна сочетаться с национальной идентичностью по уже известной в Евросоюзе формуле «единое — в многообразии» [8, с. 47]. Наднациональная идентичность должна включать в себя общие для всех интегрирующихся народов мировоззренческие, политические, социально-экономические, культурно-образовательные,

поведенческие и ментальные ценности [188, с. 120]. Период независимости привнес в жизнь постсоветских народов новые ценности и новые нормы поведения, в том числе политического. Например, быстрое формирование в условиях политической конкуренции политической культуры населения, что часто приводит к ее искажению, деформации.

Актуальная задача формирования наднациональной (постсоветской) идентичности может решаться в более легком варианте по сравнению с Европейским союзом. Во-первых, постсоветское пространство, на котором идет процесс интеграции (Россия, Казахстан, Беларусь, Кыргызстан) более гомогенно в образовательном, культурно-языковом и религиозном отношении нежели Евросоюз. Этот уровень гомогенности нарабатывался в течение длительного времени. Особое значение имел советский период истории, когда была сформирована советская идентичность, сложилась советская цивилизация, отличающаяся высокой степенью консолидации принадлежащей к ней нациям и народностей СССР. Советская идентичность по своему характеру была наднациональной и обладала важными политическими, социальными, культурными, образовательными, ментальными, психологическими и иными атрибутами. Например, общая территория страны, союзное гражданство, свобода передвижения и выбора места жительства (при известных ограничениях), единая идеология, наличие языка межнационального общения, образ жизни, коллективизм, культ труда и его моральных стимулов. Особенно яркой чертой наднациональности были советская многонациональная культура и народное образование. В частности, в сфере образования применялись союзные стандарты, единым был набор изучаемых предметов в школах, профтехучилищах и в ВУЗах. Советская идентичность в какой-то мере даже доминировала над национальной идентичностью, поскольку выражала общие интересы народов и наций страны.

Несмотря на расхождения в образовательной политике бывших советских республик в последние двадцать лет, в них все же сохраняется

определенный уровень унификации образования, что можно использовать в целях развития наднациональной идентичности в рамках постсоветской интеграции. В интересах ее углубления государствам-членам придется сделать серьезные шаги по реинтеграции единого образовательного и культурного пространства, ввести, в частности, взаимное автоматическое признание дипломов, квалификации, образовательных сертификатов и т.д., что сегодня требует проведения длительных административных процедур (например, нострификация дипломов и т.д.). Такой шаг намного бы повысил географическую и профессиональную мобильность граждан стран-участниц Таможенного союза и создал здоровую конкуренцию на региональных рынках труда. Эту задачу тем легче решить, что государства-члены Единого экономического пространства обладают достаточно развитым человеческим капиталом. Согласно Программе развития ООН, рассчитывающей индекс человеческого развития, в 2009 году в иерархической таблице среди 182 государств мира Беларусь, Россия и Казахстан занимали соответственно 68-ю, 71-ю и 82-ю позиции. Кадровый потенциал стран-участниц активен в сфере восприятия прогрессивных начинаний, введения перспективных инноваций и модернизации даже в после кризисный период [35, с. 44].

По сравнению с Евросоюзом, в странах-участницах Таможенного союза проще ситуация в сфере религии. Основными религиозными конфессиями в странах Таможенного союза являются православие и ислам, которые накопили большой потенциал взаимного уважения, решения воспитательных и иных задач духовного значения. Конечно, в сфере религии, в том числе в Кыргызстане, есть серьезные проблемы, включая противодействие деятельности деструктивных сект, религиозному фанатизму и экстремизму.

Особую роль в качестве интегратора населения республик, формирования наднациональной идентичности может и должен выполнять русский язык. Известный нигилизм по отношению к нему постепенно

уступает место здравому смыслу и потребностям экономического оборота в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Этому способствует, в частности, реализация российской федеральной программы «Русский язык», адаптируемой к условиям национальных республик. Русский язык становится неременным условием трудовой миграции в формате Таможенного союза и Единого экономического пространства. Российская политика «облагораживания» трудовой миграции, основной поток которой ориентируется на многие сектора экономики страны, предъявляет к трудовым мигрантам сносное владение русским языком. И мигранты начинают понимать необходимость такого шага. Так, например, Федеральная миграционная служба РФ совместно с Фондом «Русский мир» в Кыргызстане, в профессиональном лицее #12 в городе Оше и в Таджикистане (г. Душанбе — ПТУ 66) осуществляла в период с сентября 2011 года по март 2012 года пилотные проекты по обучению потенциальных трудовых мигрантов русскому языку. В проекте принимали участие 100 граждан Кыргызстана и 100 граждан Таджикистана [189].

Рост притягательности России как страны, принимающей мигрантов возрастает. Такая ситуация соответствует устойчивой тенденции трудовой миграции населения из стран СНГ в РФ, сформировавшейся в 2000-е годы. «Сохранение безвизового режима со странами СНГ, сравнительная легкость пересечения границ, простота трудоустройства, взаимное признание дипломов об образовании, ментальная и языковая общность способствовали еще большему развитию этого процесса» [34, с. 37]. Основным фактором формирования миграционных потоков выступает разница в средне-душевых доходах населения и заработной плате по отдельным странам СНГ. Так, в 2008 году разница в уровне заработной платы в России и Таджикистане составляла 11 раз, а в России и Кыргызстане — 5 раз.

В последние месяцы российские законодатели приняли ряд законов, существенно улучшающие статус и положение трудовых мигрантов из

постсоветских государств. Например, время работы трудовых мигрантов в России будет засчитываться в общий трудовой стаж, в российские работодатели будут обязаны делать отчисления в пенсионный фонд, что в последующем скажется на размере трудовой пенсии мигрантов. Такая миграционная политика РФ усиливает интегрирующую роль русского языка. Поэтому необходимы меры по укреплению общего языкового пространства, что можно сделать с гораздо меньшими издержками политического, материального и психологического свойства по сравнению с Евросоюзом.

Уместно заметить, что на России лежит особая миссия: она должна играть роль «локомотива» на интеграционном пространстве. «Не отказываясь от апелляции в целом ряде случаев к общим традициям, общему историческому опыту, наработанному на протяжении десятилетий и даже столетий совместной жизни в рамках единого государства и остающимся важным ресурсом российской политики, необходимо позиционировать Россию как динамично развивающееся государство, способное предоставить своим партнерам те же «услуги» (финансовые, информационные, образовательные), что и конкурирующие с ней за влияние на постсоветском пространстве державы» [190, с. 128]. В правоте этих слов российского политолога С. Беспалова сомнений нет никаких.

Несмотря на тяжелые для науки, культуры и образования постсоветских государств 90-е гг., не утрачены многие общие культурные традиции. Например, переводы литературных произведений народов Таможенного союза. Есть подвижки в организации культурных мероприятий, фестивалей, спортивных состязаний и прочее. Эти обстоятельства нельзя недооценивать, хотя уровень культурного взаимодействия, культурного обмена в постсоветский период снизился. В свое время главный архитектор европейской интеграции Ж. Монне говорил, что ее надо было начинать с культурной сферы [10, с. 135]. Государствам-членам следовало бы запустить несколько серьезных

проектов, формирующих общее культурное пространство и содействующих углубленному ознакомлению с национальными культурами их народов. Это могут быть театральные гастроли, учреждение общих премий в области музыки, изобразительного искусства, переводческой деятельности, литературы и прочее. Символическим в этом смысле, по нашему мнению, является открытие памятника Манасу в г. Москве.

Сегодня многие граждане постсоветских государств, памятуя об общей истории и едином государстве - СССР, испытывают чувство «фантомной боли».

Отношения между народами Таможенного союза не столь отягощены тяжелыми историческими воспоминаниями. Конечно, в истории народов есть также трагические страницы, в том числе связанные с дореволюционной и советской историей. Но, как правило, государства и широкая общественность не пытаются драматические и трагические события прошлого сделать доминантой межнациональных отношений. Напротив, на политическом уровне постоянно подчеркиваются успехи и достижения советского периода. Особое значение придается выдающейся победе народов бывшего СССР над фашистской Германией. Ежегодно в странах-участницах День 9 мая, являющийся государственным праздником, отмечается очень широко. Общей гордостью является полет Юрия Гагарина: ведь во Фрунзе размещалось конструкторское бюро Института космических исследований [191, с. 14]. Существуют и другие праздники, отражающие общую историю, например, различные профессиональные праздники (День чекистов, День пограничников, День Военно-Морского флота, День милиции и т.д.)

Процесс постсоветской интеграции, как неоднократно отмечалось в политологической и экономической литературе, будет длительным и пройдет несколько этапов, на каждом из которых будут решаться вполне конкретные задачи. Поэтому с полным основанием можно предположить, что на каком-то этапе придется решать проблему политической

консолидации интегрирующихся государств. В неизбежности такой тенденции убеждает опыт Евросоюза: начав с экономической и производственной интеграции в сравнительно узкой сфере сотрудничества (создание общего рынка угля и стали для шести европейских государств), позже государства-члены приступили к развитию и последующей институционализации политического сотрудничества. Убеждены, что на определенном этапе постсоветской интеграции будет предложен политический проект союзного гражданства в качестве дополнительного к национальному гражданству. Такой шаг мог бы, по крайней мере юридически, завершить оформление основных параметров наднациональной идентичности государств-членов.

Из основного содержания данного раздела диссертации можно сделать ряд выводов. Процесс региональной экономической интеграции в постсоветском мире в формате Таможенного союза и Единого экономического пространства является производным от нескольких факторов: невозможности поступательного развития стран СНГ с преимущественной опорой на собственные силы и имеющийся национальный экономический потенциал, преимуществ объединения их экономического сектора, особенно в период кризиса, существования объективных предпосылок сотрудничества, коренящихся в историческом прошлом. Базовыми площадками процесса интеграции являются ЕврАзЭС и СНГ. Сегодня уже достигнут определенный прогресс в реализации интеграционных проектов, в частности, функционирует единое таможенное пространство Беларуси, Казахстана и России, базирующееся на достаточно развитой нормативно-правовой базы, проведена институционализация управления, в том числе создание наднационального органа в лице Евразийской экономической комиссии. Анализ нормативно-правовой базы и системы органов управления Таможенного союза и Единого экономического пространства свидетельствует об использовании опыта евроинтеграции.

Приоритетная и долговременная задача интегрирующихся постсоветских стран — формирование наднациональной идентичности. Опыт ЕС показал, что она является существенным условием успеха интеграции, усиления сотрудничества стран-участниц, налаживания доверительных отношений между народами. Доказано, что формирование наднациональной идентичности стран-участниц Таможенного союза и Единого экономического пространства имеет значительный потенциал (общее историческое прошлое, наличие языка межнационального общения, большая гомогенность по сравнению с Евросоюзом культурного пространства и т.д.). Одновременно подчеркивается, что процессу формирования наднациональной идентичности следует придать активный и целенаправленный характер, осуществлять в рамках государственной политики стран-участниц и заинтересованной позиции органов управления интеграционных объединений. Странам Таможенного союза и Единого экономического пространства нельзя также недооценивать негативный опыт Евросоюза в сфере формирования общеевропейской идентичности, заключающийся в попытках привить ее народам Европы «сверху» при помощи бюрократических технологий, но при явном дефиците усилий гражданского общества.

Заключение

Проведенное нами политико-правовое исследование проблемы наднациональной (общеевропейской) идентичности и использования опыта ЕС в процессе региональной экономической интеграции в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства позволило сделать следующие выводы:

1. Исследование проблемы самоидентификации индивидов и общественных групп в современном мире подтверждает наличие множественности идентичностей. Доказано, что в зависимости от конкретной ситуации ее субъекты отдают предпочтение доминирующей ее форме. Государства заинтересованы, прежде всего, в укреплении гражданской идентичности. Наиболее легко эта задача решается в государствах-нациях, где этнокультурная идентичность совпадает с политической. В полиэтнических государствах сплочение граждан сталкивается с большими трудностями. Программы интеграции мигрантов, как правило, не приводят к желаемому результату. Во многих случаях возникает конфликт идентичностей.

Процессы региональной экономической интеграции стимулируют конструирование нового типа идентичности — наднациональной. Как показывает, в частности, опыт ЕС, она тесно коррелирует с интеграционными задачами.

2. Базовыми элементами европейской идентичности являются европейская культура, христианское мировоззрение, приверженность демократическим ценностям, политический плюрализм, правовое государство, уважение прав и свобод человека, самоценность человеческой личности. Кроме этого в процессе евростроительства возникают новые элементы европейской идентичности, изменилась ее структура и иерархия. Наиболее очевидным примером является институционализация денежной единицы Евросоюза - евро в качестве базового элемента европейской

идентичности, имеющая объективную историческую обусловленность в современных условиях.

3. Фактором формирования и консолидации европейской идентичности выступает, прежде всего, система наднациональных институтов ЕС, деятельность которых направлена на решение союзных задач во всех сферах общественной жизни Сообществ. В процесс «европеизации» втянута также часть политической элиты государств-членов. В целях привития населению стран Евросоюза чувства «европеизма», Сообщество использует различные механизмы, в том числе культурно-образовательные программы и проекты. Определенную консолидирующую роль в контексте европейской идентичности выполняют символы Евросоюза - флаг и евро.

4. Институт европейского гражданства выполняет консолидирующую роль в «европеизации» народов ЕС. Европейское гражданство, несмотря на дополнительный характер по отношению к национальному гражданству, «цементирует» европейскую идентичность. Доказано, что дальнейшее развитие комплекса прав граждан ЕС связано с Хартией Европейского союза об основных правах 2000 года. Политико-правовое значение этого документа возрастает в связи с новеллой Лиссабонского договора 2007 года, признавшей Хартию обязательным источником права, обладающим равной силой с учредительными документами «нового» Евросоюза (Договором о Европейском союзе 1992г. в редакции Лиссабонского договора 2007 г. и Договором о функционировании Европейского союза в редакции Лиссабонского договора).

5. Политический концепт наднациональной идентичности является важным условием процесса евроинтеграции. Теория европейской идентичности, союзные и страновые инструменты ее консолидации не вызывают серьезных возражений. Но союзная политика в этой области сталкивается с серьезными противоречиями, размывающих европейскую идентичность.

В первую очередь, это образование во многих европейских странах иммигрантских общин, преимущественно не европейского происхождения. Попытки правительств принимающих стран интегрировать мигрантов с использованием различных политик и технологий, в том числе мультикультурализма и ассимиляции, потерпели неудачу. Отрицательно влияют негативные стереотипы взаимного восприятия коренных народов Европы. Среди других факторов, препятствующих укреплению европейской идентичности и даже придающие ей попятный характер, следует назвать усиление языково-культурной и религиозной гетерогенности европейского общества в результате миграции и расширения ЕС, неравенство государств-членов по важнейшим показателям социально-экономического развития, структурно-правовая фрагментация самого Евросоюза.

6. Процесс региональной экономической интеграции в формате ТС и ЕЭП является производным от нескольких факторов: невозможности поступательного развития государств-членов с преимущественной опорой на национальный экономический потенциал; преимуществ объединения их экономического сектора; существования объективных предпосылок сотрудничества. Анализ нормативно-правовой базы и институциональной архитектуры ТС и ЕЭП свидетельствует об использовании опыта евроинтеграции.

Приоритетная и долговременная задача интегрирующихся постсоветских стран — формирование наднациональной идентичности. Опыт ЕС показал, что этот процесс является существенным фактором успеха интеграции, усиления сотрудничества стран-участниц. Доказано, что формирование наднациональной идентичности стран-участниц ТС и ЕЭП имеет значительный потенциал. Одновременно подчеркивается, что процессу формирования наднациональной идентичности следует придать проактивный и целенаправленный характер. Нельзя также недооценивать негативный опыт ЕС по формированию европейской идентичности,

закрывающийся в попытках привить ее народам и этносам Европы «сверху» при помощи бюрократических технологий и усилий, но при явном дефиците усилий гражданского общества.

Библиография

1. Mitrany D. The Prospect of Integration: federal or Functional//Journal of Common Market Studies. - 1965. V. 4.
2. Haas E. The Uniting of Europe: Political, Economic and Social Forces, 1950-1957. Stanford, 1958.
3. Etzioni A. Political Unification. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. 1965.
4. Буторина О. Экономический и валютный союз — новая ступень интеграции//Европейский союз на пороге XXI века/ Под ред. Ю.А. Борко и О.В. Буториной. М., УРСС, 2000.
5. Либерман А.М., Хейфиц Б.А. Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция/Евразийская экономическая интеграция, #2 (11), май 2011.
6. Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. М., 2003.
7. Bradley K. Better rusty than mission? Institutional reform of the Maastricht Treaty and the European parliament//Legal issues of the Maastricht Treaty. L., 1994.
8. Wessels W., Maurer A., Mittag J. Fifteen into One? The European Union and its Member States. Manchester University Press. 2003.
9. Кавешников Н.Ю. Трансформация институциональной структуры Европейского союза. М., Навона, 2010.
10. Право Европейского союза. Под ред. С.Ю. Кашкина. М., 2003.
11. Habermas J. Ach, Europa. Frankfurt am Maine. 2008;
12. Hix S. The Political System of the European Union. Second Edition. Palgrave MacMillan, N.Y. 2005.
13. Dahrendorf R., Anti-Americanism and Europe's Identity. Daily Times, 13.10 2003.

14. Буховец О. Эра национализма и особенности образования наций в Европе (первая часть)/Современная Европа, #4, октябрь-декабрь 2008.
15. Крестинина Е.С. Образ «другого» в структуре современной идентичности российского общества/Полис. Политические исследования. #4 (124) 2011.
16. Марков Б.В. Бездомность человека в эпоху глобализации/Studiaculturale: Альманах кафедры философии и культурологии. Вып. 6 — Спб., 2004.
17. Фадеева Л. А. Проблема идентичности в сравнительной политологии/Полис. Политические исследования. #1 (121) 2011.
18. Флиер Ф.Я. Культурология для культурологов. М., 2000.
19. Артыкбаев М.Т. Институционализация политических систем суверенных государств Центральной Азии[Текст]:дис...д-ра полит. наук:23.00.02. –Б, 2006.-247 с.
20. Сааданбеков Ж.С. Политическая трансформация посттоталитарных обществ содружества независимых государств: антиномия авторитаризма и демократизма [Текст]: дис...д-ра полит.наук:23.00.02. –Алматы, 2002.-315 с.
21. Жоробеков Ж.Ж. Этнографические процессы и вопросы этнополитики Кыргызской Республики [Текст]: дис...д-ра полит.наук:23.00.02. –Алматы,1998.-293 с.
22. Шеримкулов М.Ш. Становление и развитие парламентаризма в Кыргызстане[Текст]: дис...д-ра полит. наук:23.00.02. –Алматы,1999.-287 с.
23. Акунов А. Развитие системы государственного управления Кыргызстана: организационно-функциональный анализ: [Текст]: дис...д-ра ист. наук:0700.02., 23.00.02. –Б,2000.-237 с.
24. Дононбаев А. Институциональный анализ политической культуры человека (советский и постсоветский опыт Кыргызстана) [Текст]: дис...д-ра полит.наук:23.00.02. –Б,1998.-289 с.

25. Борко Ю.А. От европейской идеи — к единой Европе. М., Деловая литература, 2003.
26. Водопьянова Е. В. Культурная политика Европейского союза и вызовы времени/Современная Европа, #4, октябрь-декабрь 2008.
27. Апезова Д. Образовательная политика Евросоюза: достижения и проблемы. Бишкек, 2006.
28. Омурбекова А. Культурная политика Евросоюза. Бишкек, 2008.
29. Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное/Полис. - М., 2009. #4.
30. Семененко И. С. Реальность и миражи европейской идентичности. - Внутривнутриполитические трансформации в западных странах: реальность и перспективы. М., 2007.
31. Смирнова У.С. Европейское гражданство — множественное и единое. М., 2001.
32. Closa C. Citizenship of the Union and nationality of member states//Legal issues of the Maastricht Treaty. L., 1994.
33. Risse Th. Nationalism and collective Identities: Europa versus the Nation-State? Munchen, 2000.
34. Sassatelli M. Imagined Europe/ The Shaping of a European Cultural Identity through EU Cultural Policy. European Journal of Social Theory. 2002, 5(4).
35. Кавешников Н.Ю. Развитие институциональной структуры Евразийского экономического пространства/Евразийская экономическая интеграция, #2(11), май 2011.
36. Иванов И.Д. Реальный шаг постсоветской хозяйственной интеграции/Мировая экономика и международные отношения. #9, сентябрь 2010.
37. Головин М.Ю., Якушев А.Е. Региональные эффекты мирового экономического кризиса на пространстве СНГ: канал денежных переводов

мигрантов/ Евразийская экономическая интеграция, #2 (11), май 2011.

38. Чуланова З.К. Конкурентоспособность человеческого капитала в условиях Таможенного союза/Евразийская экономическая интеграция. #1 (10), февраль 2011.

39. Консолидированная версия Договора о Европейском союзе и Договора, учреждающего Европейское Сообщество. Исправленных и дополненных в соответствии с Единым Европейским актом, Маастрихтским договором, Амстердамским договором и некоторыми другими актами. Ассоциация Европейских исследований. М., Интердиалект 200.

40. Bulletin of the European Communities, Supplement 2/86. Single European Act, Commission of the European Communities.

41. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union and the Chapter of Fundamental Rights of the European Union. 6655/2/08. REV 2 Council of the EU. Brussels, 28 May 2010. <http://w.w.w. Cosilium. Europa.eu/uedocs/cmsUpload/st06655-re02.en08.doc>.

42. Хартия Европейского союза об основных правах 2000 г. М., 2005.

43. Communication from Commission. Making citizenship Work: fostering European culture and diversity through programmes for Youth, Culture, Audiovisual and Civic Participation. Brussels, 9.3.2004. COM(2004) 154 final and others.

44. Regulation (EU) No 211/2011 of the European Parliament and of the Council of February 2011 on the citizens' initiative. 11.3.2011. Official Journal of the European Union L 65/1 and others.

45. Council Regulation (EEC) # 3911/92 of 9 December 1992 on the Export of Cultural Goods. OJ L 395. 31/12/1992.

46. Council Directive 93/7/EEC of 15 March 1993 on the return of cultural objects unlawfully removed from the territory of a Member State [Official

Journal L 74 of 27.03.1993].Amended by: Council Directive 2001/38/EC2001 of 5 June 2001 OJL 187 of 10.07.2001].Directive 96/100/EC of the European Parliament and of the Council of 17 February 1997 amending the Annex to Directive93/7/EEC on the return of cultural objects unlawfully removed from the territory of a Member State OJ L 60 of 01.03.1997.

47. Annual Report on the European Ombudsman's activities in 2010. europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=Report.reference=A7-2011-02858format=XMLlanguage=E

48. Special Eurobarometer 337.Geographical and Labour Mobility Report. Fieldwork: November-December 2009. Publication: June 2010; Special Eurobarometer 346 New Europeans. Report. Field March-April 2011. Publication: April 2012. Conducted by TNS Opinion & Social on Request of Directorate General for Employment, Social Affairs and Equal Opportunities Survey C0-ordinated by Directorate General for Communication (Research and Speech writing Unit). TNS Opinion & Social & Avenue Hermann Debroux, 40 1160 Bruxelles, Belgique.

49. European Court of Auditors the Efficiency and Effectiveness of the Personnel Selection Activities carried out by the European Personnel Selection Office. (pursuant to article 248(4), second subparagraph, cE). Special Report #9, 2009.

50. Court of Justice of the European Union. Annual report 2010.Synopsis of the work of the Court of Justice, the General Court and the Civil Service Tribunal. Luxemburg 2011. [w.w.w. curia.europa.eu](http://www.curia.europa.eu)

51. ECORYS. Study on Maximising the Potential of Mobility in Building European Identity and Promoting Civic Participation. FinalReport, July 2011 andother.

52. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года (с изм. от 25.01. 2006 г. и от 06. 10. 2007 г.).

53. Договор о Комиссии Таможенного союза от 6 октября 2007 года.

54. Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 года.
55. Соглашение о Секретариате Комиссии Таможенного союза от 12 декабря 2008 года.
56. Договор о Таможенном Кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года.
57. Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года.
58. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 289.
59. Гельман В.Я., Хопф Т. Центр и региональные идентичности в России. -/Под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. СПб., М.: 2003. С. 10.
60. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 51.
61. Тиллих П. Теология культуры. М., 1995. С. 34-35.
62. Вебер М. Протестантская этика и развитие капитализма. М., 1953.
63. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 51.
64. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. М., 1986. С. 188.
65. Сурова Е.Э. Трансформация европейской модели идентичности в процессе глобализации: Автореферат дис.... докт. философских наук. - СПб., 2006. С.12.
66. Туровский Т. Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России)/Полис. Политические исследования, #2 (122) 2011. С. 99.
67. Перегудов С. П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства/Полис. Политические исследования, #3 (123) 2011. С. 144.
68. Международная экономическая интеграция. Под ред. Н.И. Ливенцова. - М., 2008. С. 377.
69. Joppke C. Immigration and the Nation-State. The United States, Germany and Great Britain. Oxford, N.Y. Oxford University Press. 1999. P. 34.

70. Шапаров А. Е. Предоставление избирательных прав не гражданам: тенденции и практика/Полис. Политические исследования, #1 (121) 2011. С. 178.

71. Сегодня примерно 22 % европейцев признают географию континента элементом европейской идентичности. См.: EuropeanCulturalValues. SpecialEurobarometer 278.EuropeanCommission.FieldWork — February-March 2007. Report, Publication — September 2007.

72. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время в поисках утраченного. М., 1997. С. 129-130.

73. Ratzinger I. Europa — Horizonte der Hoffnung.Graz, 1983.S. 61.

74. История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988. С. 12.

75. Ясперс К. Смысл истории. М., 1991. С. 89.

76. Словарь античности. М., 1989. С. 612.

77. Утченко С. Цицерон и его время. М., 1972. С. 376.

78. Киютин В.Г. Философия истории. Часть 1. Философско-исторические учения V-XVI вв. Бишкек 1995. С. 65.

79. Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 3.

80. Гергей Е. История папства. М., 1996.

81. Мамбеталиева Г. С. Процессы интеграции и демократизации в современном мире. Бишкек, 2010. С. 74.

82. Ожукеева Т.О., Мамбеталиева Г. С., Кыдыралиева А.Ш. Государственные системы современности: сравнительный анализ. Бишкек, 2011. С. 193-194.

83. Носов М. Г. Россия и Европа/Современная Европа, #4, октябрь-декабрь 2008. С. 8-9.

84. Special Eurobarometer 278.European Cultural Values. Fieldwork February-March 2007. Report Publication September 2007. European

Commission.P. 78.

85. Special Eurobarometer 346 New Europeans.Report. Field March-April 2011. Publication: April 2012. Conducted by TNS Opinion & Social on Request of Directorate General for Employment, Social Affairs and Equal Opportunities Survey Co-ordinated by Directorate General for Communication (Research and Speech writing Unit). TNS Opinion & Social & Avenue Herrmann Debroux, 40 1160 Bruxelles, Belgique.P. 90.

86. Ibidem.

87. Зуев В. Н. ЕС: наднациональный механизм — главный инструмент европейской интеграции/Современная Европа, #2, апрель-июнь 2011. С. 94.

88. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1974. С. 47.

89. Первым государством-нацией Европы стала Англия еще под эгидой норманской династии.

90. Фонтейн П. Европа в 10 уроках. Люксембург: Бюро официальных публикаций Европейских Сообществ. 1995. С. 5.

91. Wistrich E. The United States of Europe. L., Poutledge. 1994. P. 2.

92. Зуев В.Н. Наднациональный хозяйственный механизм Европейского союза. М., 2007. С. 21.

93. Монне Ж. Реальность и политика: мемуары. М., 2001. С. 456.

94. Энтин Л. М. Европейское право. М., 2000. С. 10.

95. Договоры об учреждении Европейских Сообществ.

96. Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали..

97. Договор об учреждении Европейского Экономического Сообщества.

98. Договор об учреждении Европейского Сообщества по атомной энергии. М., 1994. С. 29.

99. Полный текст Европейского Кодекса поведения размещен по адресу: w.w.w.ombudsman.europa.eu/en/resources/code.faces

100. See: ec.europa.eu/commission_2010-2014/ashton

101. The European Commission 2010-2014. Profiles and priorities. Luxembourg: Publication Office of the European Union. 2010. P.5.

102. The High Representative for Foreign Affairs and Security Policy to Council 25 March 2010. Draft Council decision establishing the organisation and functioning of the European External Action Service. Explanatory Memorandum. ec.europa.eu/commission_2010-2014/ashton

103. European Court of Auditors the Efficiency and Effectiveness of the Personnel Selection Activities carried out by the European Personnel Selection Office. (pursuant to article 248(4), second subparagraph, cE). Special Report #9, 2009. P.6.

104. Court of Justice. Decision of the President of the Court of Justice Recording that the European Union Civil Service Tribunal has been Constituted in Accordance with Law. 12.12.2005. Official Journal of the European Union L 325/1 EN.

105. Court of Justice of the European Union. Annual report 2010.Synopsis of the work of the Court of Justice, the General Court and the Civil Service Tribunal. Luxembourg 2011. [w.w.w. curia.europa.eu](http://www.curia.europa.eu)

106. Трофимова О. Е. Франция: глобализация, интеграция и сохранение национальных интересов/Современная Европа, #4, октябрь-декабрь 2008. С. 93.

107. Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related Acts. Conference of the Representatives of the Governments of the Member States, Brussels, 30 January 2001.

108. The European Council in 2010.General Secretariat of the Council. .Luxembourg: Publications Office of the European Union7 2011. P. 14.

109. □efcovic M. Vice-president of the European Commission responsible for interinstitutionale Relation and Administration. Lisbon Treaty — two yars after its entry into force. College of Europe.Bruge, 10 February 2012.

110. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества. М., 2010.

111. The European parliament and the cooperation procedure//Studiadiplomatica. - Bruxelles, 2007, V. 41. 33. - P. 293.

112. [Http://www.europarl.europa.eu/parliament/archive/elections2009/en/seats_by_group_en.html](http://www.europarl.europa.eu/parliament/archive/elections2009/en/seats_by_group_en.html)

113. Хартли Т. Основы права Европейского сообщества. Введение в конституционное и административное право Европейского сообщества. М., 1998. С. 15.

114. Special Eurobarometer 278.European Cultural Values. Fieldwork February-March 2007. Report Publication September 2007. European Commission.

115. Decision No 719/96/EC of the European Parliament and of the Council of 29 March 1996 establishing a programme to support artistic and cultural activities having a European dimension (Kaleidoscope) (hereinafter, the “Kaleidoscope Decision”). OJL 99, 20.4.1996.

116. Салымбекова А. Д. Культурная политика Евросоюза в глобальном мире. Бишкек, 2008. С. 76.

117. Council Regulation (EEC) # 3911/92 of 9 December 1992 on the Export of Cultural Goods.OJ L 395. 31/12/1992.

118. Council Directive 93/7/EEC of 15 March 1993 on the return of cultural objects unlawfully removed from the territory of a Member State [Official Journal L 74 of 27.03.1993].Amended by: Council Directive 2001/38/EC2001 of 5 June 2001 OJL 187 of 10.07.2001].Directive 96/100/EC of the European Parliament and of the Council of 17 February 1997 amending the Annex to Directive93/7/EEC on the return of cultural objects unlawfully removed from the territory of a Member State .OJ L 60 of 01. 03. 1997.

119. Социальная Европа в XXI веке/Под ред. М.В. Каргаловой. М., 2011. С. 27.

120. Vassiliou A. Member of the European Commission responsible for Education, Culture, Multilingualism and Youth. Education Europe – a passport to success. World Skills Exhibition 2011. London, 7 October 2011. ec.europa.eu/commission_2010-2014/vassiliou

121. Declaration of the European Ministers of Vocational Education and Training, and the European Commission convened in Copenhagen on 29 and 30 November 2002. *Enhanced European Cooperation in Vocational Education and Training*.

122. Sources: Unesco/OECD/Eurostat data collection. gg

123. Vassiliou A. Member of the European Commission responsible for Education, Culture, Multilingualism and Youth. Presentation of "Erasmus for All" and "Creative Europe". EP Culture and Education Committee. Brussels, 23 November 2011.

124. ECORYS. Study on Maximising the Potential of Mobility in Building European Identity and Promoting Civic Participation. Final Report, July 2011. P. 38.

125. Консолидированный текст Договора о Европейском союзе // В кн. *Европейское право* / Под ред. Энтина Л.М. - М., 2000. С. 526.

126. Начало европейскому политическому сотрудничеству было положено в 1970 году на основе так называемого «Доклада Давиньона». Институты Европейских сообществ практически не имели никакого влияния на политическое сотрудничество - авт.

127. Кюютин В.Г., Кыдыров Т.Т. Шенгенская система. Бишкек, 2001. С. 54-70.

128. ECORYS. Study on Maximising the Potential of Mobility in Building European Identity and Promoting Civic Participation. Final Report, July 2011. P. 28.

129. Garo M. *La citoyennete de l'Union europeenne*. Paris, Editions L'Harmattan, 1999. P. 17.

130. Социальная Европа в XXI веке/Под ред. М.В. Каргаловой. М., 2011. С. 35.

131. Abeles M., Bellier B., McDonald M. Approche anthropologique de la commission europeenne: Executive Summary. Brussels, 1993.P.15.

132. По данным опроса общественного мнения в Евросоюзе, проведенного в 2009 году, 60% респондентов уверены в позитивном влиянии мобильности на процесс европейской интеграции. 11% высказались отрицательно и 21% не высказались своего мнения. См: Special Eurobarometer 337. Geographical and Labour Mobility Report. Fieldwork: November-December 2009. Publication: June 2010.

133. Special Eurobarometer 346 New Europeans. Report. Field March-April 2011. Publication: April 2012. Conducted by TNS Opinion & Social on Request of Directorate General for Employment, Social Affairs and Equal Opportunities Survey coordinated by Directorate General for Communication (Research and Speech writing Unit). TNS Opinion & Social & Avenue H. Debroux, 401160 Bruxelles, Belgique.

134. Directive 2004/38/EC of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the Right of Citizens of the Union and their Family Members to move and reside freely within the Territory of the Member State amending Regulation EEC #161/28 and repealing Directive 64/221/EEC, 68/360/EEC, 72/194/EEC, 73/148/EEC, 90/365/EEC and 93/96/EEC.

135. Цапенко И.П. Экономический цикл и международная миграция населения/Современная Европа, #8, август 2011. С. 37.

136. Под «компаниями или фирмами» подразумеваются компании или фирмы, учрежденные на основе гражданского или коммерческого права, в том числе кооперативные общества, а также другие юридические лица, регулируемые публичным или частным правом, за исключением некоммерческих организаций. Там же. С. 68.

137. Communication of 10 May 2005 from the Commission to the Council

and the European Parliament. The Hague Programme: ten priorities for the next five years. The Partnership for European renewal in the field of Freedom, Security and Justice [COM(2005) 184 final].

138. <http://ec.europa.eu/consularprotection>

139. The European Commission 2010-2014. Profiles and priorities. Luxembourg: Publication Office of the European Union. 2010. P.9.

140. [Http://ec.europa.eu/consularprotection](http://ec.europa.eu/consularprotection)

141. Злоупотребления означают деятельность институтов, органов и агентств Евросоюза в нарушение обязательных правил или принципов. - авт.

142. Annual Report on the European Ombudsman's activities in 2010. europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=Report.reference=A7-2011-02858format=XMLlanguage=EN

143. Сегодня в Евросоюзе насчитывается 23 официальных языка. Кроме того, право обращаться на своем родном языке имеют баски, каталонцы и галисийцы. Все документы Евросоюза в обязательном порядке переводятся на официальные языки и имеют равно аутентичную силу. - авт.

144. The European Commission 2010-2014. Profiles and priorities. Luxembourg: Publication Office of the European Union. 2010. P.11.

145. Europe for Citizens Programme 2007-2013. Programme Guide7Version valid as of March 2011. Directorate-General for Communication.ec.europa.eu/citizenship/index_en.htm. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency.eacea.ec.europa.eu/citizenship/index_en.php& P. 4.

146. Regulation (EU) No 211/2011 of the European Parliament and of the Council of February 2011 on the citizens' initiative. 11.3.2011. Official Journal of the European Union L 65/1.

147. Europa for Citizens — Programme Guide.Final Version, March 2011.

148. Europe for Citizens Programme 2007-2013. Programme Guide. Version valid as of March 2011. Directorate-General for Communication http://ec.europa.eu/citizenship/index_en.htm. Education, Audiovisual and Culture Executive Agency http://eacea.ec.europa.eu/citizenship/index_en.php P. 5.

149. Online Consultation on the Future of the Europe for Citizens Programme. Final analysis of responses, March 2011.

150. Цит. по: ФестИ. Гитлер. Триумф и падение в бездну. М., 2007. С. 48.

151. Atkinson J. British Immigration Policy. Race Relation and National Identity Crisis. University of Notre Dame. L., 1992. P. 3..

152. Muller K. Integrating Turkish Communities: A German Dilemma. In: The Challenge of Demographics in Germany: Selected Policy Discussions, 2004. Ed. By R. Verdugo. P.15.

153. Буторина О. В. Стратегические вызовы Евросоюза в XXI веке и перспективы развития отношений ЕС и СНГ./Европейские страны СНГ. Место в «Большой Европе». М., 2005. С. 110.

154. Das Grundsatzprogramm der CDU «Freiheit und Sicherheit. Grundsatz für Deutschland» beschlossen vom 21. Parteitag in Hannover 3-4. Dezember 2007, S.21. www.grundsatzprogramm.cdu.de/doc/071203-beschluss-grundsatzprogramm-5-navigierbar.pdf

155. Бирюков С.В., Барсуков А.М. «Крайние правые» партии в современной Европе (От утопической ортодоксии к альтернативной стратегии)/Современная Европа, #11, август 2011. С. 93.

156. Омурбекова Н.Д. Международная миграция в Содружестве наций в условиях глобализации. Бишкек, 2008. С. 48.

157. Иноземцев В.Н. Иммиграция: новая проблема нового столетия. Исторический очерк/Русский архипелаг. www.archipelag.ru

158. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wiewirunser Land aufs Spiel setzen. Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.

159. Орлов Б.С. Европейская социал-демократия в поисках новой идентичности. В: Социал-демократия в современном мире. М., 2010. С. 42.

160. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council concerning terrorist recruitment: addressing the factors contributing to violent radicalization [COM (2005) 313].

161. Jenkins Ph. God's Continent: Christianity, Islam and Europe's Religious Crisis. Oxford University Press. 2007. P. 23.

162. Пузырев Д. А. Исламский фактор в мировой политике/Мировая экономика и международные отношения. #3, 2011. С. 67.

163. Величко О. И. Консерватизм и либерализм в сегодняшней Австрии. В: Европейские правые: прошлое, настоящее, будущее. Часть 1. М., 2008, С. 109.

164. Лункин Р. Н. Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм/Современная Европа. #2, апрель-июнь 2011. С. 125.

165. Швейцер В. Я. Европа: большой опыт малых стран/Современная Европа, 34, октябрь-декабрь 2008. С. 47-48.

166. Мотрошилова Н. В. Юрген Хабермас: что происходит с Европой?/Современная Европа, #4, октябрь-декабрь 2008. С. 24.

167. Цит. по: Фест И. Гитлер. Триумф и падение в бездну. М., 2007. С. 157.

168. Воон Г. Расширение ЕС: экономическое измерение и политические последствия. В: Европейские страны СНГ. Место в «Большой Европе». М., 2005. С. 118.

169. The European Community and united Germany. Public Opinion in East and West Germany. Special Report on the results of the October 1990. Eurobarometer Survey, # 34. Brussels, March 1991.

170. Барабанов О.И. Общая политика Европейского союза в области обороны и безопасности: этапы становления и перспективы развития. В: Европейские страны СНГ. Место в «большой Европе». М., 2005. С. 187.

171. The European Commission 2010-2014. Profiles and priorities. Luxemburg: Publication Office of the European Union. 2010. P.40.

172. ARD (2010). Wie beurteilen Sie die diskutierte Finanzhilfe Deutschlands für Griechenland?
<http://de.statista.com/statistik/daten/studie/156018/umfrage/meinung-zur-diskutierten-finanzhilfe-von-deutschland-fur-griechenland>

173. Цит. по: Кожокин Е. И. Европейский союз, Россия, СНГ: демографическое измерение/Международная жизнь, #3, октябрь 2011. С. 3.

174. Хронология 20 лет постсоветской (дез)интеграции 1991-2010 гг./Евразийская экономическая интеграция. #1 (10), февраль 2011. С. 11.

175. Акунов А., Киятин В., Прытков В., Токтомышев С. Постсоветский Кыргызстан глазами зарубежных политологов. Бишкек, 2008. С. 19.

176. Reetz D. Central Asia and Pakistan. A Troubled Courtship for an Arranged Marriage: Conflicting Perception and Realities. Central Asia Journal, #37, 1995, S. 22.

177 w.w.w.mid.ru/brp_4nsf/0/2A91C1408E0B9CD2C32576DDO4EBA7B

178. Соглашение о порядке введения и применения мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, на единой таможенной территории в отношении третьих стран от 9 июля 2009 года.

179. Договор о Таможенном Кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г.

180. Глазьев С. Ю. Реальное ядро постсоветской экономической интеграции: итоги создания и перспективы развития Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России/Российский экономический журнал, #6, 2011. С. 57.

181. Соглашение о Секретариате Комиссии Таможенного союза от 12 декабря 2008 г.; Договор об Объединенной коллегии таможенных служб государств-членов Таможенного союза от 22 июня 2011 г.; Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. и др.

182. <http://w.w.w.government.ru/ru/docs/9641>

183. Хронология 20 лет постсоветской (дез)интеграции: 1991-2010. Евразийская экономическая интеграция, #1 (10), февраль 201, С. 19.

184. Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г.

185. Дзись Ю. Развитие Европейской публичной службы: проблемы и достижения/Вестник КРСУ. Т. 11, #3, 2011. С. 83.

186. Максимчук Н.В. Хроника региональной интеграции за 1 квартал 2011 года/Евразийская экономическая интеграция. #2 (11), май 2011. С. 97-126.

187. Эшимбекова Н.С. Национальное самосознание как фактор этнической идентичности кыргызов/Вестник КРСУ. 2011, Т. 11. #6. С. 47.

188. Беспалов С.В. Перспективы реализации геополитических интересов России на постсоветском пространстве/Полис. Политические исследования. # 2 (122) 2011. С. 120.

189. Российская газета, #33 (5706), 16 февраля 2012 г.

190. Беспалов С.В. Перспективы реализации геополитических интересов России на постсоветском пространстве/Полис. Политические исследования. # 2 (122) 2011. С. 128.

191. Лунева Г. Таможенный союз...а нам надо?/Деловой собеседник, #15 август 2011. С. 14.

192. Халим Незихоглу. Место и роль национальной идентификации постсоветской Кыргызской Республики в политических процесса [Текст]: автореф. дис...кандидата полит.наук:23.00.02. –Бишкек, 2012.-25 с.

193. Гончарик А.А. Роль политического класса в формировании

региональной идентичности в постсоветской России [Текст]: автореф.
дис...кандидата полит.наук:23.00.02. –Пермь, 2012.- 26 с.

«УТВЕРЖДАЮ»

Вр. и. о. начальника Академии МВД
Кыргызской Республики
им. генерал-майора милиции Алиева Э.А.
д.ю.н., профессор, полковник милиции
Джоробеков А.А.

2013 г.

АКТ

о внедрении научных результатов, полученных в диссертации Мамытова Э.А. на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02.: «Политические институты, процессы и технологии» на тему: «**Формирование европейской (наднациональной) идентичности: противоречия процесса**»

Комиссия в составе: председателя — начальника учебно-инспекционного управления Академии МВД Кыргызской Республики, полковника милиции А.С. Мажитова, членов комиссии — начальника кафедры общественно-политических дисциплин, доктора исторических наук, профессора, полковника милиции Каана Айдаркул, начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, кандидата юридических наук, майора милиции У.А. Есенова, доцента кафедры общественно-политических дисциплин, кандидата культурологических наук, доцента, полковника милиции М. Омуралиева, доцента государственно-правовых дисциплин, кандидата юридических наук, подполковника милиции А.Б. Каримова свидетельствует о том, что при разработке проблемы формирования наднациональной (общеевропейской) идентичности с учетом ее противоречивого характера Э.А. Мамытовым были получены научные результаты, характеризующие:

- типологию современных идентичностей индивидов и крупных общественных групп, влияние социализации человека на выбор конкретных идентичностей, а также способы и технологии неконфликтного сосуществования различных идентичностей;

- базовые элементы европейской идентичности и их объективная обусловленность;
- фундаментальную роль принципа наднациональности в процессе евростроительства, корреляционные взаимосвязи европейского интеграционного проекта, формирующего наднациональной (общеевропейской) идентичности;
- основные инструменты, технологии и механизмы Евросоюза, в том числе политико-правовые, направленные на консолидацию европейской идентичности (проекты в сфере культуры, развитие мультилингвизма, региональная политика, институт гражданства ЕС и т.д.);
- противоречия и негативные установки, оказывающие тормозящее и даже попятное воздействие на процесс консолидации «европеизма»;
- возможность формирования наднациональной идентичности, установленной на примере Евросоюза, как фактора развития интеграционных процессов в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Научные результаты, полученные в диссертационной работе Э.А. Мамытова, внедрены в учебный процесс Академии МВД Кыргызской Республики при преподавании учебных дисциплин политология, международное право (история европейской интеграции) и культурология, а также в деятельности НИ и РИО Академии МВД в части методического обеспечения учебного процесса, подготовки и разработки учебно-методической и научной литературы.

Председатель комиссии

С.А. Мажитов

члены комиссии:

Каана Айдаркул

У.А. Есенов

М. Омуралиев

А.Б. Каримов

г. Бишкек, « 11 »

05

2013 года